

Ведьма судьбы

КНИГА 1

СЕРИЯ «ЭЛЕМЕНТАЛЬ»

ШЕННОН
МАЙЕР

Меня зовут Лакспер и я — Элементаль.

С помощью силы земли мой народ поддерживает жизнь и сдерживает наших врагов... Я — старшая дочь короля, наследница, и должна была занять место своего отца. Но полукровке, бастарду таких почестей не видать.

Меня обвинили в покушении на королеву, зловредную мачеху, и теперь я серьезно опасаясь за свою жизнь.

Мне предстоит выбор: или изгнание или военное обучение, чтобы стать членом элитной охраны Короля — Эндером.

Первый вариант меня убьет.

Второй вариант меня сломает, но только так я смогу выжить.

Кстати, я не упоминала, что у меня нет способностей других элементалей, и моя связь с землей гроша ломаного не стоит?

Разве может быть еще хуже? Естественно! Добро пожаловать к Элементалям!

Шеннон Майер
Изменившая судьбы

Глава 1

«Сон, всего лишь сон,» — твердил мне уголок сознания, но ужас и боль привязавшегося «просто сна» вовсе не казались чем-то незначительным. Я все еще не могла избавиться от него.

Молодая поросль бледно-зеленых папоротников колола босые ноги и гладила лодыжки, пока я пробиралась сквозь низкие кусты, смех дрожал у меня на губах. Я обвила пальцы вокруг лозы, свисающей рядом, всматриваясь в туман в лесу. Прятки были моей любимой игрой, ладно, нашей с Кактусом любимой игрой. Звук его шагов долетел до ушей за секунду до того, как он выскочил сбоку среднего размера секвойи. Я упала на землю и пошевелила пальцами. Лианы и листва поспешно откликнулись на мой призыв, укрывая тело и скрывая от его глаз. Я прикрыла рот руками, сдерживая смех, и наблюдала за ним, стоящим в гневе, широко расставив ноги.

— Ларк, я не могу найти тебя. Ты снова жульничаешь?

Губы плотно сжались — я чуть было не попала на его уловку. Мышцы ног напряглись и приготовились вытолкнуть меня из укрытия. Я никогда не жульничала. В конце концов, я дочь короля. Я все еще была принцессой, пусть и не законной наследницей. По крайней мере, в своих собственных мыслях. Поэтому ложь была не допустима.

Но затем я увидела усмешку на губах Кактуса, когда он поворачивался в поисках меня.

— Ларк? — Он положил руки на худые бедра и сделал длинный шумный вздох. — Хорошо, ты выиграла. Опять. Ты просто слишком хороша в этом.

Я коснулась пальцем почвы и послала мягкий импульс через землю к ногам Кактуса. Он повернулся туда, где я пряталась, с улыбкой на лице, когда почувствовал мой вызов. Мы только недавно научились связываться друг с другом с помощью земли, если находились близко друг к другу.

Я села и махнула ему, лозы соскользнули с моих плеч.

— Сюда, неудачник.

Со стоном, он направился ко мне. Рыжеволосый и зеленоглазый, он был такой же аномалией в Крае — нашем доме в Редвуде, — как и я со своими светлыми волосами и разноцветными глазами. Одним янтарным, другим зеленым. Мы познакомились в начале лета, когда лес окутывал густой туман, и с тех пор были неразлучны.

— Хочешь сейчас спрятаться? — Я похлопала по месту рядом с собой, убирая листву, чтобы он мог сесть.

— Нет, ты слишком хороша в этой игре. Во что еще мы можем поиграть?

Я взглянула вверх: в воздухе собирался густой туман, создающий в лесу облака. Было одно место, куда мы никогда не должны были ходить. Рядом с границей королевства моего отца проходили человеческие дороги, ведущие в их города. Место, запрещенное для всех, кроме Эндеров — королевских стражей. Я затрепетала от волнения при мысли о том, чтобы увидеть лицо человека не только в книге. Хотя Кактуса будет трудно убедить.

— Почему бы нам не отправиться в исследовательский поход?

Его глаза сузились.

— Это куда? Мы знаем лес лучше, чем кто-либо, что еще можно исследовать?

Улыбка скользнула по губам.

— Границу.

Его глаза широко распахнулись.

— Если твоя мать поймает нас, нас обоих ждет порка.

Я фыркнула и пропустила пучок травы сквозь пальцы.

— Моя мать не поднимет на меня руки, в отличие от твоей.

Я съежилась, когда слова выскользнули изо рта. И положила руку ему на плечо, чтобы успокоить. — Кроме того, мама занята с малышом. Она даже не узнает, что мы ушли.

И без малейшего труда, мы были свободны. Я не знаю, насколько большим на самом деле был горный лес; в десять лет я не обращала внимания на вещи такого рода. Секвойный лес был нашим домом, где мы могли в безопасности бегать и играть с первых утренних лучей до самого захода солнца. Но я знала, что человеческая дорога на окраине леса вела на запад, а ближайший город был на севере. Место, где были машины и электрические огни, место, где женщины носили штаны, а мужчины — сережки. По крайней мере, я видела это у Белладонны, моей старшей сводной сестры, в журнале «Ролинг Стоун».

— На нем была смешная дата, не похожая на то, как мы считаем времена года, — сказала я Кактусу. — Ноябрь девять, один девять семь два. Я спросила маму, что это значит, а она ответила, что люди так делают вещи. Им нужно все подписывать.

Кактус хмыкнул, но ничего не сказал. Он не был заинтересован человеческими вещами.

Белладонна как-то показала мне «журнал», и эти изображения врезались в память. Я хотела узнать, были они реальными или нет. Действительно ли люди делали все эти странные вещи?

— Ларк, думаешь, в один прекрасный день другие элементали примут нас? Возможно даже Ферн? — Его глаза метнулись ко мне, а потом к верхушкам деревьев.

Я забралась на большое, наполовину гнилое бревно с цветами, прорастающими из трухи, затем повернулась, чтобы помочь Кактусу забраться.

— Конечно. Потому что однажды они увидят, какие мы сильные и что мы можем быть героями. И Ферн увидит, какой ты красивый и перестанет быть такой гадкой. Возможно, она даже позволит тебе поцеловать себя.

Ферн была худшей в компании, даже хуже, чем мои сводные сестры и братья, всегда дразнила нас и выставляла на посмешище. Это не останавливало Кактуса от тоскливых взглядов всякий раз, как мы ее видели. Она была, в конце концов, самой красивой девочкой в лесу. Хотя нет, неправда. Моя мать была самой красивой девушкой в лесу с ее длинными светлыми волосами и фиолетовыми глазами, которые, казалось, видят тебя насквозь.

Его глаза засверкали.

— Правда? Ты думаешь, она бы позволила мне поцеловать ее?

Я кивнула, не смущенная тем, что он вздыхал о Ферн.

— Мама сказала мне, что однажды мы с тобой станем героями, а она не стала бы врать на счет этого. Почему бы Ферн не захотелось поцеловать героя?

И все же, я почувствовала укол в сердце. Кактус не был настолько силен с землей, как должен был. Его дар лежал больше в отцовской сфере.

Он больше был Огнем, и я слышала, что его мать может отправить его в Шахту, чтобы он был с семьей отца. Для обучения там.

Дрожь волною пронеслась сквозь меня. Полукровкам вроде нас, детям, несущим в себе способности двух элементалей, приходилось намного тяжелее в этом мире. Но это не означало, что мы не справлялись. Просто нам нужно больше работать. Так всегда говорила моя мама.

— Кактус, ты когда-нибудь видел своего отца?

Он покачал головой, и я зачарованно смотрела, как его лицо вдруг стало выглядеть лет на десять старше. Как будто он повзрослел прямо у меня на глазах.

— Нет.

— Ты хотел бы?

Годы отступили, и он снова был просто моим другом.

— Я не знаю. Мне иногда страшно. Мой огонь покидает меня, и я не могу этого скрыть. Я думаю, мама собирается отослать меня. — Его тон понизился. — Мой отец... не думаю, что он хороший человек.

Я схватила его за руку и крепко переплела наши пальцы. Не то чтобы его мать была другого сорта. Я не понимала, как у нее мог вырасти такой мальчик, как Кактус.

— Я ей не позволю. Ты мой единственный друг, а я — твой. Неважно, что случится, мы всегда будем друзьями.

Он улыбнулся, и я улыбнулась в ответ. Отвела взгляд, чтобы сориентироваться.

— Думаю, мы сбились с дороги.

Кактус не отпустил меня, повернувшись, что означало — я иду с ним, вспоминая пройденный путь.

— Ты это слышала?

Мы оба замерли, прислушиваясь к звукам леса. Постоянные птичьи трели замолкли, даже жуки, казалось, приглушили свои обычные песни и озаботились поиском места, где бы закопаться. Только стекающая с листьев вода и туман остались от звуков, которые я ожидала услышать. Листва вокруг дрожала, словно от ветра, но ветра не было. Это был не тот лес, который я знала, не те тропы, на которых я выросла. Затем резкий холодный порыв воздуха, не принадлежащий лесу, сорвался с макушек деревьев, оставив завитки в сжатом пространстве.

Я крепче ухватилась за руку Кактуса.

— Мне это не нравится. Выглядит странно.

Он вытолкнул меня вперед, обняв руками мои худые плечи.

— Можешь нас спрятать?

Не говоря ни слова, мы упали на землю, и я взмолилась к лозам и зарослям, чтобы те укрыли нас. Мы прижались грудью к земле, и Кактус положил свою правую руку мне на спину. Наше дыхание замедлилось, когда мы слились с землей под нами, и сердца бились вместе с той, которую обычно мы называли богиней-матерью.

Даже не смотря на такую поддержку, страх опутывал нас, обрушиваясь на тела, как огромный медленно надвигающийся камень, мучая тем, что может быть на подходе.

Воздух закружился и потом послышался тяжелый топот бегущих ног. Крик заставил мое сердце выскочить из-под контроля, стянул мышцы и заставил горло сжиматься до тех пор, пока оно почти не закрылось.

— Ларк, беги! — вырвавшиеся у мамы слова сотрясали неестественную тишину.

Глаза Кактуса расширились, и он сжал меня крепче, прижимая к земле. Мы не сказали друг другу ни слова, но все поняли. Моя мама не сказала бы мне убежать без причины. Шепот ночью в течение нескольких последних недель, страх в тихом воздухе, когда я просыпалась каждое утро, и странное выражение в глазах мамы, когда она смотрела на нас с братом, внезапно обрели больше смысла.

Потоки стали сильнее, озон собирался вокруг нас большими слоями. Воздушные

элементали, Сильфы, были единственными, кто мог создать шторм в таком горном лесу. Я знаю: мама рассказывала мне обо всех элементалях. Я оттолкнула Кактуса и привстала ровно настолько, чтобы видеть над стеблями травы. На поляне, где мы с Кактусом стояли за минуту до этого, теперь стояла моя мама. Спинай ко мне, со светлыми волосами, танцующими на ветру, так что они не касались земли, как в обычное время. Слабый крик, и я знаю, что с ней Брэмли, мой маленький брат.

То, что произошло дальше... я едва могла осознать. Пять фигур, облаченные в мерцающие тени, спустились вниз с верхушек деревьев. Проблески бледной кожи тут и там — было всем, что я видела, пока они не приземлились, окружая мою мать.

— Ты же не думаешь, что могла обогнать нас, не так ли? Ты — выродок, исчадь Духа, ты должна была быть уничтожена, еще когда попросила здесь убежища, а затем соблазнила короля, дав жизнь чудовищам. Чем ты думала, это закончится, кроме твоей смерти?

Этот голос я знала слишком хорошо. Жена моего отца — королева Кассава. Она вышла из-под полога деревьев, шлейф из паутины летел сзади по ветру. Невысокая и крепко сбитая, она была полной противоположностью моей гибкой стройной матери и ее неземной красоты. С того места, где мы прятались, я могла видеть ее лицо. Она была красива на манер земных элементалей, с темными волосами и яркими зелеными глазами.

— Поступай со мной как знаешь, — мягко произнесла мама, звук ее голоса успокаивал меня, хотя я знаю, что она боялась. И как она могла не бояться? Королева была пугающей. И все же мама стояла прямо.

— Но оставь жизнь моим детям. Они здесь ни при чем.

Королева фыркнула и отбросила назад капюшон своей мантии.

— И позволить им болтать обо мне? Думаю, нет. Ты умрешь, и твои дети умрут вместе с тобой.

Под моими босыми ногами и руками задрожала земля, гнев поднимался в сердцевине, сквозь все слои, которые мы почитали священными, прямо в тело. Прежде чем Кактус смог остановить меня, я вскочила и рванулась к ближайшей из четырех фигур в черных капюшонах. Не думая ни о чем, я взмахнула руками над фигурой в плаще и лозы, которые были такими добрыми и мягкими под моими руками, встали на дыбы и обвились вокруг него. Лозы затянулись, и хруст костей разнесся в воздухе.

— Ларк, нет! — Мама развернулась, из ее синих, как океан, глаз по щекам текли слезы. — Беги, милая, беги!

Она двинулась, чтобы передать мне Брэмли и была отдернута назад невидимыми нитями воздуха. Я поймала Брэма, вцепилась в него, а мама была оторвана от нас, ее тело взлетело высоко в воздух, далеко в облака над лесом. Я дрожала, стоя на месте, не в силах послушаться ее. Брэмли завопил, его пухлые кулаки сжались, а лицо покраснело от гнева и страха. Я считала секунды, ожидая ее падения. И когда она падала, свист несущегося сквозь облака тела заставил мое сердце замереть.

Мир замедлился, пока мамино тело падало вниз, ее волосы развевались, словно она была воздушным змеем, нить лопнула, и тело было свободно от оков. Я не могла закрыть глаза, наблюдала, как она падает, как ломается ее тело от удара. Падение не должно было убить ее, но все же в глубине души я знала, что она умерла.

Она умерла, и теперь нас осталось только двое. Шок и освобождение заполнили все мое тело, оставив потрясенной до глубины души. Моя мама — единственный человек, любивший меня, — она была мягкой со всеми встречными, делилась всем, что мы имели с теми, кто

имел меньше, и давала приют тем, у кого ничего не было.

Мертва, за долю секунды по прихоти ревнивой королевы.

— Видишь, что случается, когда не делаешь, как я говорю? — едва улыбнулась мне Кассавя плотно сжатыми губами. Тяжело. Она была словно гранитная, но без красоты присущей истинному граниту.

— Теперь дай сюда отродье, — ощерилась она, затем оглянулась на приближенных. — Викиер, убей ребенка первым, а потом девочку. Он тот, кого мой глупый муж назвал своим наследником.

— Что на счет другого полукровка?

Кассавя взглянула на Кактуса.

— Я сотру его память. Думаю, его можно будет использовать позднее. — Затем она протянула к нам руку, словно я собиралась отдать ей Брэма.

— НЕТ!

Все мои страхи и эмоции выплеснулись в том единственном слове и грязь вокруг нас взорвалась. Камни и куски земли полетели в воздух. Летящие предметы миновали нас, но королеве повезло меньше. Что-то, кусок кварца судя по отблеску, врезалось ей в висок и она упала без сознания. Одну из высоких, закутанных в плащ фигур задело камнем по голове, он полоснул его по лицу с правой стороны.

Далекий уголок моего сознания задавался вопросом, где же был наш эндер. Отец никогда бы не оставил бы нас без защиты. Где он пропал? Он должен был держать нас в безопасности от таких вещей.

Мысли разбежались, когда я столкнулась с опасностью в одиночку. Без королевы осталось трое сильфов, которые окружали нас. Я прижала Брэма к груди, удерживая его извивающееся тело изо всех сил. Его маленькие пальчики держали меня за волосы, крепко цепляясь, он хныкал.

— Мама.

Я попятилась, опасаясь перебить ровный ритм в голове и сердце, пересиливая злость, которая поддерживала меня.

Фигуру слева охватило пламя, его крик вырвал меня из тумана, в который я погрузилась. Кактус подхватил меня, и мы побежали так быстро, как я могла, неся Брэмли. Ветер закружил, потянул нас назад, дюйм за дюймом. Мы внезапно оказались в ветряном туннеле, наши тела дергались как марионетки на веревочках. Я прижалась к Брэмли, его плач еле доносился сквозь рев ветра.

Я сделала единственное, что могла. Я воззвала к матери-земле, умоляя спасти нас.

— Пожалуйста! — мой крик сорвался с губ, но не думаю, что кто-нибудь его услышал.

Я ошиблась.

Земля вздрогнула, и наши ноги утонули, грязь образовала якорь вокруг нас, затормозив сзади. Сгорбившись над братом, я упала вперед, прижимая его к земле собой. Свернувшись вокруг него, я закричала, когда он слегка выскользнул из-под моей руки. Изо всех сил я сжимала его, но я была лишь маленькой девочкой, а ветер был таким сильным. Смех донесся до наших ушей, как-то миновав бурю. Я подняла глаза и посмотрела через плечо. Королева стояла, и кровь стекала по ее лицу, там, где ее зацепил осколок. Она взмахнула рукой и якорь вокруг наших ног исчез.

Брэмли был выхвачен из моих рук, его светлые кудри разлетались по сторонам, глаза как у меня, один янтарный и один зеленый, были полными слез и ужаса, когда он пролетел

по воздуху в руки королевы. Она схватила его за руку, болтая им, словно просто куском мяса. Один поворот запястья в сторону сильфов и буря утихла. Я с трудом вдыхала, осознавая, что ветер выбил весь воздух из легких.

— Пожалуйста, верни мне его! — Меня не волновало, что я умоляю. Ради него я сделаю что угодно.

Она ухмыльнулась.

— Хочешь его обратно?

— Да, пожалуйста, он всего лишь испуганный ребенок!

Она склонила голову, длинные локоны темно-каштановых волос упали на плечо.

— Мне он не кажется испуганным.

Он свисал с ее руки, тихий, с закрытыми глазами.

Грудь не поднимается.

Тело неподвижно.

От страха мурашки поползли по телу, зрение помутилось. Подо мной земля испустила поток энергии через ступни, выводя из ступора.

Королева убила моего брата.

Она убила мою маму.

Кактус потянул меня.

— Ларк, мы должны уходить.

Я не могла отвести взгляд от королевы, мой брат свисал с ее руки. Образ матери летящей на землю с развевающимися волосами, как какой-то сломанной куклы.

Брат. Мама. Семья. Отрывистые слова снова и снова звучали в голове, как на заикленной пленке. Она бросила мне его тело, и я попыталась поймать.

Она разговаривала с Кактусом, но я едва слышала. Опустившись на колени, я держала Брэма в руках. Может, он просто спит, притворяется, чтобы королева снова не причинила ему боль.

Я пробежалась пальцами по его лицу, потрепала за щеки.

— Брэм, малыш, просыпайся.

Слезы проложили горячие дорожки на лице, казалось, что кожа горит, как в огне.

Он умер, его жизнь забрали в самом начале, когда он только начал расти.

Казалось, мир вокруг меня закрутился, земля заворчала под моими коленями, ровный гул прошел сквозь тело.

Я подняла руку, чувствуя, как сила земли наполняет меня, давая мощь и понимание, в которых я нуждалась. Деревья наклонились назад, словно раскачиваясь. Я видела только тех, кто сделал это. Других элементарей, тех, кто не принадлежал лесу. Кому никогда не следовало рисковать и приходить в наш дом.

И тогда деревья освободились. Рванувшись вперед, они врезались в оставшихся двух воздушных элементарей, вминая их в землю. У тех не было времени, чтобы закричать, позвать на помощь.

Королева повернулась.

— Ну и ну. Возможно, я не стану тебя убивать, Лакспер. Твой отец говорил мне, что ты была слабой, такой слабой. Но я вижу, что он ошибался. Или просто пытался спрятать тебя от меня.

Он постучала ногтем по зубам и глаза у нее стали задумчивыми.

— Да, вот что я сделаю.

Слова, которые не были моими, произнесенные голосом, которого я не узнала, вырвались изо рта.

— Кассава, ты заплатишь за эти смерти.

Королева отступила назад, ее глаза жесткие, а губы плотно сжаты. Она протянула ко мне правую руку, блестящий розовый бриллиант в кольце приковал мой взгляд, заморозив меня.

— Это всего лишь сон, Лакспер. Ты это знаешь. Твоя мать умерла от легочных червей, как и твой брат. Действительно жаль. И ты больше не сможешь обрести свою силу — при каждой попытке будет казаться, словно твою душу вырвали из тела. Ты слаба, слишком слаба, чтобы быть кому-нибудь полезной.

Рот открылся, чтобы отрицать, но потом... я вспомнила.

— Они умерли от легочных червей. Я слабая. Я бесполезная.

— Хорошая девочка, — проворковала она, подойдя ближе и что-то забирая из моих рук, что-то, что я не хотела отдавать. Я захныкала.

— Нет, это мое.

— Нет, — Кассава наклонилась ближе, ее дыхание касалось моей щеки. — Это не твое. Отправляйся спать, Лакспер, и когда ты проснешься, то ничего этого не вспомнишь.

Я подняла зареванные глаза, зная только, что она сделала что-то ужасное. Что-то, чего я никогда не смогу простить, то, что не могло быть отменено.

— Я тебя ненавижу. Я всегда буду тебя ненавидеть.

Она широко улыбнулась, ее красота была холодной и совершенной.

— Взаимно, маленький ублюдок.

Я дернулась, просыпаясь, пот катился по линии роста волос, стекал на шею и впитывался в хлопковые простыни. Рядом со мной пошевелился Коул, очертания его стройного тела были видны сквозь тонкую простынь. Хвала богине, он остался. Сны никогда не были совсем плохими, когда рядом со мной было теплое тело.

Я положила руку ему на спину, тепло и перекатывающиеся мускулы были якорем в дурмане сна. «Это реально, это не сон», — прошептала я про себя и легла, простыни липли к моей обнаженной коже. Прикрыв глаза рукой, я пыталась успокоить колотящееся сердце. Как часто это случалось на этой неделе? Пять ночей к ряду, сон окутывал меня чарами и удерживал, утаскивая ко дну своей настоящей цельностью.

Это оставалось в памяти как повторяющийся кошмар. Нет, я знала что это был просто плохой сон, проникающий в мой разум чтобы осознать бессмысленность гибели моей семьи. Но тем не менее, он по-прежнему был слишком реальным.

Я выглянула из-под руки. Легкий свет, проникающий через окно, не был еще даже рассветом, но из прошлого опыта я понимала, что не вернусь ко сну, не с моим учащенным сердцебиением и потом скользящим по телу. Я вздохнула и села, простыня заскользила, то останавливаясь, то продолжая, так как липла к моей обнаженной коже, в конце концов она остановилась на талии.

— Ляг и закрой глаза, Ларк, — пробормотал Коул. — Ты снова заснешь, если попытаешься, но не сможешь, если встанешь.

Наклонившись вперед, я выгнула спину, решив игнорировать Коула. Он не понимал, и я перестала объяснять ему свою точку зрения. Сны были реальны для меня, хоть я и знала, что это всего лишь сны. Мышцы были натянуты и сведены от напряжения, растяжка помогла вернуть в них ток крови. Коул повернулся, его волосы, черные как вороново крыло и такие же гладкие, спутались ото сна и занятий любовью. Я наклонилась и погладила его по голове.

— Досыпай, я собираюсь...

— Найти нечто, что докажет тебе, что это не сон и наша королева действительно страшная убийца?

Я высвободила свою руку из его, словно обжогшись.

— Не дразни меня, Коул.

— Я не дразню, но это глупо. Это сон, Ларк, не реальность. Тебе нужно выбросить его из головы. Это только то, что ты придумала, будучи маленькой девочкой, чтобы справиться со смертью мамы и брата. Забудь об этом.

Забудь об этом. Словно потеря такого близкого и любимого человека может быть забыта. Иногда он был настоящей задницей. В такие дни я задумываюсь о наших отношениях.

Он продолжал говорить, а я направилась к шкафу. Зарылась пальцами в золотой ворсистый коврик перед ним. Пушистый материал был моден в человеческом мире в этом году по сведениям моих сводных сестер. Я распахнула дверь шкафа и вытащила свою любимую одежду, которая также была той, которую Коул ненавидел. Мои человеческие находки я покупала у эндеров, возвращавшихся с охоты. Короткие синие джинсовые шорты низко сидевшие на бедрах и неоновро-розовый топ без бретелей со словом «Электрический» написанным зигзагом спереди. Я даже не могла ответить Коулу. Я была так зла и напугана,

что если бы я ответила, это было бы вовсе не мило. На самом деле, я была уверена, что это было бы грубо. Завязав волосы длинной до талии в узел на затылке, я остановилась и посмотрела через плечо.

— Я собираюсь на работу.

— Ларк, остановись. — Он встал, закинул руки за голову и потянулся всем своим шестифутовым телом, привлекая мой взгляд, словно пчелу на мед. Худощавые мускулистые изгибы и рельефные кубики на животе, появившиеся не только от тяжелой работы, но и отличной наследственности, темные волосы спадающие на лоб, и глубокие зеленые глаза, обрамленные длинными темными ресницами, сильно загорелая кожа — все взывало к моему телу.

Коул был, кроме всего прочего, чрезвычайно горяч. Он протянул руку и поманил меня к себе. Я нехотя подошла, он обнял меня и поцеловал в макушку.

— Я не хочу ссориться. Извини. Это убивает не только твой сон, ты ведь знаешь это, правда? А охранять Границу, держа людей подальше, вовсе не тоже самое, что весь день сажать растения. Эти чертовы хиппи подбираются все ближе, желают пообщаться с природой, куря вонючую траву, чтобы связаться с богиней-матерью. — Он фыркнул. — Моя работа держать их подальше и это трудно будет сделать, если я засну на службе, ты в курсе? Это не то, что можно сделать во сне.

Единственное, на чем я могла сосредоточиться — это сохранение спокойного дыхания. Черт побери, он унижает меня — снова. Слово работа с землей была недостаточно хороша.

— Да, я знаю, что разбудила тебя. Но мне нужно идти.

Его руки провели вверх и вниз по моим рукам, затем опустились, чтобы скользнуть под потертый край джинсовых шорт, в местечко между попкой и бедрами, щекоча чувствительную кожу.

— Ты уверена, что не можешь остаться немного дольше?

Мое сердце забилося быстрее уже по другой причине, и я изо всех сил пыталась избавиться от гормонов. Действительно ли он был хорош в постели? В этом не могло быть никаких сомнений.

Воспоминания прошлой ночи захлестнули меня, медленные, горячие поцелуи, которыми он проложил дорожку от ступней, покусывая и посасывая нежную кожу под коленями, поднимаясь кончиком языка по внутренней части бедра и затем, медленно...

— Мне пора. — Я отстранилась и почти побежала к двери. — Иди домой, Коул, и спи у себя сегодня.

— Ларк, не делай так. Не будь такой. Давай-же!

Я не слышала больше ничего из того, что он говорил, потому что захлопнула за собой дверь. Я сбежала по лестнице на нижний уровень, затем распахнула дверь наружу. Мой дом отличался от домов других семей. Мой был выдолблен внутри секвойи и превращен в дом-дерево. У остальных в большинстве своем были традиционные дома, бревенчатые, плотно прилегающие к секвойе. Но не внутри ее, как мой.

Все гигантские деревья вокруг меня, казалось, раскачивались, хотя я и знала, что они ничего подобного не делают. Облачная цепь поднялась чуть выше моего дома, и это создавало иллюзию движения. Я просунула босые ноги в петлю веревочного каната, проходившего через полиспаг, и соскочила с платформы перед дверью. Моего веса как раз было достаточно, чтобы переместиться тридцатью футами ниже по кругу, давая обзор нашего дома.

Спираль находилась на отдаленном конце Края, — человек бы назвал его городом или деревней. Спираль — центральная часть нашего маленького мира, состоит из множества закрученных между собой деревьев, связанных вместе силой моего отца. Со стороны это выглядело как нечто огромное, но как и о многом в Редвуде, впечатление было обманчивым.

Внутри Спирали располагался просторный надел с сотнями комнат, банкетных залов, кухонь и игровых комнат. Даже озеро на нижнем уровне, сделанное из родника с подогретой водой и идеально белым песком, было всегда теплым вне зависимости от времени года. Спираль была моим домом в течение многих лет после смерти матери. Но все изменилось. Стиснув зубы, я посмотрела на другие здания вокруг Спирали. У Эндеров, стражников моего отца, слева была казарма. Хоть Спираль и казалась внешне маленькой, но после одного визита я знала, что интерьер был огромен, комплекс в центральной части предназначался для боя, тренировок и обучения. Нижние уровни занимали комнаты целителей и тюрьма, которая перестала использоваться задолго до моего рождения.

Я содрогнулась от этой мысли. Мама однажды брала меня в тюрьму, тогда же я была и в казармах.

«Эти клетки отделяют тебя от всего мировоздания, Ларк. Ты не захочешь когда-либо оказаться в них. Поэтому всегда будь хорошей девочкой. Не воюй с братьями и сестрами, прислушивайся к своему отцу и всегда будь добра к окружающим». Это были одни из ее последних слов сказанных мне, прежде чем ей и Брэмли завладели черви.

В домах, ближайших к моему отцу и Эндерам, проживали члены нашей семьи, которые были сильными элементалиями: теми, которые имели силу, способную изменить наш мир, теми, которые имели звания и были полезны для нашей семьи.

Я вздохнула и посмотрела на землю, когда добралась до нее. «И вот я здесь, в самом удаленном уголке Края». Пожалуй, я была настолько далеко, насколько вообще возможно удалиться от отца. И вовсе не потому, что хотела этого.

Босые ступни коснулась земли, теплой и успокаивающей.

Я отпустила веревку, когда резкое воронье «кар-кар-кар» заставило меня поднять голову. Коул с обнаженным торсом выглянул из моего окна и нахмурился. Его взгляд медленно повернул, и я достаточно хорошо знала, что он поведет себя как придурок.

— Тебе нужна помощь Ларк. Серьезное лечение. Возможно, тебе следует встретиться с человеческим психиатром, пусть изучит твою голову и назначит тебе какие-нибудь действительно хорошие таблетки.

Моя спина напряглась, когда я увидела его улыбающееся лицо, поскольку три девушки из моей посевной группы вышли из-за угла и захихикали. Ну, если они хотели смеяться, то мне стоило дать им то, над чем смеяться.

— Ты знаешь, Коул, это хороший план. Может быть, я принесу что-нибудь и тебе тоже. Что-нибудь, чтобы помочь по части выносливости. Ты и я оба знаем, что всего две минуты — это не нормально.

У него отвалилась челюсть, и я послала ему воздушный поцелуй, прежде чем повернуться спиной.

— Привет, девчонки.

— Лакспер, рада тебя видеть, — произнесла старшая из троицы, Персиммон, для друзей Симми, потрепав меня по плечу. — Вижу, ты снова поссорила с юным Коулом.

Я пожала плечами.

— Ничего нового.

Две другие девчонки поспешили вперед нас, а Симми взяла меня под руку, замедляя мои шаги.

— Этот мальчик, он нуждается в твердой руке. Если ты хочешь дойти с ним до конца, никогда не будь тряпкой. Он не будет уважать тебя, Принцесса.

— Уважать, — я выплюнула слово, ощущавшееся, как навоз на губах. — Как он может уважать меня, когда от меня так мало пользы? Когда мои способности настолько малы, что их едва хватает для посадки полей?

Брови Симми взлетели вверх и ее глаза опасно засверкали.

— Ты думаешь, что слишком хороша для засева полей?

— Нет, — я смягчила тон. — Нет, просто это правда. Я едва в состоянии помочь там, где часто справляются дети. Большинство десятилетних обходят меня в мастерстве. Ты знаешь это.

Она потянула меня и остановилась рядом с гиганской секвойей.

— Твоя мать не хотела бы слышать, что ты говоришь о себе подобным образом. Она всегда говорила, что однажды ты будешь лучшей среди нас. И она знала. Она иногда могла видеть грядущее.

— Не имеет значения, что будет или чего она хотела, Персиммон, она мертва. Слишком плохо она использовала свой дар чтобы остаться в живых. И я буду благодарна тебе, если ты не будешь напоминать мне об этом, — слова вышли жестче, чем я намеревалась, и Симми отшатнулась от меня.

Качая головой, она отошла.

— У тебя не так много друзей, Ларк, чтобы относиться к ним плохо. Возможно, тебе следует задуматься над этим во время сегодняшней работы.

Развернувшись на каблуках, она ушла, слегка сутулясь, словно ожидая удара. Я смотрела ей в след, ожидая, чтобы она ушла достаточно далеко и мои длинные ноги не преодолели бы расстояние между нами. Стыд сковал внутренности, — стыд и вина. Лес был бы в большей безопасности, если бы моя мать мола пережить червей, а я умерла бы вместо нее.

— Я не хотела ранить тебя, Симми. — Я сорвала скрученный в улитку росток папоротника, отломив его и сунула в рот. Я ненавидела то, что она была права, по крайней мере, в той части про «друзей». Как к самому слабому члену нашей семьи, ко мне относились с огромной жалостью, а то даже и с презрением. Как дочь короля, имея привилегии, я должна была жить в Спирали. Должна была помогать своей семье большим, чем копать грядки и убирать сорняки.

День посадки на полях проходил хорошо, как и ожидалось. Даже без скромной поддержки Симми я работала одна, ела одна и одна делала перерывы. Остаться наедине со своими мыслями было не лучшим. Воспоминания много раз прокручивались в моей голове, вечер с Коулом и вспышки злости каждый раз, когда даже мельком видела Спираль, пока все эти эмоции не переросли в раздражение.

В конце концов я посадила много семян, но не более того. Остальные могли заставлять семена проклевываться и прорасти сразу же. Но не я. Я просто засунула их в грязь и помолилась богине-матери, чтобы они не сгнили. Поля находились на участке, где секвойи не скрывали солнце, я стояла в одиночестве, погрузив ноги в мягкую почву. Каждый день я оставалась, когда другие уходили. И каждый день я надеялась, что все будет иначе для меня.

Может быть, сегодня день прорыва?

Я пошевелила пальцами, закрыла глаза, сделала глубокий вдох и потянулась к той части

меня, что была связана с землей.

Мысленным взором я могла видеть силу, гудящий и вращающийся шар мерцающего зеленого тепла, просто ждущий, когда я погружу в него пальцы. Он поманил меня ближе. Я подняла руку, как будто дотрагиваясь до него.

Бледно-розовая вспышка пронеслась перед глазами, словно всплеск розового шампанского, пузырясь и танцуя, следуя за болевым шоком, скрутившим кожу с такой силой, что это заставило мое сердце замереть. Я рухнула на руки и колени, грязь впиалась в голую кожу.

Хватая ртом воздух, я опустила голову, роняя слезы на землю: практически единственное, что я могла дать посадкам. Никакие сказанные мной слова не могли изменить того, что я отставала в способностях. Мне никогда не стать такой, как другие — хранителем земли, одной из избранных. Полезной для общества.

Шаги заставили меня поднять голову, чтобы увидеть одного из Эндеров отца, стоящего напротив. Темно-русые волосы, подстриженные под короткий ежик и глаза цвета жидкого меда, смотревшие на меня с немалым презрением.

Он переступил с ноги на ногу, скрестил руки на груди, его темно-коричневая амуниция не издала ни звука при движении. Наши Эндеры носили кожаные куртки и штаны, и были единственными членами семьи, кто носили тяжелые ботинки. Такая обувь была символом того, что они добровольно отказывались использовать свои природные способности, когда их посылали кого-нибудь убить. Убийство с использованием сил богини-матери — табу.

Оружие, закрепленное на ремне, низко свисало на бедра, кинжал был привязан к каждому из его бедер, чтобы не качаться и шуметь. За спиной над головой возвышалась рукоять большого меча. Его руки были голыми, за исключением кожаных наручей, охватывающих запястья и предплечья до самых бицепсов.

Он ничего не сказал, просто смотрел на меня, глядящую на него. Как долго он там находился? Мог ли он почувствовать, как я пытаюсь и не могу достичь своих способностей земли? Эта мысль обеспокоила меня и я покраснела под его взглядом. То, что он мог видеть, как я слаба, и вдобавок к этому, я более чем осознавала, как много грязи было на мне после рабочего дня — я выглядела совсем не как королевская дочь.

— Чего тебе надо, Эш?

Он поднял брови и поджал губы.

— Не говори со мной так, словно можешь мне приказывать, кукушка.

Кровь отхлынула от лица, я могла чувствовать ее движение. Кукушка. Ребенок, подкинутый в чужое гнездо, чтобы его вырастили, но не их вида. Чужак, паразитирующий на силе и ресурсах других.

— Я не бастард. Я знаю, кто мои родители. — Я вскочила на ноги и шагнула к нему, ведомая гневом. — Ты — Эндер, ты подчиняешься королевской семье, частью которой я являюсь. Возможно, тебе следует помнить об этом.

Я стояла перед его лицом с запрокинутой головой. Он был на несколько дюймов выше и использовал их, глядя на меня сверху вниз с презрением, ясно видимым в глазах.

— Ты не член королевской семьи. Иначе ты жила бы в Спирали.

С таким же успехом он мог дать мне пощечину. Моя челюсть отвисла, и пришлось справиться со слюной, прежде чем я смогла ответить.

— Я принадлежу к ней. Мой отец — король.

— И все же ты здесь, Сеятель.

Я уставился на него, не в силах придумать подходящий, уничтожающий ответ. Лучшим, что подсказывал мне мозг было «и что»? Но я не собиралась прибегать к детской увертке.

— Ларк, ты... — голос Симми разрушил противостояние. — О, я вижу, у тебя есть компания. Эндер Эш, как дела этим вечером?

Я не повернулась, а Эш никогда не спускал с меня глаз.

— Я в порядке, Персиммон, Леди полей.

Симми негромко рассмеялась.

— Ну разве ты не милый? Этот титул уже давно не используется в Редвуде. — Она подошла и положила руку на мою. — Идем, Ларк, ты знаешь, что сегодня вечером должна отправиться в Спираль. Этой ночью ты будешь сидеть рядом со своим отцом.

Я моргнул и уставилась на нее.

— Богиня, я забыла! — Я повернулась к ней и положила свою руку поверх ее. — Спасибо, Симми. Ты хороший друг. Извини, за то, что случилось утром.

Она слегка покраснела.

— Ах, ничего страшного, Лакспер.

Я посмотрела через плечо и увидела Эша, запрокинувшего голову, глядя на качающиеся ветви деревьев над нашими головами.

— Богиня, спаси меня от капризов короля.

То, что произошло дальше, не было запланировано, и все же прошло так гладко, что вы подумали бы, будто я готовила этот момент в течение нескольких недель. Я подскочила к Эшу слева, ударила своей правой рукой по груди и подсекла его ноги правой ногой.

Он упал на землю, приземляясь в облаке пыли, широко раскрыв глаза, словно золотые блюдца.

— Капризы короля приказывают тебе, Эндер. Возможно, тебе не следует забывать об этом.

Его глаза вспыхнули, когда он посмотрел на меня, а рука потянулась к ножу на левом бедре. Симми взрогнула.

— Беги, пока он не встал на ноги.

Я приняла во внимание ее слова. Я напала на королевского Эндера, порка — меньшее из наказаний за проступок. Я была уверена, что хуже будет, если Эш поймает меня. Волосы разлетались позади меня, когда я убегала с поля с улыбкой на лице.

Будет порка за нарушение или нет, это стоило того, чтобы увидеть шок на его лице, а так же расширенные глаза, которые всегда были спокойны.

Да! Оно того стоило.

Мое лучшее платье было отголоском ушедшей эпохи. Роскошный наряд моей матери был практически единственным, что мне осталось от нее, и я редко надевала его, боясь испортить крошечные швы и дорогие материалы. Но тем не менее, сегодня вечером я должна была стоять перед своим отцом и нашим народом, и мне была необходима вся защита, которую можно найти.

Небесно-голубое тонкое шелковое платье колыхалось от малейшего ветерка и по ощущениям казалось, что на мне ничего не надето. С квадратным декольте и низкими рукавами, оставлявшими плечи обнаженными, оно мне очень шло, как несомненно шло моей матери. Лиф плотно облегал до бедер, где ткань была свободна и могла развеяться ветром. Я вертела в руках простой каплеобразный бриллиант, украшавший ямку между ключиц. Подарок отца маме в день моего рождения, драгоценный камень для любви всей его жизни. По крайней мере, так говорила моя мать. Я закрутила волосы в искусный пучок из завитков с помощью Симми, но несколько локонов выбились, пока я шла к Спирали, и теперь вились по спине.

— Напугана?

Коул стоял рядом, сопровождая меня по сложившейся традиции, даже когда мы были в ссоре. Как сегодня.

— Ненавижу сидеть там, когда все на меня смотрят.

Их глаза полны жалости. Я не говорю эту часть, но Коул ясно и четко меня слышит. Он разворачивает меня, кладет руки мне на плечи.

— Ты прекрасная, удивительная женщина, независимо от своих способностей, Ларк. Тебе следует помнить об этом. Ты принцесса; не позволяй им относиться к себе иначе. — Он поцеловал меня в лоб, и наша утренняя стычка была забыта. В такие моменты я знала, что он хороший человек. Что я счастлива от того, что он есть в моей жизни.

Я кивнула, уже была готова войти, когда заметила отблеск светлых волос и амуницию Эндера. Эш явно не сказал никому ничего о том, что я сбила его с ног, иначе меня бы уже тащили к столбу для порки. Что означало, что он не хочет смущаться, рассказывая кому-то, как я застала его врасплох. Даже если это был не настоящий бой, не имело значения; теперь у меня было преимущество.

С одеревеневшей спиной и ухмылкой на губах я вошла в Спираль, босыми ногами по теплему деревянному полу. Зал был повсюду освещен свечами и светлячками. Жуки летали повсюду, освещая ниши, а свечи мерцали и разбрасывали искры, когда жуки их задевали. Все были одеты в лучшие наряды. Разбор жалоб случался только раз в сезон, так что не удивительно, что я забыла, что сегодня моя очередь сидеть у ног отца, пока он выслушивает наших людей. С пятью двоюродными братьями и сестрами не мудрено забыть про свою очередь.

Зал был оформлен густыми гирляндами плюща, который расцвел немыслимыми цветами. Цветами, которые никогда не цветут на плюще, ну или на этом континенте, раз уж на то пошло. Но контраст глубокой темной зелени и ароматных экзотических бутонов задевал мои чувства, и я шагнула вперед.

Журчание голосов впереди переросло в разговор, который заикался и замолкал, когда я проходила мимо каждой из групп. Экзаменаторы — те, кто принимал решение о

повышении чина, Посланники других трех семей, Странники, которые уходили в мир людей, чтобы помогать, чем возможно, и Оборотни — все замолкали, когда я проходила мимо. Сеятели помахали мне, я была одной из них и они весьма гордились, что принцесса работает с ними на полях. Для них не имело значения, что я была слаба, что никто из них на самом деле не желал быть моим другом, они видели во мне лишь близость к королю. Я улыбнулась Симми, которая махала мне мозолистой рукой, но следующая группа заставила улыбку исчезнуть. Мои двоюродные братья и сестры.

Их пятеро, начиная со старшего — Вики. Он — настоящая заноза в заднице, и мы сцепились взглядами, когда я подошла ближе. Он был похож на свою мать, темноволосый и зеленоглазый. Невысокий и коренастый, он считал себя настоящим ловеласом, но на самом деле, дамы просто боялись сказать «нет» наследному принцу. Следующей в очереди на престол была Белладонна. Она на пять лет старше меня и не замужем, хотя и не от недостатка усердия. Густые каштановые волосы спадали на плечи тщательно уложенными волнами, которые она накручивала на палец, когда видела, что на нее смотрит мужчина. Притворно-скромное опускание ресниц на светло-серые глаза было лживой демонстрацией. Скромности у нее не было.

Рядом с ней, повторяя каждое движение, стояла Кида, названная в честь цветка, который Кассава увидела цветущим зимой. Ее волосы были самыми светлыми среди моих братьев и сестер, темно-русые, она красила их, чтобы походить на Белладонну. Она и ее сестра-близнец Брая были похожи вплоть до карих глаз. И все же Брая была милой, тогда как Кида прилагала усилия, чтобы быть похожей на Белладонну.

Последним родился Рейвен, он увидел свет на месяц позже меня. Он был совершенно не похож на остальных, его голубые глаза и угольно-черные волосы, напоминали мне больше некоего стражника, который охранял королеву в течение многих лет. Никто ничего не сказал, но вся семья знала, что Рейвен был таким же бастардом, как я. Впрочем, разница была простой, у него была сила, тогда как я была слаба. И его мать никогда не позволит кому-нибудь утверждать, что один из ее детей бастард. Это будет мгновенным изгнанием.

Три девушки, стоящие рядом, указывают на мою одежду и хихикают. Кида высказывает суть их нападок.

— Разве она не знает, что выглядит в этом как старуха?

Они были одеты по последней человеческой моде, в обтягивающую блестящую одежду, которая не оставляла простора для воображения.

— По крайней мере, я не похожа на размалеванную человеческую шлюху.

Зал, такой же безмолвный, как и во время моего прохода, дружно выдохнул.

— Дочь, как мило, что ты к нам присоединилась. — Отец встал со своего трона, и я немедленно присела в реверансе.

— Ваше Величество, — прошептала я.

Рейвен подошел и подал мне руку.

— Сестра, могу ли я проводить тебя?

Я взяла его под руку и с благодарностью кивнула. И Рейвен, и я знали, что мы оба были на скользкой дорожке, он часто заступался за меня. Из остальных братьев и сестер он был мне ближе всех.

— Ты выглядишь очаровательно, они завидуют, потому что не могут выжать хоть какое-нибудь изящество, — произнес Рейвен, пока мы шли последние тридцать футов в медленном, равномерном темпе.

— Спасибо, Рейвен. — Я сжала его руку. — Как дела?

— Ой, все тоже. Заговоры друг против друга, грызня, ничего нового. Отец счастлив, и это заставляет меня думать, что он нашел новую любовницу, а мать более жестокая, чем обычно, что подтверждает это. Также, следует отметить, что именно поэтому она решила не приходить сегодня. Сказала, что устала от сравнения со шлюхами.

Уже одно это утешило меня. Мне будет сложно отрицать реальность сна, увидь я Кассаву — вот и еще одна причина избегать приходов в Спираль. Я подняла бровь, осматривая ближайших к трону.

— Есть идеи, с кем он может спать?

— Я надеялся, что ты сможешь помочь мне с этим. У тебя, кажется, настоящий талант докапываться до правды.

Рейвен улыбнулся мне и я рассмеялась. В этом он был прав. Я снова осмотрела зал и увидела одно выделявшееся лицо. Густые каштановые волосы, такие темные, что красноватые оттенки почти не различимы — первое, что бросилось мне в глаза. И затем ее темно-зеленые глаза, ярко горящие светом новой любви, один обмен взглядами между ней и отцом, и я знала, что права.

— Милостивая богиня, он встречается с ребенком, — проворчала я.

Рейвен еще больше замедлил шаг, продлевая нашу прогулку.

— Кто она?

— Та, что справа, в зеленом платье под цвет глаз. Ее зовут Ферн, она на несколько лет моложе, чем мы с тобой.

Я с трудом верила в это, но был особенный взгляд между ними, который все подтверждал. Я вздохнула. — Не говори об этом своей матери. Только богиня знает, как она будет разгневана, если увидит, какую юную он выбрал на этот раз.

— Намек понял, а сейчас я должен покинуть тебя, сестра. Удачи.

Он подмигнул мне, поклонился и оставил меня стоять прямо напротив нашего отца.

Король Базилевс по-прежнему имел сильное тело, несмотря на свои преклонные годы. Мы не стареем как люди. Примерно к тридцати годам наши тела перестают стареть, что позволяет нам жить дольше, чем обычно. В нашей семье есть несколько человек, которые выглядят старыми, что означает, что они уже очень долго живут на свете. И нет, мы не спрашиваем сколько им лет, это невежливо.

Годы служения земле не состарили моего отца, его тело было таким же крепким, как и у его Эндеров. Густые каштановые волосы с красноватым оттенком и несколькими серебряными прядями были достаточно длинными, чтобы их можно было заплетать, но он оставлял их свободными. Некоторые мужчины пытались подражать ему, но не могли справиться с этим. Он носил бороду, которую коротко стриг, чтобы подчеркнуть черты лица и снова повторить, что он был человеком, с которым нужно считаться. Хотя именно его глаза были тем, что меня покорило. Глубокие, цвета темного леса, которые иногда темнели от злости. Но сегодня мне повезло. Новая любовь смягчила отца, и его глаза искрились расслабленностью и добрым юмором, которые я нечасто у него вижу. Я выдохнула от облегчения и снова сделала реверанс.

— Отец.

— Иди, сядь рядом со мной, Лакспер.

Я взошла на возвышение и села у его ног, в то время как он опустился на свой трон.

— Ты так похожа на мать в этом платье, — мягко сказал он, положив руку мне на

голову. Я закрыла глаза и оперлась на его руку, не желая ничего больше, чем почувствовать его одобрение.

— Я рада, что тебе это приятно, отец.

— Так и есть. А теперь давай посмотрим, чего хотят сегодняшние просители. — Он похлопал в ладони и обратился к толпе. — Подходите, пусть те, кто должен быть услышан, выйдут вперед.

Небольшая группа людей вышла из толпы и выстроилась надлежащим образом.

Первым был Страж с внешнего края леса далеко на востоке. Он поклонился с прямыми ногами.

— Ваше Величество, в нашей части леса гибнут деревья. Кажется, это нельзя объяснить естественными причинами. Не сообразовали ли послать к нам одного из ваших целителей? Я боюсь, мы можем потерять слишком много, и потом, чтобы это не было, оно может распространиться.

Отец принимал решение, закрыв глаза. Когда он открыл их, я уже знала ответ, с легкостью могла его видеть. Он покачал головой.

— Нет, это закон леса, некоторые должны погибнуть, чтобы жили другие. Если это вновь станет беспокоить в следующем сезоне, приходите вновь, и мы пересмотрим вопрос.

Проситель поклонился и кивнул. Что еще он мог сделать? Это было слово короля.

Но я знала, что это значило для Стража, очень схоже с обязанностями Сеятелей. Оставлять возможность болезни распространиться было не лучшей идеей. В полях для посевов, если не лечить рассаду, болезнь может распространиться, как пожар. Можно потерять не только урожай, но и поля, на которых он рос, если без должного прилежания их очищать. Я взглянула на него.

— Отец, можно мне сказать?

— Конечно, для этого ты здесь. — Его тон, однако, утверждал обратное. Я тревожно сглотнула и повысила голос, зная, что ступаю на зыбкую почву.

— Я думаю, возможно, вам следует пересмотреть вопрос и отправить целителя. Лишь одного, чтобы он осмотрел увядающие деревья. Если там действительно не о чем беспокоиться, то не будет слишком затратным отправить одного целителя. Но в случае, если помощь окажется нужна, вы сможете предотвратить катастрофу.

Он засмеялся, и толпа засмеялась вместе с ним. Я собрала все силы, лишь бы не опустить голову.

— Моя дочь, Сеятель, хочет советовать мне. Хорошо, чтобы облегчить твое беспокойство, дитя, я пошлю целителя. Всего лишь одного.

Проситель вздохнул с облегчением и поклонился нам обоим. Он подался вперед, взял мою руку и поцеловал внутреннюю сторону запястья, жест подчинения.

— Спасибо, принцесса.

Мои щеки вспыхнули, как от поцелуя и поклона, так и от способа, которым отец высмеял меня. На глазах у всех, как будто ему было все равно, что я сидела прямо там.

И это была основная причина, почему я ненавидела заниматься этими вещами. Я хотела, чтобы он любил меня также, как моих братьев и сестер, но знала, что никогда не буду достаточно сильной для того, чтобы он сделал это. Все же я прихожу с надеждой, и каждый раз ее все меньше и меньше.

Люди начали перемещаться, так как вышел целитель и направился к леснику с дальних рубежей. Они поговорили вполголоса, а потом ушли вместе.

Крики раздалились из дальней части зала, и шквал серых и коричневых одежд, казалось, ввинчивался в толпу, легко уворачиваясь от двух Эндеров, которые пытались его задержать. Или, как оказалось, ее.

Она остановилась, задыхаясь, у подножия помоста, откуда могла посмотреть на короля. Это означало, что я могла лично и вблизи увидеть ее лицо. Она была не старой, по крайней мере, не старше моего отца, но учитывая долголетие нашего народа, это было сложно понять. Серебряные пряди тут и там искрящиеся в ее волосах были самой большой приметой. В глазах читалось безумие. Размыто синие, почти фиолетовые, зрачок дрожал, словно дрожь овладела даже наименьшими частями ее тела.

— Ваше Величество, грядет буря. — Ее голова склонилась, а плечи опустились. — Буря, буря, буря. Увидите, увидите. В конце концов, вы увидите то, что было перед вами все это время. Ваша любовь узнает, леди Улани узнает, спросите ее.

Она подняла голову и посмотрела на меня, ее глаза и руки выражали мольбу.

При упоминании имени моей матери, зал погрузился в тишину, рожденную ужасом.

Король встал, а затем присел перед женщиной.

— Леди Найя, некогда вы были бардом, певцом и рассказчиком легенд. Безумие поглощает вас. Это, — он показал в мою сторону рукой, — дочь Улани.

Найя посмотрела на меня, прищурилась и понизила голос. Акустика в зале должна была подхватить ее слова, но казалось словно одеяло набросили поверх наших трех голов, приглушая мир за пределами нашего маленького круга.

— У нее есть сила Улани и сила вашего рода. Впрочем, она тоже сломана.

Мой отец вздохнул.

— Я знаю, она слаба.

Я закрыла глаза, и слеза скользнула вниз по щеке. Насколько тяжелее слышать, как мой отец говорит, что я слаба? Достаточно плохо было то, что и я, и все остальные это знали, но слышать это из его уст и то, что он считает меня бесполезной... Мое сердце сжалось от этой мысли.

— Я хотела бы услышать то, что хочет сказать бард.

Я напрягла позвоночник, борясь с желанием съежиться, которое пыталось захватить меня и заставить втянуть голову в плечи. Голос Кассавы ясно и чисто раздавался в зале и мир передо мной снова прояснился. Королева была одета в узкое до нелепости черное платье с разрезом до самого бедра, который был ясно виден, когда она встала перед нами. Ее волосы были собраны на затылке в тугий пучок, оставляя черты лица жесткими и совершенными как всегда. Некоторые сочли бы ее прекрасной, но только не я. Не впервые я подумала, "что мой отец в ней нашел".

— Конечно, моя королева, — сказал отец.

Найя глубоко вдохнула, и я была достаточно близко, чтобы заметить, как страх мелькнул в ее глазах.

— История, которую одни могут назвать легендой, детской сказкой. Но это правда, и она обязательно сбудется.

Ее осанка изменилась, когда она выпрямилась и подняла руки к небу, земле, огню на востоке, и воде на западе. Жест, который говорил, что все сказанное будет правдой.

— В самом начале богиня-мать была одинокой. Она искала компанию других богов, но они были слишком заняты, вмещиваясь в дела людей. И так она упала в объятия своего супруга. У них появилось пятеро детей, которые стали основателями семей элементарей.

Рождались по порядку дитя Земли, дитя Огня, дитя Воды и, наконец, сюрприз для них обоих — дитя Духа. Каждый из этих детей начал создавать собственную семью элементарей. С их безмерными способностями, они быстро начали завоевывать мир, попросившись со скрытой жизнью, правили как тираны над людьми, сея вокруг хаос и разрушения, каких мир еще ни видел... И так богиня-мать и ее супруг решили напомнить им, что они не были настоящими богами.

Богиня-мать создала связь, чтобы удерживать элементарей, привязала к определенным частям мира, и если они покидали эти части надолго, то начинали истощаться, пока не теряли все свои силы и не становились... людьми.

И все же, даже это не удерживало их детей, которые выросли, любя власть и легкую жизнь.

Так богиня-мать отправилась к пяти народам, создав для каждого кольцо. Пять колец созданы, чтобы использоваться во времена нужды. Кольца, которые будут управлять частью мира элементарей и поддерживать людей в безопасности от детей богини-матери, которые сбились с пути. С помощью тех колец люди привели мир в равновесие и, наконец, семьи элементарей были оставлены в покое и они посвятили себя помощи миру, исцеляя то, что могли. Иногда они все еще бывали разрушительными, но только когда это было оправдано, и люди нуждались в том, чтобы напомнить, что они были во власти земли и ее опекунов.

Единственной, кто избежал этих битв, была Дитя Духа, она порхала между четырьмя семьями, как самая юная из них, нигде не обосновываясь по-настоящему. Ее сердце было чистым, а любовь искренней, и она никогда не верила в худшее о своих братьях и сестрах, всегда желая примирить их. Ограничения других не коснулись ее, и когда остальные осознали это, они начали негласно убивать ее потомков.

Зависть и осознание того, что дети Духа могут манипулировать и элементарями и людьми, заставляя тех делать то, что им надо, вызвало у них большой страх. Они практически уничтожили ее линию, за исключением нескольких, которые избежали бойни, скрываясь среди людей.

Кассава подняла руку, ее глаза светились от ярости, которую я не поняла.

— Достаточно. Мы услышали достаточно твоих историй. Это место для просителей, а не сумасшедших дураков.

— Ты не долго будешь королевой, — сказала Найя и в третий раз толпа замолчала.

Кассава рассмеялась, сверкая зубами.

— Я — королева и всегда буду ею, глупая. А те, кто захочет оспорить это, будут изгнаны или что похуже.

В голосе была угроза, несмотря на любезный тон. Я надеялась, во имя семи кругов ада и небес над нами, что Ферн воспримет предупреждение всерьез. Потому что даже если то, что мне снилось, на самом деле было лишь сном, я бы не ставила на то, что королева не сможет убить соперницу, стоящую у нее на пути.

— Лакспер... — Отец положил руку на мое обнаженное плечо и чуть-чуть сжал, — отведи Найю на кухни и убедись, что ее покормят. Когда-то она была нашим другом, и мне бы не хотелось, чтобы она ушла ни с чем.

Я встала, сделала ему реверанс, потом Кассаве, которая остановила меня, подняв руку.

— И останься там с ней. Мы не нуждаемся в тебе здесь. Это место для королевской семьи.

Я улыбнулась ей, слова выскользнули прежде, чем я смогла их удержать.

— Забавно, я подумала то же самое о вас.

Нервный смешок вырвался у кого-то в толпе, что отвело от меня огонь, так как Кассава развернулась посмотреть, кто посмел смеяться. Я повернулась, пока она отвлеклась и взяла Найю под руку.

— Пойдем, поищем какую-нибудь еду.

Прогулка до кухонь была медленной и Найя продолжала бормотать себе под нос, но ничего из сказанного не имело смысла. Ее слова даже не были связаны в предложения; вместо этого она рифмовала их нараспев, так что они застревали у меня в голове.

— Кольцо, пой, кольцо, пой, Эндер, Эндер, бой, бой, бой. Копьем его, слушай это, копьем его, слушай это.

Я легко взяла ее за руку и повернула к тихим кухням. Все были в большом зале, оставив просторную комнату с горшками и сковородками пустой.

— Вот и пришли. Давай-ка я найду тебе какой-нибудь еды.

Я подготовила для нее тарелку, наполнив ее плодами своего труда. Сладкий картофель, спаржа, весенняя зелень, слегка политая оливковым маслом и специями, щедрая порция гусятины, несомненно, оставшейся после ужина, и кусок домашнего сыра, все еще мягкий и свежий. И в завершение — кусок теплого хлеба, прямо из духовки. Себе я тоже взяла тарелку еды, раз уж не была приглашена на ужин, и у меня не было времени поесть до того, как я пришла.

— Как думаешь, сможешь с этим справиться?

Я села рядом с ней, налив ей полный стакан свежесжатого яблочного сока. Я вгрызлась в еду, и живот радостно заурчал, что я, наконец, покормлю его.

Она откусила несколько раз и затем развернулась на сидении лицом ко мне.

— Я не сумасшедшая.

Я могла только улыбнуться в ответ, так как рот был полон. Но даже если бы и не был, я не знала, что сказать на это.

Проглотив то, что было у нее во рту, она вытерла руки о юбку и взяла мои пальцы, расправив мою правую руку на столе, ладонью вверх.

— Сумасшествие — место, где я прячусь от тех, кто заставит меня замолчать.

Я выдернула руку и спрятала ее в слоях юбки.

— Только настоящие сумасшедшие думают, что не являются таковыми. Остальные иногда задаются таким вопросом.

— Ты думаешь, что сошла с ума? — Найя наклонилась так близко, что я смогла ясно увидеть ее глаза.

Я подумала о снах и о том, как они засасывали меня и заставляли верить в то, что я знала было неправдой.

— Иногда, да.

Ее блеклые сине-фиолетовые глаза успокоились и больше не дрожали. Теперь была ее очередь улыбнуться.

— В маленьких дозах белладонна заставляет глаза дрожать. Теперь ты, Лакспер, должна услышать конец истории, которую я рассказывала. Потомки тех пятерых детей выжили. Они вступали в браки с людьми.

Холодок скользнул по моим ногам от земли.

— Я не хочу этого слышать. Это старая легенда, и ничего...

— Тебе нужно узнать это. Улани, она знала правду, и была убита за нее. Ты должна

быть осторожна, дитя, ибо твоя смерть сидит на троне. Она увидит тебя мертвой, когда поймет, что ты угрожаешь ее положению на престоле. Прямо сейчас ты являешься тем рычагом, которым она хочет тебя видеть. Пришло время добиться своего. Больше не прячься. Отправляйся к отшельнику на Границе; он может тебе помочь.

Она указала назад, туда, откуда мы пришли.

— Кассава хочет убить меня? Как я могу угрожать ей? — прошептала я, и Найя кивнула.

Затем остальные ее слова дошли до меня.

— погоди, моя мать была... убита?

Она кивнула.

— Для дитя Духа богиня-мать приготовила самое тяжелое бремя. Чтобы однажды править царством элементарей, возглавить их в тяжелый час и спасти от самих себя. Ибо тот день придет, и когда он настанет, только один сможет быть светом во тьме, только один сможет увидеть узкий путь, которым нужно идти нашему народу.

— Но что это значит? — меня трясло от замешательства.

— Святая Ханна-банана, я не знаю, — прошептала она, скосив глаза в сторону, прежде чем откусить кусок гусятины. Мясо свисало у нее изо рта, и она улыбалась.

Я уставилась на нее.

— Найя, почему ты...

— Королева желает поговорить с тобой.

Я повернулась на сидении. Эш стоял в дверном проеме, глядя на нас. Как долго? Я слегка кивнула.

— Конечно. Как-нибудь я загляну в большой зал.

— Нет. В ее покоях.

Я встала с колотящимся сердцем, предупреждение Найи звенело у меня в ушах.

«Твоя погибель сидит на троне».

Медленно передвигая ноги и мысленно обдумывая все возможности, я следовала за Эшем из кухонь вверх по лестнице.

Королева приказала, и мне следует подчиниться. Найя покачала головой, когда я проходила мимо нее, слеза скатилась по ее щеке, когда она прошептала: «Улани, защити свое дитя».

Личные покои Кассавы не были местом, где я хотела бы находиться. За почти пятнадцать лет, прошедших с момента гибели моей семьи, я избегала Кассаву и, казалось, она меня тоже. Разговоры между нами можно было по пальцам перечесть, и то, только на мероприятиях, на которых я была обязана присутствовать, и мы не могли сознательно игнорировать друг друга.

Сон снова медленно проигрывался в голове, в этот раз подчеркнутый запахом ее сиреневого парфюма, который заполнял огромное помещение, в котором я находилась.

Я не сдвинулась с того места, где Эш оставил меня, ноги зарывались в густой ковер из мха и низкой травы. Оттуда, где я стояла, было видно ее кровать, свисавшую с потолка на лианах плюща толщиной в мою руку. Простыни были идеально разглажены и заправлены по краям — выглядело так, словно никто никогда не спал там.

Два дверных проема вели в комнату, в которой я находилась. Один слева, другой справа. Который вел в комнаты моего отца? Если бы пришлось, я могла бы добежать до нее, но более важно, стала бы я это делать? Я покачала головой. Мне не придется бежать, Кассаву не собирается убивать меня.

Хотелось бы верить собственным мыслям в этом вопросе.

— Вижу, Эш сделал, как я сказала. Он действительно является сущим наказанием, даже как Эндер. — Кассаву вплыла в правую дверь, и я немедленно склонилась так, чтобы с легкостью побежать налево. Просто на всякий случай.

— Не замечала с ним никаких сложностей, — солгала я, а она мягко фыркнула.

Она двинулась через комнату, роняя украшения и шпильки, пока шла, бросая их в густую поросль на полу.

— Я не желаю обсуждать его. Я хотела бы обсудить тебя, Ларк. Что ты собираешься делать со своей жизнью?

Она щелкнула пальцами, и из пола вздулись чашевидные сидения, в одно из которых она опустилась.

— Я сеятель, Ваше Высочество. Мои способности, — я с трудом сглотнула, перевела дыхание и продолжила, — не позволят мне больше, чем это.

Она наклонила голову и подняла брови.

— В самом деле? Я слышала, что сеятели собирались попросить тебя уйти, видя, как ты не можешь даже прорастить саженец из земли.

Ужас охватил меня, приковав к мшистому полу также, как если бы их погрузили в человеческий цемент.

— Я им помогаю, делаю большую часть тяжелой работы. Я делаю то, что должна.

— Работу, которую ты должна? Тогда зачем ты ее делаешь?

Кассаву знала, зачем, просто дразнила меня. Я сжала губы и закрыла глаза. Кассаву говорила, но я не слышала ее и не должна была ей отвечать.

Я подумала, может, она сказала: «Спи, Лакспер, и не забывай это», но не могла быть уверена. Мои ноги зацепило во мху, и я пошевелила пальцами, когда сильный приступ донесся до меня, я захотела лечь и уснуть, внезапная и всепоглощающая усталость охватила меня. Богиня-мать отказала мне в способностях, которые должны быть у меня по праву рождения, оставив меня беспомощной. Я не имела магических сил. А значит, была слабой.

Я подняла глаза, слипающиеся ото сна, чтобы увидеть, как двигаются губы Кассавы и кольцо на ее правой руке. Тот чертов розовый бриллиант, мерцающий вспыхивающими розовыми огнями. Мох под моими коленями был мягким, когда я склонила голову, кто-то вынул шпильки из моих волос, позволив им рассыпаться по моему лицу, заслонив обзор. Я моргала так медленно, что сцена вокруг рассыпалась на куски.

Мерцающее кольцо.

Кассава, держащая флакон у моих губ.

Я отвернулась и задержала дыхание, чувствуя, будто не принадлежу себе, тело еле-еле выполняло мои приказы.

— Дыши, Лакспер! — Зарычала Кассава и мир немного прояснился.

Я мотала головой и держала глаза закрытыми.

Кто-то закричал, потом медведь издал рев, потрясший меня до основания. Глаза распахнулись, но мир бешено кружился и подпрыгивал.

Руки обнимающие меня и крепко удерживающие.

Картины обрушивались и заставляли смотреть на них, собирать их воедино, но я не понимала того, что видела. Я снова видела сны. Вот именно, сны. Кошмары.

Кошмары отступили, и меня одолел пустой сон без сновидений, опутав своими чарами, и я, наконец, отдохнула. Но меня разбудил не солнечный свет, а рука, трясущая меня за плечо. Я подскочила на кровати, в голове отдавался ровный стук сердца.

— Я не пила никакого вина.

— Нет, не пила.

Осторожно, очень хорошо понимая, что каждое движение усиливает боль, я повернулась и увидела Найю, сидящую у моей кровати с опасно выглядящим оружием на коленях. Боевое копье с трехфутовым изогнутым лезвием на конце. Древко было полностью черным, а там, где лунный свет светил через окно, половина сияла почти так же, как лезвие.

Рядом с Найей безмолвно лежал большой черный медведь, он смотрел на меня, не мигая. Его мех серебрился в лунном свете, а фиолетовые глаза выдавали в нем одного из оборотней. Я просто не знала, которого. Или почему он был в моей комнате.

— Что вы здесь делаете?

— Защищаем тебя. Королева больше не может контролировать тебя с помощью своего кольца, и как ты думаешь, что теперь произойдет? — Найя наклонилась, ее лицо скрылось в тени луны, светившей позади нее.

— Королева не собирается мне вредить. Она ненавидит меня из-за матери, но не собирается мне вредить.

Я положила руку на лоб, и прошлая ночь начала проигрываться у меня в сознании, внезапно я стала не так уж уверена в своих словах.

— Что случилось?

Найя протянула ко мне руку, игнорируя вопрос.

— У тебя два пути, Лакспер. Ты можешь отправиться со мной и быть в безопасности; она не сможет причинить тебе вред. Или ты можешь остаться и столкнуться с последствиями. Выбор за тобой.

Я свесила ноги с кровати, прижав босые ступни к гладкому деревянному полу.

— Я не собираюсь покидать свой дом.

Найя встала.

— Упрямец, такая же как твоя мать. То упрямство погубило ее, ты знаешь об этом?

Мое горло сжалось.

— Это всего лишь сон, все это. Моя мать умерла от легочных червей.

Но даже произнесенные, эти слова звучали для меня ложью и пустым звуком. Казалось, их произносит кто-то другой, попугай, повторяющий единственную известную ему фразу, даже если это неправда.

Бард встала и передала мне копье.

— Держи, это наследие твоей матери. Оружие, которое она предпочла не использовать в ярости или даже для защиты. Надеюсь, ты не повторишь той же ошибки.

Она толкнула его в мои руки, и я возилась с ним, не зная, что должна была делать с оружием такого размера.

Найя и ее медведь прошли к выходу, скрип деревянных половиц под весом медведя подтверждал, что мне не померещилось. Она остановилась, держась рукой за косяк.

— Если тебе будет нужно с кем-нибудь поговорить, отправляйся к отшельнику на Границе. Думаю, он сможет тебе помочь.

— Мне не нужна помощь.

— Возможно, не сегодня, но сегодня — не завтра, а завтра может стать тем днем, когда твой мир изменится, Ларк.

Ее глаза были сощурены и полны печали.

Они выскользнули из моей комнаты, и через пару мгновений звук тяжелых удаляющихся шагов долетел из окна. Я встала, слегка покачиваясь, и заставила себя двигаться. У окна я всего лишь увидела исчезающий образ Найи, едущей верхом на медведе, когда они скользнули в лес. Я потеряла затылок рукой, пытаюсь осознать все, что только что произошло.

«Мне не грозит опасность», — прошептала я луне, жалея, что сказала Коулу ночевать у себя. Хотя я не признаю этого вслух, даже я не поверила своим словам.

Я была в опасности, просто не знала, в какой именно.

Не займет много времени выяснить это.

Следующее утро выдалось холодным для летнего дня, туман лежал гуще, чем обычно в лесу, так низко, что я могла коснуться его кончиками пальцев, если бы у меня была энергия, чтобы сделать это. Истощение спутывало мне ноги, пока я плелась по проторенной, знакомой тропе к полям. Я надела длинные песочно-коричневые штаны, манжеты были подвязаны вокруг лодыжек широкой голубой лентой, которую я заплела вверх по ноге, чтобы было удобно удерживать штаны. Топ был моей последней чистой рубашкой, завязанной узлом на груди, оголяя пупок.

Пока не дошла до поля, я не осознавала, что что-то неладно. Симми была там одна и не работала. Она стояла между свежесажеными рядами рассады, обхватив себя руками, и ее глаза были полны слез.

Я шагнула к ней, и она подняла руку.

— Нет, не подходи ближе. Ты больше не Сеятель, Ларк.

Я застыла на середине шага, опустила ногу на землю, и остолбенела от изумления.

— Что ты имеешь в виду? Это все что я могу делать, Симми.

Ее губы дрожали.

— Ты заставила нас плохо выглядеть в глазах королевской семьи. Из-за тебя на наших работников годами будут смотреть свысока. Мы больше не хотим тебя здесь видеть.

Слова поразили меня, как удары, и слез, хлынувших по щекам, было достаточно, чтобы привести меня в смятение. Я заставила их плохо выглядеть в глазах королевской семьи? Она сказала это так, словно я не была частью королевской семьи.

Мои ноги дрожали. Я знала, что произойдет следом. Если у меня не будет работы, меня отошлют прочь. Вероятнее всего, отошлют, чтобы стать рабыней для одной из других семей.

Рабыня. Слово пронеслось в моем сознании, жаль, словно тысяча крошечных муравьев.

— Симми, ты... знала, что это должно случиться?

Она покачала головой.

— Уходи, убегай прочь, Ларк. Убирайся отсюда, прежде чем все станет хуже.

Я отступила.

— Симми, береги себя и двух своих девчонок.

Кивнув, она закрыла лицо руками.

— Мне так жаль. Твоя мама, она не хотела бы такого.

Нет, я не думаю, что моя мать могла бы захотеть чего-нибудь вроде этого. Но какой выбор у меня есть? В нашей семье нет никакой работы, которая бы требовала меньше сил земли, чем у Сеятеля. Проращивать рассаду мог любой здесь. Любой.

Лесная земля вылетала из-под ног, когда я бежала обратно к дому. Взбираясь по лестнице сбоку дерева, я подняла голову. Движение в окне моей спальни. Прижавшись к стволу дерева, я прислушивалась к красноречивому свидетельству того, что это был Эндер. Случайный скрип кожи был единственным, что могло их выдать. Я висела там с горящими пальцами, вдыхая аромат секвойи у лица.

— Черт побери, Ларк, где ты? — воскликнул Коул, и я не колебалась.

— Я здесь, — я взлетела последние двадцать футов и практически свалилась в квартиру. — Я здесь.

Он схватил меня в объятия и прижал к груди.

— Девочка моя, они не могут отослать тебя.

Я крепче обняла его, зная, что как охранник, он знал последние слухи.

— Что ты слышал?

— Они вышвырнули тебя из Сеятелей за предположительный конфуз прошлой ночью. Если уж на то пошло, они должны гордиться тобой! Но это не самое худшее. Кто-то пустил слух, что король собирается просить тебя уйти и прислуживать нашей кузене Фиаметте. В качестве горничной.

Я прижалась лбом к его груди и попыталась дышать ровно. Фиаметта была королевой элементарей огня. Из того, что я слышала, она была королевской стервой, на фоне которой Кассава выглядела белой и пушистой.

— Слух?

— Отправляйся к отцу, спроси его прямо. — Коул отстранил меня, чтобы заглянуть в глаза. — Ты не рабыня, Лакспер. Ты — принцесса, твой отец не может отослать тебя за дельный совет.

Я смотрела в его глаза и провела рукой по подбородку.

— А что, если он все же отошлет меня?

Его взгляд не отпускал меня.

— Все мое время.

Он помог мне одеться, потому что руки тряслись так сильно, что мы оба понимали, что я не смогу затянуть корсет без его помощи. И снова я надела одно из платьев моей матери, что-то, чтобы напомнить о его любви к ней, если не ко мне.

— Надень кольцо снова.

Коул надел его мне на шею и застегнул.

Я посмотрела на себя в зеркало. Платье было тем, что моя мать носила в день, когда отец ее впервые увидел, в тот день он, по ее словам, влюбился в нее. Корсет и струящаяся юбка с разрезами, в которых мелькали ноги, когда я шла. Бледно-розовое, оно подчеркивало мою слегка загорелую кожу и контрастировало с длинными светлыми локонами.

— Ты выглядишь прекрасно. Теперь иди и убеди своего отца. — Он нежно сжал меня. — Я не хочу тебя потерять.

Путь до Спирали был нереальным. Люди не смотрели на меня, они старались даже не встречаться со мной глазами. Словно меня уже изгнали, призрак готовый исчезнуть в языках пламени и клубках дыма.

У входа в Спираль два Эндера несли вахту. Эш и начальник стражи, Гранит, который был здесь еще во времена моей матери. Его глаза расширились, а рот приоткрылся, словно от недоверия. Он сделал пару шагов вперед и поднял руку, желая коснуться моей щеки.

— Улани?

Я схватила его руку и сжала своими.

— Гранит, я хочу поговорить с отцом. Сейчас же.

Под кожей теплая волна прошла по венам, словно придавая вес моим словам.

— Конечно, принцесса.

Эш фыркнул.

— Чтобы она могла еще раз выстрелить в королеву? Нет. Ты увидишь своего отца, только когда он позовет тебя. Тебе повезло, что тебя сразу не заковали в цепи, маленькая кукушка.

Пришло время моим глазам распахнуться.

— О чем ты говоришь?

— Ты напала на королеву, мы все слышали, как ты кричала на нее. Тебе повезло, что ты всего лишь оцарапала ее.

Покачивая головой, я заметила, что собирается толпа.

— Я не трогала ее. Она пригласила меня поговорить, ты сам отвел меня туда, Эш.

Он хмуро посмотрел на меня, его глаза потускнели.

— Не пытайся втянуть меня в сою ложь. Я не отводил тебя к королеве. Тебя следует изгнать за это, отослать, как может твой отец.

У меня отвисла челюсть, и кто-то бросил камень, который отскочил от моего плеча.

— Убирайся прочь! Бесплезная!

Не знаю, кто крикнул это первым, но крик был подхвачен за секунду, боевой клич, который ударил по мне.

— Бесплезная, бесплезная, бесплезная!

Еще один камень был брошен, на этот раз зацепив мое ухо. Я развернулась и прикрыла рукой голову.

— Она даже не может защититься!

Смех, еще камни, и в толпе я заметила темную голову. Коул стоял там и смотрел. Качая головой. Ничего не делая, чтобы помочь мне, остановить их от забивания меня камнями.

— Коул, — я протянула к нему руку и он... повернулся прочь.

— Все, хватит, посмеялись, — Гранит подошел достаточно близко ко мне, так что мои обидчики вынуждены были прекратить бросать камни, или они рисковали задеть ими Гранита. Ноги едва держали, но не потому что я была ранена. Я была в шоке, заставляющем немать мышцы и отключающем разум. Не так должны относиться друг к другу элементали. Никого не забивали камнями и не перебивали, даже тех, кого считали бесплезными или сумасшедшими. Ко всем относились с уважением. Хотя что меня удивляет? В нашей семье я была единственной не имеющей никаких способностей. Это повлияло на всю мою жизнь.

Гранит взял меня за руку, впиваясь пальцами, ведя меня не в Спираль, а к казармам Эндеров.

— Ничего не говори, просто следуй за мной.

Я плелась за ним, мой мозг трещал. Коул был со мной час назад, а теперь он отвернулся от меня.

Хотя, кто может осудить его? Если бы он был связан со мной, мой приговор мог бы распространиться и на него. Его бы сослали вместе со мной. Челюсть болела от стиснутых зубов, часть меня все еще ненавидела его. Если бы он любил меня, как утверждал, разве он не хотел бы быть со мной, независимо от обстоятельств?

Гранит отвел меня к дальней стороне казарм и посадил на скамейку.

— Я не знаю, что происходит, но что-то не так.

У меня вырвался вдох облегчения.

— Так я не единственная, с кем так обращались?

Его черные глаза с вкраплениями синего были такими же жесткими, как и его имя.

— Нет, только к тебе так относятся. Но даже если и так, никого никогда в нашей семье не забивали камнями и я не собираюсь позволять им начать. Я приведу к тебе отца. Не двигайся и ни с кем не разговаривай.

Не двигаться? Куда, ради семи кругов ада, я бы пошла? Я откинулась назад, упираясь головой в стену позади. Надо мной висело самое разнообразное оружие: мечи, кинжалы, все

виды клинков, большинство из которых я не могла назвать. Несколько копий, и в конце висели луки и стрелы. Я знала, что с широким жалом использовались для охоты, специально разработанные, чтобы разрывать плоть. Вот только Эндеры охотились только на предателей и преступников. Я тяжело сплотнула, осознав, что попадаю по крайней мере в одну из этих категорий, основываясь на том, что обо мне думали.

Шаги заставили меня вскочить.

Гранит шел на несколько футов впереди моего отца. Я не могла пошевелиться, не могла подойти к нему даже из страха, что он подумает, я нападаю на него. Поэтому я встала, где стояла, медленно и осторожно.

— Отец, она врет, я никогда не трогала ее. Пожалуйста, не надо меня прогонять.

— Молчать, — рявкнул он, и голос был настолько жестоким, что я плюхнулась обратно на скамейку. Он смягчил тон, но лишь чуть-чуть.

— Я знаю, что ты не нападала на нее, ты такая же мягкая, какой была твоя мать... Кассавя просто взбесилась из-за... — он провел рукой по шее. — Это не твоя вина, она всего лишь была красива. Но что мне с тобой делать?

Его глаза встретились с моими, и я впервые увидела в них сожаление.

— Ты никогда не прекращал любить ее, не так ли?

Его челюсть сжалась, а шея дернулась.

— Ты... так на нее похожа, что мне больно смотреть на тебя. И ты напоминаешь Кассаве о ней гораздо больше, чем мне бы хотелось.

Это были самые личные слова, которыми он когда-либо выражал любовь ко мне, и на мгновение я подумала, что все будет хорошо.

— Все это неважно, — голос отца был хриплым, и он прокашлялся. — Ты всегда будешь мишенью, потому что слабее всех остальных.

И снова это слово. Слабая. Я была, черт побери, слишком слабой, чтобы защитить себя.

Гранит шагнул к отцу и что-то прошептал ему на ухо. Отец вздрогнул и перевел взгляд с Гранита на меня и обратно. Он потер подбородок с задумчивым взглядом.

— Думаешь, это поможет?

— Это даст ей возможность защитить себя, и очень хорошее применение. Вы знаете, нам запрещено использовать свои способности земли, когда мы идем на охоту. Она бы идеально вписалась в этом отношении.

Я задрожала, когда представление о том, о чем они говорили, проникло в мое сердце. Возможно ли это? В конце концов могла ли я обрести место в нашей семье, то, на котором я действительно справлюсь?

Гранит подтвердил это, уговаривая моего отца.

— Я мог бы тренировать ее. Она уже сильная от физического труда на полях, вне всяких сомнений намного сильнее других рекрутов. Не займет много времени, чтобы превратить это в оружие. И если королева боится покушения, Эндеры будут окружать Ларк. Конечно, когда она пройдет окончательное тестирование, то принесет клятвы, которые запретят ей причинять вред членам королевской семьи.

Отец медленно выдохнул, переводя взгляд с Гранита на меня и обратно.

— И что ты думаешь об обучении Эндера, Лакспер?

Я — Эндер? Оружие для короля, которое используют по необходимости. Лучший из народа, кто-то, кто борется за справедливость и делает так, как лучше для семьи. Сердце бешено колотилось, возбужденный румянец горел, словно я искупалась в горячем

источнике в холодный зимний день.

— Да, сделай меня оружием.

Больше, чем одна пара глаз Эндеров следила за мной, пока я распаковывала небольшое количество разрешенных вещей в отведенной мне маленькой комнате. Все, что у меня было: рабочая одежда, драгоценности моей матери — то немногое, что я имела — и копьё, которое дала мне Найя. Оно притягивало большинство взглядов, но именно Гранит остановил меня, преградив дорогу, его глаза оглядывали оружие с осведомленностью, которой я не поняла.

— Где ты взяла это?

Он протянул руку, и я передала ему копьё.

По какой-то причине я не хотела говорить ему, что оно принадлежало моей матери или, что Найя дала его мне.

— Друг дал его мне на удачу на этом новом... поприще.

— Копьё тяжело использовать, но если ты сможешь овладеть мастерством, то будешь на голову впереди тех, кто предпочитает меч. Храни его в своей комнате, начни с тренировочных копий.

Он подкинул его ладонью за середину, прекрасно удерживая баланс одним пальцем, крутанул древко, лезвие рассекло воздух с резким «ух». Я не двигалась, позволяя ему вертеть копьём вокруг моей головы.

— Правильно, Бесплезная, дай ему разрезать тебя пополам, — крикнул кто-то из-за спины, но я сохраняла спокойствие. Гранит дал мне этот шанс, и я доверяла ему. Он не собирался причинить мне вреда, но мог поранить, если я двинусь.

Гранит знал, что делал, лезвие прокрутилось вокруг меня несколько раз, проносясь близко, но не касаясь, и отрезало небольшую прядь волос. Я смотрела, как она скользит на землю, светло-золотые нити выделялись на утрамбованной земле. Он подбросил торец копья, и передал его мне. Я положила руку на древко, чтобы взять его, но он не отдал.

— Тебе придется работать в два раза больше, чем любому здесь, Ларк. Убери вещи и тащи свою задницу обратно. Сейчас начинается тренировка.

Я кивнула ему, взяла копьё и прошла в свою комнату. Двенадцать на двенадцать — вот и все, что мне полагалось. Кровать крепилась к боковой стене, ниша для вещей и небольшой столик рядом с кроватью, я свалила свои вещи в нишу и присела на кровать всего на минутку, копьё лежало у меня на коленях.

Вихрь эмоций захватил меня. Я смогу это сделать, я стану Эндером и тогда я... что, докажу, что Кассавя — лживая сучка?

«Черт, почему бы и нет? Как будто мне есть, что терять». Я не обманывала себя; я знала, что это был мой последний шанс не быть изгнанной. Не было места для страха, слабости или неуверенности. Если это убьет меня, я заставлю отца гордиться мной. С этой мыслью в сознании я встала и направилась туда, откуда пришла.

На удивление, главный зал был почти пуст. Я думала, старшие Эндеры захотят посмотреть на новых рекрутов. Но всего несколько Сеятелей — новых рекрутов — находились в зале. Они были младше меня на несколько лет, возможно только, вышли из подросткового возраста. Но меня это не волновало.

Ганит вышел из тени.

— Сначала физическая подготовка, если справитесь, тогда перейдем к оружию. Мне

нужно увидеть вашу выносливость, так что продолжаем, пока я не скажу «стоп», или пока можете двигаться.

Рекрут слева от меня фыркнул.

— Я собираюсь продержаться дольше всех.

Я подняла бровь, глядя на него и его мускулы. Он мог продержаться, но я в этом сомневалась. Существует тонкая грань между готовностью и отсутствием достаточной массы, чтобы продолжать двигаться. Поля научили меня этому.

Гранит поднял руку и земля под нашими ногами поползла, вздыбилась и зарыбила, как океанские волны, я согнула колени и позволила движению захватить меня.

— Перестаньте бороться с ней, идиоты! — сорвался Гранит, и я украдкой бросила взгляд на остальных. Они пытались подавить маневр Гранита используя свои силы земли против него, вместо того, чтобы оседлать волну, как я. Нет, они спокойно стояли, пытаюсь остановить волну, используя связь с землей. Единственное, чего они добились — взбесили Гранита.

Он взмахнул рукой, и земля тяжело вздрогнула под нами, создавая огромные курганы из земли, холмы, что были около пятнадцати футов в высоту, и близко не доходя до потолка, который был как минимум вдвое выше.

— Давайте лезьте, Сеятели, первый, кто доберется до вершины, получит частный урок с Эндером по своему выбору.

Я не колебалась, просто кинулась вверх по бесконечному, осыпающемуся холму. Сначала я думала, что преодолею крутой подъем за минуту, но потом увидела, что делает Гранит. Земля позади меня исчезала и пока я думала, что поднимаюсь, земля впереди продолжала расти. Чертова лестница Иакова из грязи.

Рядом со мной на других холмах начали тяжело дышать и ругаться. Я берегла дыхание. Там должен быть какой-то подвох; это не может касаться только физподготовки, не так ли? Я держала стабильный темп и просто продолжала лезть. Остальные падали по одному, скатываясь к подножью растущих холмов. Пот струился по спине, рыхлая почва прилипала к нему, пока я заставляла себя держать голову и передвигать ноги.

— Скорее, Ларк, — рывкнул Гранит и заставил мои ноги двигаться быстрее, зарываясь пальцами, бедра горели, а легкие не справлялись с недостатком кислорода. Дыхание со свистом вырывалось сквозь зубы, я выкладывалась по полной. Руки и ноги, мышцы и кровь: все сузилось до размеров тела, требуя от меня больше, чем я когда-либо имела.

И затем я оступилась, полетела к подножию и плашмя рухнула на живот, дыхание со свистом вырывалось из меня. Я лежала там, потая и тяжело дыша, пока земля медленно опускалась, сглаживалась до тех пор, пока я не оказалась параллельно полу. Я заставила себя встать и отряхнуть ноги и одежду. Я стояла, тело дрожало, но я отказалась отступить, как другие, отказалась показать свою усталость.

— Дальше, — Гранит не дал нам шанса отдышаться. В этот раз все было на силу верхней части тела. Каждому из нас дали по веревке, по которой надо было взобраться, но прежде чем мы начали, я поняла затею. Каждая веревка была пропущена через шкив на самой высокой точке потолка, что значило, пока мы будем лезть... веревки будут медленно опускаться. Остальные застонали, но я, не моргнув глазом, просто побежала к веревкам и подпрыгнула так высоко, как могла. Перебирая руками, я рванула наверх, не удосужившись использовать ноги. Мои спина и руки были сильными от перетаскивания камней и земли вручную — того, что любой другой делал не задумываясь, благодаря своей связи с богиней-

матерью. Шкив наверху был в двух футах от меня, когда веревка раскрутилась, бесцеремонно сбросив меня на землю. Я тяжело приземлилась на правое бедро, импульс от удара прокатился по всему позвоночнику. Застонав, я повернулась и увидела, что остальные стажеры смотрят на меня большими глазами.

Я взглянула на Гранита, но его лицо было, как обычно, бесстрастным. Я с трудом поднялась на ноги и захромала вслед за ними. Следующее задание было на внутреннюю силу, удерживать тело на широкой доске, балансируя только пальцами, пока Гранит бросал камни нам в спину.

Я не знаю, сколько бросков я выдержала, прежде чем упасть на землю, но с каждым падением моя уверенность улетучивалась прочь. Как я смогу вызвать гордость отца, если даже не в состоянии справиться с физической частью? Той частью, которая, по мнению Гранита, должна дать мне преимущество над остальными, а на проверку оказалась совсем не такой.

Но я не могу сдаться, и я не прекращу попытки.

Часы тянулись, пока шестеро из нас не остались лежать на полу, не в силах пошевелиться, свет угасал. Там была рвота, плач, и даже немного дерьма, когда один из парней потерял контроль над своим кишечником. Это случилось в плавательной части, и он был первым. И да, Гранит заставил всех стальных плыть по нему. Мы буквально должны были плыть по дерьму, что вызвало новую рвоту, и только добавила каши в воде, это было не мило и просто мысль об этом заставляет мой желудок сжиматься. Если бы во мне была какая-нибудь пища, я бы тоже ее потеряла.

— Ладно, сколько из вас готовы продолжать? Встаньте, если готовы к следующему тесту. Лежите, если вы не у дел.

О, богиня, я бы хотела остаться лежать: тело болело так, словно по нему сначала промчалось стадо бизонов, а затем били хлыстом, пока кожа не загорелась. Перекатившись на живот, я поднялась на четвереньки и, вздохнув, поднялась на ноги. Я смотрела на Гранита, зная, что подписалась на ночь боли и истощения.

— Братцы, это все, на что вы способны?

Я, возможно, увидела, как его губы кривятся. Но даже если так и было, он прекратил так быстро, что я не могла быть полностью уверена.

— Тогда начнем с начала.

Он приподнял запястье и передо мной вырос холм земли. Остальные рекруты захихикали. Глядя на холм расползающейся земли, я выровняла дыхание и затем приступила. В считанные минуты я оказался на четвереньках, заползая вверх по склону, когда он выскользнул из-под меня.

— Поднимайся на ноги, — закричал Гранит.

Упав на колени, я заставляла себя подняться. Пот разъедал мне глаза, грязь залепляла веки, царапая нежную кожу, но все же я не останавливалась. Я не могла.

Гранит доложит моему отцу и я должна была сделать все, что могла, чтобы убедиться, что доклад будет хорошим. Что я могла стать Эндером.

Холм исчез, и я без подсказок отправилась к веревкам. Мои руки задрожали, когда я подтягивалась вверх. Если мои ноги были больше чем в дюйме от земли, я была бы удивлена, но я не смотрела вниз, только вверх. Ничего не оставалось, кроме как продолжать двигаться. Продолжать бороться за свое место здесь.

В тихий утренний час, когда я выбралась из бассейна, дерьмо и блевотина липли к

моему телу.

— Достаточно, — сказал Гранит, и я упала на колени. — Немного поспи и через несколько часов начнем снова. И завтра будет тяжелее, чем сегодня.

Была только одна мысль, когда я доковыляла до своей комнаты, стащила вонючую одежду и умылась чистой водой, которую кто-то оставил в тазике у кровати. Как, ради семи кругов ада, завтра может быть хуже?

Этого не могло быть. Гранит просто пытался меня напугать.

Я ошибалась.

После работы на полях, я знала, что мне понадобится топливо, чтобы продолжать двигаться, и за завтраком я ела как можно больше. Овсянка, фрукты, сыр, молоко, и несколько тостов с маслом.

— Так что, ты не только бесполезная, но и собираешься объесть нашу кладовку? — Это был один из новобранцев, тот тощий с предыдущего дня. Я прекратила жевать, проглотила еду и откинулась на спинку стула.

— Мэл?

Он кивнул, глядя на меня с улыбкой, но я видела усталость в его глазах.

— Ты когда-нибудь в своей жизни работал так же тяжело, как вчера?

Мэл не ответил, только сжал губы.

Я фыркнула.

— Так я и думала. Если ты собираешься через это пройти, тебе нужно есть. Нет топлива, нет движения. А Гранит будет заставлять нас двигаться, пока мы не упадем.

Остальные новобранцы посмотрели друг на друга и накинулись на свои завтраки. Мэл — нет. Но меня это не волновало. Я была там не для того, чтобы им помогать. Эндеры ели в дальнем углу кухни, не поднимая глаз от тарелок. Кроме Эша, который стоял, скрестив руки на груди, повязки сильно впивались в его бицепсы. Я подняла кусок тоста и поприветствовала его. Его глаза сузились и я улыбнулась. Возможно, я напрасно его дразнила, но он все равно меня ненавидел, так что какая разница?

— Эш, ты отчистил грязь с доспехов?

Остальные Эндеры подняли головы и переводили взгляд с меня на Эша.

— Грязь легко отчистить, — ответил он убийственно спокойным голосом, я инстинктивно знала, что это плохой знак. — Кровь не так легко.

Я с трудом сглотнула, кусок тоста у меня во рту внезапно стал слишком большим, чтобы проглотить без воды. Я выплюнула его на стол.

— Хорошо, буду знать, если запачкаю свои кровью, обращусь к тебе за советом по стирке.

Встав, я вышла из помещения, чувствуя себя глупо. Зачем я подначивала его? Он, очевидно, был одним из лакеев королевы, что означало... что именно? Значило ли это, что он враг? Холодная дрожь пробежала по моей спине. Да, Эш был врагом, и мне надо было быть осторожнее. До тех пор, пока я не смогу доказать обратное. Хотя, наверно, «если» было бы лучшим словом.

Трое людей, которых я не узнала, ждали нас в тренировочном зале. Человек, который возвышался надо мной, — что означало, что он был не менее семи футов роста, — с грациозной худой фигурой и длинными белыми волосами, заплетенными в косу до колен. Он был в авангарде небольшой группы, спиной ко мне. Облаченный в белые кожаные доспехи, усеянные медными бляхами и заклепками, и я не спрашивая знала, что он был Эндером Сильфов, элементалей воздуха.

Перед ним стояла женщина среднего роста, наверно, на пару дюймов ниже меня. Она была фигуристая, даже при том, что выглядела так, словно могла надрать задницу любому. Ее рыжие кудрявые волосы были коротко пострижены, а глаза были того странно-оранжевого цвета, который присутствовал только у потомков Саламандр. Раз она была

элементалем огня, я знала, что ее характер будет противоположностью ее элемента. Это был их способ скрывать жар под холодной внешностью. Как у горы, возвышавшейся над лавовой шахтой, ждущей, чтобы освободиться в случае провокации. Она носила черные кожаные доспехи, которые закрывали ее от лодыжек до запястий, пряжки и ремни были такими же черными, как доспехи.

Последним был Ундин — дитя воды — хотя я бы никогда не сказала это ему в лицо. У него были бледно-зеленые волосы, а кожа такая переливчатая, что я могла видеть синие вены на шее. Его глаза были цвета тины, что вполне ему подходило. Его доспехи были темно-синими, с завитками зеленого, которые обнимали ноги и выглядели не как кожа, а как что-то другое. Я прищурилась, пытаюсь определить материал.

Из-за моего плеча один из новобранцев шепотом произнес:

— Акуля кожа. Чертовски больно, если придется сразиться с ним врукопашную.

— Буду знать.

Все трое Эндеров были сильными и мускулистыми до такой степени, что я задавалась вопросом, как они надевают и снимают доспехи. По крайней мере, у наших Эндеров был жилет, что облегчало его надевание. Во всяком случае, я так думала.

Я покачала головой, зная, что мои мысли были сумбурными из-за усталости и недостатка сна. Когда Сильф повернулся, я вышла вперед, встретившись с ним взглядом. Шрам сбегал по левой стороне его лица, сморщенный и бледный от прошедших лет. Его синие штормовые глаза расширились, а лицо побледнело практически до цвета доспехов.

— Улани.

Он выдохнул имя моей матери и я застыла, глядя на него.

— Кто ты? И откуда знаешь мою мать?

Он моргнул, тень в его глазах исчезла.

— Все знают шлюху твоего отца. Он повсюду таскал ее с собой.

Шлюха. Слово зацепило меня и гнев, какого я в своей жизни еще не испытывала, захватил меня. Одно дело — называть меня бесполезной, забрасывать камнями и говорить, что меня собираются изгнать. Но позволить другому элементалю, который даже не из нашей семьи, порочить мою мать?

Сладкий горячий прилив гнева зажег мои нервные окончания, и я держалась за него, позволяя своему страху сгореть в этом огне.

— Никто не смеет так говорить о моей матери, — зарычала я, наступая на него. Мир испарился. Я видела только Сильфа, который не отходил от меня. Я ткнула его двумя пальцами в солнечное сплетение.

— Извинись.

Слово эхом отозвалось в комнате и с ним вместе выросло напряжение. Он фыркнул на меня, но меня заинтересовала струйка пота, стекающая из-под его волос. Если бы я не знала, то сказала бы, что он меня боялся.

— Извинись!

Его кадык дернулся.

— Я выразился необдуманно.

Вокруг нас слышались звуки дыхания. Я отступила назад.

— Сойдет.

Я развернулась, зарываясь в землю босыми пятками, чувство эйфории захватило меня. Я заставила его отступить. Даже пальца не подняв. Дерьмо на палочке, я вообще думаю, что

творю? И что это на меня нашло? Я поймала взгляд Гранита и то, что я там увидела, потрясло меня. Шок и страх.

Что происходит?

Остальные в зале продолжали двигаться, словно ничего не случилось. Эндер из Шахты, Мэгги, взяла на себя инициативу.

— Пошли, маленькие говнюки, я здесь, чтобы научить вас, как справляться с элементами огня, которых вы можете встретить на охоте.

Мы выстроились, и она начала ходить перед нами, ее оранжевые глаза словно светились изнутри.

— Кто-нибудь знает, что может сдержать Саламандру?

Мэл шагнул вперед, одна рука на бедре, как всегда дерзкий.

— Вода, конечно, — фыркнул он и посмотрел на остальных Сеятелей, который не поддержали его. Его улыбка увяла.

Она расхохоталась.

— В самом деле? Полезай в пруд, говнюк.

Лицо его скривила усмешка, но Мэл так и сделал. По крайней мере, вода была очищена. Он поплыл на середину, нырнул и причесал волосы назад, затем плавал на спине, плескаясь, как ребенок.

Идиот.

Я двинулась в сторону, чтобы посмотреть Мэгги в лицо. Было ли в нем что-нибудь, что бы выдало ее намерения? Я прищурилась и подошла ближе. В центре ее радужки вспыхнул огонек. Мэл вскрикнул, и мы все посмотрели на него. У него под ногами, на дне пруда было ровное, пульсирующее свечение.

Он бил по воде, пытаясь заглянуть вниз, чтобы увидеть то, что мы уже ясно поняли.

— Вода, она нагревается.

Мэгги фыркнула.

— Ты — идиот. Не удивительно, что твоя семья слабейшая.

Она взмахнула рукой, распространяя свечение, от воды пошел пар, и Мэл закричал. Она собиралась сварить его заживо.

Мой подбородок напрягся, и я уставилась на нее.

— И неудивительно, что ваша семья не приглашена играть с другими.

Она вихрем развернулась, оскалив зубы.

— Кем ты себя возомнила, членом королевской семьи?

Другие новобранцы захихикали и только одна девушка из моей группы, Блоссом, подняла руку.

— Вообще-то, она — член королевской семьи. Даже если и бастард.

Мэгги мягко рассмеялась.

— Бастард короля? Мы слышали слухи, что у тебя нет силы твоего элемента. Это правда?

Не было смысла отрицать это. Я держалась прямо.

— Да.

Она подошла, хотя мне казалось, что она преследует меня, кружа вокруг.

— Интересно. Тогда для тебя остается только рукопашная и оружие, и надейся, во имя семи кругов ада, что справишься с этим.

Я кивнула, но не стала поворачиваться и смотреть на нее. Что-то врезалось в меня и по

ощущениям в пояснице, я поняла, что это была ее нога. Я упала на землю, перекатилась, и встала на ноги так быстро, как могла, не обращая внимание на боль в почках и спине.

— Возможно, ты сможешь это сделать, у тебя неплохие рефлексы.

Мэгги пожалала плечами и отвернулась. Отказавшись считать меня угрозой.

Богиня, как бы мне хотелось размазать ее, стереть это самодовольное выражение прямо с ее разбитых губ. Шок охватил меня. Я не жестокий человек, никогда раньше не думала, чтобы причинить кому-нибудь боль. Даже Кассаве. Один день в казармах Эндеров — и я размышляю о том, как бы разбить лицо другому человеку. И заставила Сильфа отступить с яростью, о которой даже не подозревала

Я не была уверена, как относиться к переменам во мне, но знала, что какова бы ни была причина, мне следует продолжать двигаться в том же направлении. Я стану Эндером или стану изгоем.

Медленно выдохнув, я отряхнулась и смотрела, как Мэл вылезает из кипящей воды. Он встретился со мной взглядом и кивнул. Я кивнула в ответ. Отвлечение внимания дало ему достаточно времени, чтобы выбраться из воды без серьезных повреждений, которые другой элементаль мог с легкостью нанести представителю нашего вида. Отсюда запрет на использование нашей силы против других Эндеров. Но когда дело касалось преступников и предателей, мы должны знать, как справиться.

Ундин Дольф шагнул вперед, и вода успокоилась.

— Есть много вещей, которые могут убить элементалья. Но использование своих способностей против друг друга — это верный способ ранить и калечить. Раны от другого нашего рода, могут легко привести к летальному исходу. Помните об этом во время тренировок. Всегда будьте сдержаны, когда используете свои способности против другого Эндера. Они должны быть точно отрегулированы, а не использоваться в качестве молотка.

Для меня это не проблема.

Остаток дня прошел в работе с тремя элементальями, которые обучали, как обходить их силу, находить способы подчинять без травм. Что в большой степени означало, что меня обошли.

Гранит потянул меня в сторону.

— Смотри, что они делают и к концу дня я хочу, чтобы ты рассказала мне, как можешь с ними справиться.

— Ты в самом деле не хочешь, чтобы я сразилась с ними в рукопашную?

— С чем? У тебя нет силы земли, Ларк. Тебе нужно выяснить, как ты сможешь справиться с ними, используя только руки, оружие и разум. Остальные Сеятели учатся бороться с другими элементальями, которые наступают на них, используя свои силы, к какому бы элементу они не принадлежали. Хотя это может стать их последней линией обороны, это та линия, которую тебе не переступить.

Я бродила вокруг поединщиков во время драки и имела возможность увидеть верный знак, когда Мэгги, которая, как мы знали, была скоро на использование Магмы, собиралась использовать свои способности. Тот огонек появлялся в ее глазах на пару секунд раньше, чем она выпускала огонь. Сигнал, знак, что она собирается использовать свой огонь. Касалось ли это всех Саламандр или только ее?

Я осмотрелась в поисках Гранита, чтобы спросить у него, но он был в дальнем конце зала, инструктировал Блоссом, которая работала в пруду с Дольфом. Все остальные Эндеры ушли.

Кроме Эша.

— Что ж. Самое время посмотреть, сможем ли мы работать вместе, — пробормотала я, испытав небольшое удовольствие, когда его глаза сузились.

— У меня вопрос.

— Спроси Гранита.

— Он занят, а ты просто стоишь и ничего не делаешь, — заметила я.

— Я слежу, чтобы ты не пыталась кого-нибудь убить.

Я рассмеялась так сильно, что согнулась пополам.

— В самом деле? Ты видишь, как я работаю с кем-нибудь здесь? Нет, правильно, я же бесполезная, припоминаешь?

В последних словах было горечи больше обычного, но меня это не волновало.

— Все саламандры имеют одинаковый сигнал?

Он уставился на меня, медовые глаза стали задумчивыми.

— Сигнал? О чем ты говоришь?

— Тот огонек в уголке левого глаза Мэгги. Он появляется прямо перед тем, как она тянется к своим способностям. Они у всех одинаковые или будут отличаться от человека к человеку?

Его глаза медленно распахнулись.

— О чем ты говоришь?

Я сглотнула, подумав, что возможно, я была и вправду сумасшедшей.

— Иди сюда. Я покажу.

Он подошел туда, откуда мы могли видеть, как Мэгги работает с другими новобранцами.

— В нижнем уголке ее левого глаза, рядом со слезным протоком. Вот огонек, вот! — я указала на предательскую вспышку света в ее глазу, которая вспыхнула на целую секунду раньше, чем она выпустила язык огня в форме кнута.

Эш заставлял меня указывать снова и снова, и каждый раз, как я это делала, огонек увеличивался, пока не захватил оба глаза.

— Как ты можешь не видеть этого? Ты что слепой?

Он схватил меня за руку и потащил туда, где Дольф работал теперь с Мэлом.

— Посмотри на него, покажи снова.

Я смотрела на Дольфа прищурившись. Я ничего не видела, по крайней мере, поначалу. Но затем, там, вокруг его руки появилось сияние, словно вода текла.

— Левая рука, — прошептала я. Хватка Эша не ослабевала, но меня это не волновало. Я была взволнована. Если я могла видеть, когда другой элементаль собирался навредить мне, я могла стать Эндером. И мне не нужно быть в состоянии дотянуться до способностей земли.

Я смотрела на руку Дольфа, пока сияние не перешло на предплечие, а потом и до плеча. Как с Мэгги, чем больше я сосредотачивалась на нем, тем легче мне было увидеть, когда он собирается использовать способности. Эш потащил меня к Сильфу, имени которого я до сих пор не знала.

— Как его зовут? — спросила я, глядя на глаза и руки Эндера в поисках сигнала.

— Викиер, но для друзей — Вик.

Слова выплыли из сна, который, в конце концов, оказался вовсе не сном. Моя реальность вдребезги разбилась от этих слов и я почувствовала, как во мне что-то сломалось, оболочка, которая удерживала меня, не давала мне стать той, кем я должна. Вспышка света

перед глазами, всплеск розового цвета, который оставил меня задыхаться. Не оставив мне ничего, кроме реальности моего сна.

«Викер, убей сначала ребенка, а потом девочку.»

Глава 8

Обморок был не тем, что могло бы когда-нибудь случиться со мной, но однако же я тупо лежала на полу, глядя в потолок. Выражение «столкновение двух миров» никогда не имело большего смысла.

Рядом со мной присел Гранит, его губы двигались, но я ничего не слышала. Не могла видеть ничего, кроме того момента в моем сне — моих воспоминаниях — где Сильф украл дыхание Брэма и остановил его сердце.

Викер убил моего малыша-брата. Я села, и близко подошедшие Эндеры отошли, увеличивая вокруг меня пространство.

— Ларк, что случилось?

Медленно кипящая ярость, как ожог от летнего солнца, которое нагревает плоть, пронеслась через меня, в тысячу раз жарче, чем когда мою мать оскорбили. Это была ярость неотвратимого правосудия.

— Где Сильф?

Гранит посмотрел мне через плечо, и обернувшись, я увидела Эша, качающего головой.

— А что?

— Я собираюсь убить его.

Комната вокруг кружилась, и кто-то схватил меня за руки, но я вырвалась и побежала туда, где держали оружие. Я выдернула копьё, оно было не моим, но должно подойти.

— Ты не можешь убить другого Эндера, Ларк! Это смертный приговор!

— Меня не волнует, пустите меня! — Я сражалась с руками на моих руках, с пальцами, которые отрывали мои от древка копья. — Пустите меня!

Гранит сильно сжал мои руки.

— Что ты увидела, Ларк? Ты посмотрела на него и глаза затуманились. Мы подумали... он что-то тебе сделал.

Из моего горла вырвался крик — смесь ярости и боли, горя и сожаления. Сон был реален; это все было на самом деле. Что-то внутри меня сломалось, чтобы показать, что я не была доброй, милой девушкой-сеятелем, как я всегда считала. Я инстинктивно знала, что меня одолевает жажда крови, и я буду бороться с теми, кто попытается удержать меня от убийства Викера.

Пинаясь и брыкаясь, я сильно дернулась, увлекая кого-то за собой. Я даже не различала лиц, так как делала все, чтобы освободиться.

— Я его убью, я его убью! — мои слова, мой голос, но все было так, словно я смотрела представление со стороны. Эш заломил руки мне за спину, а Гранит кричал мне в лицо, отведывая пощечины, чтобы привлечь внимание.

— Ларк, остановись! Ты с ума сошла? Отец отошлет тебя. Он выгонит тебя прочь!

Шлеп, шлеп, шлеп. Пощечины только сильнее разъярили меня. Та трещина внутри меня на мгновение разошлась сильнее, и тогда Эш схватил меня, прижав руки, моя спина прижималась к его груди.

— Отпусти меня, ублюдок.

Я откинула голову назад, целясь ему в нос. Он увернулся, и я попробовала другую тактику, перенесла вес вниз и крунулась в сторону. Эш споткнулся об меня и оказался сверху, прижимая меня к полу. Со стоном он поднял руку вверх и вlepил удар, который

ошеломил меня.

Но ненадолго. Я скинула его, пинаясь и крутя бедрами, отталкивая его длинными ногами.

— Сражайся, — сказал Гранит, а я не поняла, и не вняла. Эш был передо мной, и я хотела только выбить из него жизнь.

Он сплюнул слюну с кровью, которая приземлилась на пол с влажным шлепком; возможно, мне удалось его ударить.

— Давай, маленькая кукушка, посмотрим, что у тебя есть.

Я дико замахнулась на него, но промахнулась, так как Эш продолжал уворачиваться от меня, что только сильнее меня злило.

И потом он ударил меня снова, и снова. Быстрый, как кобра, он скользнул ко мне на корточках, и нанес резкий удар по левому боку, оглушивший меня на секунду. Он двинулся назад, отступая из зоны контакта, и я с силой ударила его правой рукой по левому плечу.

Что-то хрустнуло у меня под рукой, и я не знала, у него или у меня. Я ничего не чувствовала, не могла думать ни о чем, кроме того, что он стоял между мной и Викером. Сражение, — а на самом деле это не было сражением — длилось не больше двух минут. С ревом, Эш схватил меня, и мы упали назад в пруд.

Вода сомкнулась у меня над головой, заполнила уши, нос, рот, пока я сражалась с его руками, которые удерживали меня внизу. Мы достигли дна, и я оттолкнулась, бросилась к поверхности, где вдохнула полные легкие воздуха, задыхаясь и выкашливая остатки воды.

Эш вынырнул в паре футов, вода стекала по его лицу, глаза смотрели настороженно.

— Успокоилась?

Вода исцелила меня от безумия, захватившего мою душу. Викиер исчез. Мне придется найти другой способ добраться до него. Я вытерла лицо левой рукой.

— Успокоилась.

Мы доплыли до края пруда, и Гранит подал мне руку. Я подала ему правую ладонь, потом всхлипнула. Это не Эш хрустнул под ударом. Кости моей руки протестовали против хватки Гранита.

— Кажется, я слышал хруст.

Он скользнул рукой по моему запястью и вытащил меня из воды.

— Ты собираешься объяснить, что все это значит?

Я шмыгнула и откинула волосы с лица. Эш стоял сбоку от меня и рядом с ним, вслушиваясь в разговор, а я не могла говорить, так что покачала головой.

Я знала, что бы они сказали, если бы я рассказала им, что Викиер убил Брэма. По опыту я знала, что люди скажут, что я сошла с ума. Но в этот раз, я не сомневалась в себе. В прошлом я всегда сомневалась, думала, что я сумасшедшая.

Теперь я знала правду о моем прошлом.

Мне просто нужно доказать это, придется держать то, что я знаю при себе, пока не придет время выложить карты на стол, когда я смогу предоставить доказательства, и игроки будут не в силах отрицать это. Я с трудом сглотнула и снова покачала головой.

Гранит хмуро посмотрел на меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ничего?

Эш прокашлялся.

— Люди не приходят в убийственную ярость просто так. У нас у всех есть секреты, но

если ты на самом деле пройдешь тестирование и станешь Эндером, у тебя не будет этой привилегии. Особенно, если ты пытаешься убить другого Эндера.

Краем глаза я заметила вспышку зеленого света, которая появилась на пальцах левой руки Гранита, за секунду перед тем, как земля у нас под ногами переместилась, разгладив тренировочную поверхность.

— Оставь, Эш. Мы закончили на сегодня.

И только тогда я поняла, что каждый свободный Эндер наблюдал, и конечно, новобранцы тоже. Они все слышали, как я раскисла, все видели, как я сражалась и проиграла Эшу. Жаркая волна унижения прокатилась по коже, и я прикладывала все силы, чтобы не опустить глаз. Я не буду стыдиться.

Эндеры прищурились, когда я посмотрела в их сторону.

— Я сказал, — зарычал Гранит, — на сегодня мы закончили. Кроме тебя, Ларк. Ты останешься здесь со мной.

После взвешенных колебаний, они все убралась, хотя больше, чем один любопытный взгляд был брошен на меня через плечо. Любопытный и подозрительный. В большой комнате было тихо, и я стояла, ожидая. Меня выгонят вон за нападение на Эша?

— Ты скажешь мне, что все это значит?

— Нет.

— Лакспер, идем со мной.

Гранит поманил меня правой рукой, на кончиках пальцев танцевали зеленые огоньки, которые оплели его пальцы, как плющ, за мгновение до того, как земля подтолкнула меня в сторону входной двери. Я последовала за ним из казарм в лес. Мы шли в тишине в течение почти трех часов, выбирая тропинки, которые я знала наизусть и те, которых никогда не видела. Прогулка успокоила меня, помогла увидеть вещи в перспективе. Викир знал, кто я, но знал ли он, что я вспомнила? Я так не думаю. По моим ощущениям, если бы он знал, то попытался бы убить меня на месте. Но опять же, может и нет. Может быть, он не хотел выдать себя с головой.

Гранит привел меня на дальнюю западную окраину леса. Рев машин подавлял мои чувства, запах человеческого мира подавлял. Шоссе проходило между лесом и побережьем, я знала, что люди редко пересекали эту границу.

— Ты знаешь, зачем я привел тебя сюда?

Я покачала головой.

— Именно здесь я нашел твою мать.

У меня отвисла челюсть, и я с трудом выдавила вопросы.

— Нашел ее? Когда? Как?

Гранит потер челюсть рукой, глаза стали задумчивыми.

— Ее тогда было около шестнадцати, полагаю. Я думал, что она была человеческим беглецом, время от времени они тянутся к нам, ты же знаешь. А затем я подумал, что она полукровка.

Мое сердце заколотилось сильнее, пока я ждала, что Гранит подтвердит то, на что я надеялась.

— Но она ведь не была, не так ли?

Его пронизательные глаза видели меня насквозь.

— Ты знаешь, кем она была?

— Думаю... что так.

Дитя Духа. Хотя, что это означало, было непонятно. Не то чтобы это повлияет на меня, во всяком случае, у меня не было способностей.

— Тогда не будем произносить этого вслух: лес не всегда безопасен, Ларк. Кому, как не тебе, знать об этом.

Я подошла к нему вплотную и наклонилась, чтобы говорить ему на ухо, максимально понизив голос.

— Ее смерть не была естественной, не так ли? — Он покачал головой, и всхлип сорвался с моих губ. — Я была там. Я думала... все эти годы...

Он закрыл мне рот рукой и покачал головой, затем медленно провел пальцем поперек моего горла, затем своего, смысл был ясен. И хотя Гранит не знал, что это была королева, он должен был заподозрить это. Ни у кого больше не было причин убивать ее или моего брата. Кассава убьет и меня и Гранита, если узнает, что мы считаем ее убийцей.

— Вот почему я хотел тренировать тебя так же, как обучал твою мать. Но ты, думаю, ты пойдешь дальше, чем она. Она была слишком мягкой, это стало ее погибелью. Быть Эндером — значит отбросить все привязанности, ты должна убивать без колебаний, зная, что если ты не сделаешь этого, тебя похоронят в двадцати футах под землей и соль покроет твои кости. Став Эндером, тебе придется принять темную сторону богини-матери, которую она скрывает от остальных. Балансом этого является свет и добро, рост и жизнь. Мы — ее темная сторона. Мы — ее Эндеры.

Я задрожала, правдивость его слов проникла в мою душу. Он продолжил, глаза смягчились от воспоминаний.

— Твоя мать, она бы никогда не смогла стать той темнотой, все ее существо было жизнью и любовью. — Его голос был хриплым и под грубоватой внешностью я увидела нечто большее, чем мужественного Эндера. Слово я могла видеть историю в картинках перед собой. Он нашел девушку, близкую ему по возрасту, прекрасную девушку, и научил ее сражаться. Стал ей другом, и, возможно, хотел большего, но она не замечала его. Потому что попала на глаза королю.

— Ты любил ее?

Его спина напряглась, потом он расслабился и усмехнулся.

— Теперь это не имеет значения, Ларк. Но у тебя есть ее хорошие качества — ты видишь людей, видишь все, что они скрывают. Смотришь сквозь все враки и нелепости. Прямо как Улани.

Я улыбнулась.

— И ты привел меня сюда, чтобы сказать об этом?

На этот раз он наклонился вперед, шепча:

— Теперь ты знаешь. Ты придешь ко мне, и мы сразимся с ними вместе. Кто бы не сделал это, мы встретим его вместе, понимаешь?

Он отступил и посмотрел туда, откуда мы пришли.

— Но не сейчас, Ларк. Не раньше, чем ты натренируешься и будешь готова сделать то, что должна.

"То, что тебе придется". Несказанные слова повисли в воздухе между нами.

Уничтожить тех, кто убил мою семью.

Я задрожала от страха и предвкушения.

— Ты думаешь, я не такая мягкая как она. Что у меня есть инстинкт убийцы, чтобы сделать то, что я должна?

Он, не дрогнув, встретился со мной взглядом.

— У тебя он есть, Ларк, сполна. Я думаю, Вик увидел в твоих глазах что-то, что заставило его так быстро уехать.

Я подбежала к нему и взглянула, думая о Викере, Кассаве и всех тех годах, когда я считала себя одинокой.

Он запрокинул голову, чтобы взглянуть на меня.

— Может, ты и выглядишь, как твоя мать, но ты определенно не она.

Улыбка скользнула по моим губам. Нет, я совершенно точно не была такой же, как мать.

И впервые в жизни была за это благодарна.

Следующий месяц был просто-напросто выматывающим, что было к лучшему. Это не давало мне размышлять над тем, что Кассави была убийцей, и у меня не было способа доказать это, кроме как заставить Викера признаться. Шансы были определенно не в мою пользу.

Все, что я могла — это не высовываться и делать все, чтобы стать сильнее, быстрее и смертоносней. Я должна верить, что наступит день, когда я встану лицом к лицу с Кассави и Викером, и кто там еще помогал ей.

Я каждый день занималась с другими новобранцами и, когда они уходили, чтобы отдохнуть в свободное время, я занималась с Гранитом. Эш никогда не рассказывал Граниту, что я могу видеть, когда другой элементаль использует свою силу. Я тоже не говорила об этом. Это было моей единственной форой, когда приходилось иметь дело с другими элементами, не имея собственных сил. Не единожды я уворачивалась от брошенных камней или дыр, разверзшихся у меня под ногами.

Тело болело до самых костей, и каждую ночь я ложилась выжать досуха. Такой уставшей, что даже если мне и снились какие-то сны, я их не помнила.

Наконец нам дали выходной.

— Ты в самом деле собираешься сделать перерыв? — спросил меня Мэл за завтраком. Я кивнула и запихнула еще ложку овсянки в рот. Потребовалась почти целая неделя, прежде чем другие новобранцы расслабились в моем присутствии, но их отношение ко мне определенно изменилось. Больше никакого улюлюканья вроде «бесполезная» или «кукушка».

Я думала о том, что сказала мне Найя — о том, чтобы повидать отшельника неподалеку от южной границы леса. Его терпели, хотя он не был элементом, но так как он был одним из сверхъестественных существ, желающих держаться подальше от людей, мы разрешили ему там остаться.

— Думаю, отправлюсь на длительную прогулку.

Я отправила последнюю ложку завтрака в рот и запила ее стаканом молока.

Мэл рассмеялся.

— Прогулка? Я думаю, что просплю весь день.

Я слегка улыбнулась ему.

— Разве это не то, что ты обычно делаешь? Если бы ты двигался немного медленнее на тренировочном мате, то мог бы и там уснуть.

Дружный «ох» пронесся вдоль стола, и Мэл поднял кулак, грозя мне с притворным гневом.

— Просто подожди и увидишь, Принцесса, однажды я превзойду тебя.

Зеленое свечение вокруг его пальцев предупредило меня, и я шагнула влево, когда в земле разверзлась дыра там, где я стояла.

— Черт, как ты это делаешь? — пробурчал он.

Я просто пожала плечами.

— У девушки должны быть секреты.

Я пошла в свою комнату, чтобы взять одежду. Экипировка, которую нам как Сеятелям выдали, была имитацией настоящей амуниции Эндеров. Плотные облегающие брюки и жилет

из толстого хлопка, ботинки, которые шнуровались до лодыжек и пояс для оружия. Я прикрепила на бок тренировочное копьё, разделив его пополам быстрым поворотом, и повесила на пояс острием вниз. Я засомневалась насчет лука и стрел. В стрельбе я была не так хороша, как хотела бы. Я взяла его и перекинула через плечо, повесив колчан на левый бок. Возможно, мне удастся попрактиковаться. Наконец я подобрала большой нож с лезвием, длинной с мое предплечье, и рукояткой из оленьего рога, и вставила его в ножны, вшитые в левую сторону жилета, прямо под сердцем.

— Куда это ты идешь? — голос появился из ниоткуда и заставил меня подпрыгнуть.

Я резко развернулась и уставилась на Эша в дверях.

— Ты не должен подкрадываться к людям.

— Я не подкрадывался, просто ты не слушала. Когда-нибудь это будет стоить тебе ранения или смерти. — Он наклонил голову. — Спрашиваю еще раз, куда ты идешь?

— На прогулку. Что, хочешь пособирать со мной цветочки? — я приподняла бровь, и он закатил глаза.

— Никто не собирает цветы, увешавшись оружием.

— Зачем ты здесь? Просто чтобы доказать, что можешь немного мной покомандовать?

Он рассмеялся, глаза светились юмором. Я была уверена, что он смеется надо мной, а не со мной. Эш напряг мышцы на руках, вытянув их вперед.

— Немного? У тебя есть, по крайней мере, два года, прежде чем ты можешь быть испытана для начального уровня нашего ордена. Два года, Принцесса, трудов и лишений. Научиться убивать, бороться за свое место здесь. Предполагая, что ты не сдашься до этого.

Я пожала плечами.

— Они испытывали Эндеров быстрее. Во время войн. Эндеров тренировали менее чем за месяц и затем посылали в бой.

— То было тогда, — он наклонился, чтобы посмотреть на небольшой ряд камней на моем прикроватном столике. — Это — сейчас. Два года работы пойдут прахом, когда ты вылетишь отсюда после провала финального испытания.

Я убрала камни подальше от него.

— Возможно, ты хотел бы отказаться в какой-то момент, а может также и все остальные, но у меня ничего не осталось. Нет вариантов. Я либо Эндер, либо мертва.

Слова были правдой, но они повисли между нами.

Я встретилась с ним глазами.

— Эш, что тебе нужно?

Его веки опустились, закрывая золотисто-медовый цвет.

— К тебе посетитель.

Теперь я удивилась и прошла мимо Эша к выходу. Там стоял темноволосый мужчина. Не думала, что когда-нибудь снова буду иметь с ним дело.

— Коул?

Он смотрел на свои ноги, шаркая ими по земле, и когда я произнесла его имя, вскинул голову. Он осмотрел меня, улыбка расплзлась по его губам, а голос понизился до знакомого хрипловатого тона, который я слишком хорошо знала.

— Ты хорошо выглядишь, Ларк. В самом деле, очень хорошо.

Я моргнула, недоумевая, где же всплеск возбуждения в моих нервных окончаниях, куда делся жар желания.

— Спасибо, чего тебе надо?

За спиной я услышала тихий смешок и посмотрела через плечо. Мэл сделал одобрителный жест, прежде чем я снова повернулась к Коулу. Он протянул мне руку.

— Слышал, у тебя немного свободного времени, я приходил каждый день в надежде, что они позволят мне хотя бы поговорить с тобой. Я скучал по тебе.

— В самом деле? — я пыталась сохранить тон обычным, но не смогла справиться с горечью. — Последний раз, когда я тебя видела, меня волокли прочь и обвиняли в убийстве, а ты позволил забрать меня без борьбы. Выглядит совсем не так, как поступил бы тот, кто волнуется обо мне.

Я проскочила мимо него в двери, вдыхая воздух раннего утра и позволяя прохладе остудить гнев, кипевший у меня внутри. Нет, это был не просто гнев — это было чувство предательства.

Коул догнал меня и хотел положить руку мне на локоть, но я отошла прежде, чем он коснулся меня.

— Убирайся, Коул.

— Ларк, пожалуйста. Я совершил ошибку. Вопреки тому, что ты думаешь, я не идеален. Я фыркнула.

— А если бы они убили меня? Что тогда? Это бы ты тоже назвал ошибкой?

Он понизил голос и подошел ближе.

— Я знал, что они не собираются убить тебя.

— Откуда? Ты просто не мог этого знать.

Его челюсть дернулась, и он кивнул головой, приглашая меня следовать за ним. Неохотно я сделала, как он хочет, любопытство победило меня. Он держался впереди, легкий шаг, длинные мускулистые ноги, крепкая задница, на все очень приятно смотреть. Обычно я пускала бы слюни уже через десять футов. Как ни странно, отсутствие его поддержки убило мое либидо. Поди разберись.

Мы были почти у моего дома, на другом конце от семьи, прежде чем он заговорил, потянувшись, чтобы поймать меня за локоть. Я отстранилась от него, скрестив руки.

— Давай, послушаем твои объяснения.

Он сжал губы, собираясь с мыслями. Я уже видела этот жест, когда просила его уйти. Я уступлю ему, он умел убеждать.

— Ходили слухи, что тебя собираются арестовать. Один из стражей границы сказал мне поостеречься. Он сказал, что если тебя схватят, а я попытаюсь их остановить, меня обвинят в измене. Тебя выручит отец, Ларк. У меня же нет никого с таким влиянием.

Он опять потянулся к моей руке, но я держала дистанцию.

— Тогда почему ты не предупредил меня? Почему помог мне с платьем, и отправил к отцу без каких-либо знаний о том, что должно произойти? По крайней мере, я могла бы подготовиться к тому, что должно было случиться?

— Потому что тогда они бы смогли что-нибудь выведать у тебя. Я не знал, как далеко это может зайти, Ларк. Я делал то, что считал лучшим для нас обоих. Если бы я думал, что могу сразиться за твою свободу, я бы так и сделал, знай это. Но они превосходили нас числом. Единственным шансом было, что тебя простят, что и произошло, и теперь мы снова можем быть вместе. И так и будет.

Его слова звучали хорошо. Я едва приподняла голову, и этого было достаточно, чтобы увидеть, как его глаза затуманены неопределенностью. Не то, что я часто вижу в своем дерзком парне.

Я выдохнула, и он увидел мое молчаливое согласие. Без лишних слов, он сгрел меня в объятиях и поцеловал. Я вернула поцелуй, внезапно почувствовав необходимость в большем, чем просто его компания. Единственными прикосновениями, которые доставались мне в прошлом месяце, были удары и пощечины. Ничто из этого я бы не смогла назвать успокаивающим или любящим. Мелочная вина съедала меня. Я не скучала по Коулу, не думала о нем даже раза за месяц. И все же, я была здесь. Возможно, мне просто нужна последняя попытка.

Или, возможно, я просто нуждалась в другом виде подзарядки. В любом случае, я поддалась похоти.

Мы с трудом избавлялись от одежды, когда повалились на землю, коленки вонзались в почву, а руки в то же время раздевали друг друга в попытках добраться до обнаженной кожи. Папоротники и подлесок замаскировали нас, скрыли наши тела. Я пробежала руками по его спине, ощутив мышцы, которые слишком хорошо знала, по его крепкой заднице, вниз по бедрам и снова вверх. Его губы ласкали мое лицо, касались век, щек и, наконец, губ.

Руки зарывались в почву, когда мы катались друг по другу, находя утешение в телах друг друга, и всего на мгновение я подумала, что мир снова будет в порядке. Я провела рукой по его щеке, и он улыбнулся в ответ, приоткрыв губы, когда его язык выскользнул, чтобы испробовать на вкус мой собственный.

— Выходи за меня, Ларк. Оставь Эндеров и дай мне позаботиться о тебе, — прошептал он мне на ухо, покусывая за чувствительный краешек.

Его тело было очень теплым рядом с моим, и так хорошо подходило моим изгибам снаружи, внутри, наполняя меня, заставляя на мгновение задуматься о принятии его слов. Земля, казалось, рокошет под нами, предупреждая, а возможно, предостерегая. Я села и оттолкнула его.

— Позаботишься обо мне? Ты серьезно?

Он откатился в сторону и улыбнулся мне.

— Ладно, возможно, это не лучший способ сделать предложение. Но все равно выходи за меня. Тебе не нужно быть Эндером. Ты доказала свою точку зрения. Ты сильна по-своему, достаточно сильна, чтобы пережить первый месяц обучения. Я это понял. Тебе нужно было проявить себя. Просто выходи за меня. Ты знаешь, что хочешь за меня замуж и всегда хотела. Ты могла бы носить платья своей матери, мы могли бы завести ребенка.

Кое-что из того, что он говорил, было правдой. Остальное — не очень-то.

— Ты ошибаешься, Коул. Я не думаю, что ты когда-нибудь действительно знал меня. Я хочу замуж, но не за того, кто меня даже не знает.

— Нет? — его веки опустились. — Ты нашла кого-то получше?

Я расхохоталась.

— Дело не всегда в сексе, идиот. Мне нравятся тренировки, и я собираюсь стать Эндером.

Я нашла свои штаны и куртку и натянула их. Ботинки быстро последовали за ними, как и оружие. Я была одета и готова идти меньше, чем за минуту.

— Ты просто расстроен из-за того, что если я стану Эндером, то превзойду тебя. — Слова сорвались с моих губ прежде, чем я успела подумать, но это была правда. Я встретила с ним взглядом. Он сжал зубы, и челюсть дернулась. Черт, так это правда. Он не хотел, чтобы я превзошла его. Ему нравилось быть источником силы в наших отношениях.

— Побереги себя и не приходи больше, Коул. Все кончено. — Прошептала я, чувствуя,

как связь между нами разорвалась в последний раз. Даже если он этого не чувствовал, я знала правду о наших отношениях. Ему нужна была тряпка, а даже до того, как я встала на сегодняшний путь, я такой не была. Отсюда и борьба.

Он сел с той чертовски самоуверенной улыбкой на губах, глаза сверкали.

— Ларк, ты всегда будешь возвращаться ко мне. Я единственный дом, который у тебя есть. Я буду защитой, к которой ты прибегнешь, когда провалишь все это.

Я подумала о казармах, о Граните и даже Мэле, Блоссом и других сеятелях. Теперь они были моим домом, моей семьей. Они будут моей защитой, если я упаду.

— Больше нет.

Мне пришлось бежать, чтобы достичь южной части леса до полудня, если я собиралась вернуться в казармы до полуночи. Да и то я знала, что у меня будет всего лишь несколько минут, чтобы поговорить с отшельником, прежде чем направиться обратно.

День был по-прежнему прохладным, что было удачей, туман тяжело висел над лесом. Я нашла ритм бега. Вдох. Выдох. Тело вошло в идеальную синхронизацию с лесом, поток энергии проходил сквозь меня и отмечал меня, как часть круга сил. Я никогда не чувствовала подобного обмена раньше, даже близкого к этому, и сила гудела в моих венах.

Перепрыгивая через бревно, я сильно оттолкнулась и была поражена расстоянием между прыжками. Как быстро я смогу двигаться при таком контакте с землей? Я сделала глубокий вдох и прибавила скорость, выкладываясь до предела, позволяя силе земли проходить сквозь меня. Я сморгнула слезы, которые ветер выжимал из глаз.

Я испустила возбужденный вопль, не в силах сдержать дикую энергию, льющуюся по мышцам и зажигающую кровь, отправив стайку птиц в воздух с недовольными криками.

И затем я оказалась там, на южной окраине, дом отшельника был напротив меня.

Я резко остановилась и проверила положение солнца. Меньше получаса на дорогу, которая должна была занять минимум пять часов.

— Богиня-мать, — прошептала я.

— Я бы не стал призывать ее сюда, — произнес хриплый голос.

Я опустила на корточки и выдернула лук со стрелой из своей амуниции. Положив стрелу, я натянула лук одним плавным движением. Высокий, широкоплечий мужчина улыбался с бревна, на котором сидел в тени небольшой пихты в двадцати футах от меня. Его темные волосы были пронизаны серебряными нитями, а глаза имели три оттенка черного от самой темной ночи к лунному небу и моменту перед самым рассветом. Если бы мне пришлось угадывать, я дала бы ему лет сорок по человеческим меркам. Но мне было известно, что он был сверхъестественным существом, так что я не знала, сколько лет ему на самом деле.

Я встряхнулась и ослабила хватку на луке.

— Найя послала меня.

— Я знаю, она предупредила, что ты придешь.

Он не двигался, просто смотрел, как я разгибаюсь из стойки.

— Она сказала...

Он поднял руку, останавливая меня.

— Не важно, что она сказала. Тебе нужна небольшая помощь, верно?

Я не ответила, по большей части потому, что не имела понятия, чем он может мне помочь.

— У тебя есть имя?

Его улыбка стала кривоватой, и это напомнило мне о том, чего я не могла до конца понять.

— Гриффин. В мире людей меня также знают как О'Ши.

Я прищурилась и серьезно посмотрела на него.

— Могу я спросить, кем ты на самом деле являешься?

Он расхохотался, что только подтвердило ощущение, будто в нем был волк, чертовски

много волка. Но не вервольф. Нет, что-то еще.

— Ты уже знаешь, так что какое это имеет значение?

Он прямо встретился со мной взглядом, и я не стала отводить глаза.

— Тогда ты знаешь, кто я?

— Знаю. Я знаю, что твои способности заблокированы, и богиня-мать пальца о палец не ударила, чтобы тебе помочь. Иногда она бывает настолько стервозной, когда думает, что ею пренебрегают. Ты не пытаешься с ней связаться, по ее мнению, это оскорбление. — Он потер руки.

— Я не могу с ней связаться, я пыталась, — выкрикнула я.

— Она смотрит на вещи не так, как мы. В этом-то и проблема с богами, они видят только то, что хотят.

Он подошел, осматривая меня, но не с вожделением, а словно интересуясь, на что я способна.

— Хочешь выяснить, как добраться до твоих способностей?

Я фыркнула и покачала головой.

— Ты думаешь, что будешь первым, кто попытается? Считаешь, мой отец не пытался найти кого-нибудь, кто мог бы меня научить? Он приглашал целителей и шаманов и однажды даже «дневного бродягу», который, казалось, больше хотел затащить меня в постель, а не помочь мне, зеленоглазый развратник. Никто из них не мог помочь мне; никто из них не смог добраться до моих способностей, потому что не к чему было добираться. Я слабая и на этом все.

Мне было больно произносить эти слова, но я сохранила невозмутимое лицо. Я много работала, чтобы достичь в этом совершенства. Быть слабой — это одно, позволить другим увидеть это — совсем другое.

Гриффин прищурился и посмотрел на меня одним глазом.

— Не слабая, заблокированная. Есть большая разница. Просто надо выяснить, что же тебе мешает, не так ли?

Он встал и пошел прочь, очевидно, ожидая, что я последую за ним. Я мешкала. Какого черта, мне нечего терять. Я последовала за ним по узкой тропинке, деревья плотно обступали нас по обе стороны, теснясь и блокируя солнце лучше, чем смог бы туман. Гриффин остановился, и я вышла вперед. Мы смотрели с края скалы, вид потрясал, мир, казалось, исчезал в глубоком овраге, верхушки деревьев под нами выглядели как волны в океане, поднимаемые ветром.

— Это очень мило, но...

Зарывав, он ударил меня наотмашь, достаточно сильно, чтобы в глазах потемнело и теплый, влажный медный привкус наполнил мой рот, как перезрелый виноград.

Я перекатилась, остановившись только по счастливой случайности, вцепившись руками и ногами в почву прямо на уступе. Он не остановился, не дал мне отдышаться ни мгновения. Превратившись в огромного волка, его тело изменилось также быстро, как и у одного из наших оборотней. Гриффин рванулся и не смог схватить меня зубами только потому, что я отползла назад к обрыву. Паника захватила меня, и я попыталась замедлить происходящее.

— Что ты делаешь? Предполагалось, что ты pomoжешь мне!

Я выронила лук и стрелы в схватке и слышала, как они скатываются в овраг, отскакивая от скал — моя участь, если я не предприниму что-нибудь, и быстро.

Найя послала меня сюда, пыталась ли она убить меня? Возможно ли, что они работают

на Кассаву?

Я не знала, и у меня не было времени, чтобы это обдумать. Я вытащила кинжал, и он вцепился мне в руку, прокусив кость. Закричав, я начала бить его левой рукой, но мои удары отскакивали от его толстого черепа. Я брыкалась, пока он тряс меня как тряпичную куклу, мышцы и сухожилия руки рвались от его силы и зубов. Кровь стекала по моей руке теплым ручейком, который скапливался под нами, делая землю скользкой.

Он отшвырнул меня, и я баюкала руку, пока поднималась на ноги, спиной к краю обрыва. Его темные глаза сузились, а плечи напряглись. Я знала, что он собирается сделать, но была бессильна ему помешать.

Здоровой рукой я вытащила копье и взмахнула им в его сторону, но была слишком медленной. Он уклонился от удара и ударил меня плечом в бедро, столкнув вниз.

Мир на мгновение слегка замедлился, удерживая меня. Невесомая, я падала, глядя в небо, и земля, казалось, шептала мне то, что я и так уже знала. Я умирала. Я знала это в глубине души и сердца. Я быстро попрощалась, вдохнув надежду, что богиня-мать примет кого-то столь слабого, как я, и попросила воссоединиться с моей матерью и младшим братиком.

Голос, что не был моим, прошептал моим чувствам:

«Взови к своей силе.»

Я не стала задавать вопросов голосу, просто потянулась к той части меня, которая связана с землей. Части, которая болела всякий раз, как я пыталась. Но разве это имеет значение, если я все равно умираю? Одна последняя попытка, прежде чем я свалюсь замертво. Я представила, как земля смягчается, принимая меня как мягкая, наполненная мхом постель, смягчающая мое падение. Вспышка зеленого заполнила мое зрение и вместо удара о скалы сотней футов ниже, я... отскочила. У меня вырвался крик, когда сломанная и помятая рука повернулась под телом. Я покатила вниз по отвесному склону, пока не врезалась в ствол дерева, кора которого порвала мою одежду. Но я была жива и в сильном шоке от этого.

Я села на кучу земли, пульсация зеленой силы исчезла из моих глаз. Посыпались камни, и Гриффин скользнул по оставшейся части склона снова в своей человеческой форме. В отчаянии я потянулась за силой земли снова. Низкий гул начался в моем животе и стал подниматься, пока мои волосы не затанцевали на ветру. Ужас зажегся во мне, как костер в ночь мертвецов.

— Не подходи ближе!

Он поднял руки, а затем присел на корточки в двадцати футах от меня.

— Я говорил Найе, что есть только один способ, который тебе поможет.

Дрожа, — боль давала о себе знать весьма неприятно, — я пыталась сохранить завтрак от поднимающейся тошноты.

— О чем ты говоришь?

Он, улыбаясь, вытянул руки.

— Когда кто-то так долго, как ты, заблокирован от своих врожденных сил, требуется ситуация жизни и смерти, чтобы дверь для тебя приоткрылась. Тебе в самом деле нужно было поверить, что я собираюсь тебя убить. Если бы кто-нибудь знакомый попытался это сделать, это бы не сработало. Ты бы им не поверила, не так ли? Но не мне. Ты не знала меня. И все еще не знаешь.

Как раз когда он говорил, сила утекла сквозь пальцы и боль, которую я всегда

ассоциировала с попытками достичь ее, глубоко вонзилась рогами мне в мозг. Я закричала и попыталась схватиться за голову двумя руками, что, конечно, заново травмировало руку.

Запах волка, животный и природный, окружил меня, и твердый сосуд прижался к моим губам.

— Пей, это облегчит боль в твоей руке и ускорит заживление.

Я глотнула жидкость, которая согрела мне рот, а затем обожгла горло. Лекарство из Шахты, если нотка серы была хоть каким-нибудь признаком. Саламандры славились своими лекарскими способностями. Отвлеченно я заинтересовалась, как он достал его. Саламандры не позволяли посторонним проникать в свое жилище. Мы были единственными, кто терпел посторонних так близко. Я оттолкнула флягу подальше.

— Достаточно. Ты пытался убить меня, а теперь пытаешься вылечить?

Он превратился, став прежним, но все еще пригибался к земле.

— Первый раз, когда ты смогла дотянуться до своих способностей, не так ли?

Я подумала о том дне, когда была убита моя семья.

— Нет, но прошло много времени. Очень много времени.

— Тогда добро пожаловать. — Он улыбнулся, и у меня отвисла челюсть. — Это первый шаг назад, Ларк. Будет нелегко, но верь, что это того стоит. Хотя, может тебе нравится быть слабой?

Я покачала головой и сделала глубокий вдох.

— Нет, конечно нет.

Я сжала и разжала правую руку, боль отступала, кости и мышцы срастались.

— Что если бы у меня не получилось достичь своих сил?

Его глаза были темными и бездонными, заставляющими меня дрожать, когда я видела в них нестигаемый дух волка.

— Тогда бы ты умерла. Твоя смерть не была бы потерей, если бы ты была действительно бесполезным элементом.

Мы уставились друг на друга, и правдивость его слов проникла в мое сердце.

— Возможно для тебя это и не потеря. Но что касается меня, я бы предпочла остаться по эту сторону земли.

Засмеявшись, он подал мне руку, и я медленно протянула ему здоровую. Он рывком поднял меня на ноги, заставив резко выдохнуть, так как моя больная рука, даже слегка подзажившая, болталась.

Он прикрыл глаза, пока говорил.

— Пришло время пройти переподготовку, Ларк. Жизнь заставила тебя склониться под ветром, оставив в неестественном состоянии. Если мы не поможем тебе разогнуться сейчас, ты можешь никогда не справиться с ущербом.

— Ты так говоришь, словно есть временной лимит.

Я вцепилась в раненую руку.

— Так и есть.

Я подняла брови.

— И?

— Тебе нужно знать, что времени мало. Тренируйся упорно и приходи ко мне так часто, как сможешь.

— Чтобы ты мог выколачивать из меня дерьмо?

Он засмеялся и приподнял мой подбородок двумя пальцами.

— Нет, чтобы я мог научить тебя тому, чему другие не смогут. Чтобы я смог сделать тебя оружием, которым ты и должна была стать изначально. Эндеры многому могут тебя научить, я научу тебя остальному, и вместе мы исполним твою судьбу. — Он остановился, склонил голову на бок, сделал глоток воздуха, словно пробуя его, перед тем как продолжить. — Тебе лучше повернуть назад. Ты как раз к комендантскому часу дойдешь до казарм.

Все еще качаясь, я не стала с ним спорить или спрашивать, откуда он столько знает про казармы и комендантский час. Ничего из этого не имело значения. Я с трудом вылезла из оврага, и когда достигла верха, оглянулась посмотреть на волка. Он закинул голову и завыл, звук закружился вокруг меня, проникая мне в душу.

«Будь сильной, дитя земли. Смерть висит в воздухе. Ты избежала ее однажды, но она почувствовала вкус твоей крови.»

Я повернулась к нему спиной и медленно направилась к дому. Рука все еще пульсировала, я была избита и в синяках, несмотря на выпитое лекарство. Его предупреждение должно было напугать, но меня тихо наполняло радостное чувство. Я достучалась до своих способностей; я не была бесполезной.

Я потянулась к силе земли, думая, что просто смогу удержать ее снова, что теперь-то я покажу людям, что я лучше.

Я была не права.

Боль вспыхнула за глазами, словно тысяча колющих иголок. У меня вырвался крик, когда я со стоном упала на землю, не способная даже думать о том, чтобы продолжать двигаться.

Сукин сын, волк только сделал все хуже.

Хромая в казарму, далеко за полночь, я не видела Эша, пока он не оказался прямо передо мной.

— Ты опоздала.

Я посмотрела на его и фыркнула.

— И что? Пойдешь пожалуешься? — встреча с Гриффином дала мне много пищи для размышления, поэтому я возвращалась не торопясь. Эш подошел ко мне и замахнулся для удара. Я успела вовремя отпрыгнуть, достала копье, и ударила Эша им. Его глаза расширились, и он упал на землю. Копье отрезало ему локон волос, в то время, как он падал.

Он щелкнул пальцами, и зеленое свечение, которое характеризовало силу земли, окружило его руку. Я отпрыгнула назад, избегая разрастающейся дыры на том месте, где я только что стояла.

— Почему ты ненавидишь меня? — этот вопрос сжигал меня изнутри все время

Он усмехнулся, и я увидела ненависть в его глазах; гнев был настолько сильным, что я знала, мне не показалось.

— Потому-то ты думаешь, что ты выше закона. Что ты лучше, чем остальные из нас, но это не так. Королевская кровь не чистая, она гнилая. Ты напала на нашу королеву, и, вместо того чтобы казнить, тебе дали возможность, за которую остальным из нас пришлось бы бороться. Ты должна быть изгнана, выслана отсюда. Лучше для нас всех, если ты просто исчезнешь.

— Я не нападала на нее, ты был там!

— Лгунья!

Мы кружили друг около друга. Боль будет того стоить, если Эш попытается убить меня. Я должна быть достаточно сильною, чтобы остановить его. Я представила себе огромную дыру под ним, такую, которая будет высасывать его и удерживать его от причинения вреда мне. Отверстие будет так глубоко, что он никогда не вылезет наружу.

Я была права насчет боли, которая была причинена мне. Молния агонии свалила меня в ослепительной вспышке, которая оставила меня задыхаться.

Эш стоял надо мной, его глаза цвета меда были полны презрения.

— Бесполезная. Однажды, ты умрешь.

Я лежала, задыхаясь от боли, и вдруг услышала, как он начал отступать.

— Нет, не бесполезная.

Я собрала последние силы в кулак, и с трудом добралась до своей комнаты. Только добравшись до постели, я быстро вырубилась, забыв расчехлить оружие. Слова Гриффина отзывались эхом в моей голове, пока я спала, и я начала невольно повторять их вслух.

— Лук, я получу его.

Слабое зеленое свечение колебалось под веками, я задремала, и наконец, уснула — глубоко и на этот раз без сновидений.

Все же, как по мне, утро наступило слишком быстро.

Кто — то постучал в мою дверь, и я застонала.

— Уходи.

— Поспеши, тебе следует это увидеть! — Блоссом просунула голову внутрь. — Они вызвали твоего отца, чтобы заделать это.

Это заставило меня сесть. Что увидеть?

— Лучше бы этому того стоить, — проворчала я, вытягивая руки над головой, позвонки хрустели один за другим, а мышцы болели от всего произошедшего накануне.

Я встала, тело лишь слабо запротестовало. Черт, это зелье Гриффина работает лучше, чем я думала.

Я прошла к тренировочной комнате. Или, по крайней мере, к ее краю. Весь пол обвалился, из-за дыры, охватившей края комнаты так, что она едва ли держалась. Карстовая воронка. Мои глаза широко распахнулись, когда я посмотрела вниз, в пещеру. Дна видно не было. Прямо таки та самая дыра, в которую я хотела скинуть Эша. Но это не могла быть я, так ведь?

Гранит, стоявший слева от меня, покачал головой.

— Не многие такого могут добиться.

Он ни разу не посмотрел на меня. Никто этого не сделал. Да и зачем?

Но мой отец, стоящий у входа... его глаза застыли на мне, оценивая. Я не могла встретиться с его взглядом. Дело было в том, что, если это и была я, то я этого не помнила. Беспокойная доля сомнения закружилась внутри меня, слабое воспоминание зеленой вспышки перед моими веками, когда я вырубилась прошлой ночью. Мой отец вознес руки над головой, сила притягивалась к нему.

Не только его руки светились зеленым, воздух вокруг него запульсировал магией, словно он черпал силу из самого сердца, биение его создавало ритм. Свечение увеличивалось, нарастая с каждой проходящей секундой, пока оно не окружило его тело. Я немного выпрямилась. Я даже не смела подумать, что когда-нибудь буду так сильна, как он, но, возможно, совсем скоро он увидит, что я вовсе не была беспомощной и бесполезной.

— Это невероятно, — прошептала я, и Гранит одарил меня острым взглядом.

— Он еще ничего не предпринял.

Я забрала свои слова обратно и просто смотрела, как сияние испустило последнюю вспышку, а земля под нами загрохотала в ответ. Земля вздыбилась и заполнила дыру, словно почва была водой, хлюпая и извергаясь. Я отступила от края, когда пещера медленно исчезла.

— Гранит, я переговорю с тобой. Мы получили известие от восточного фронта, мне, возможно, придется послать...

Слова моего отца ускользнули от меня, когда он повернулся в сторону Гранита. Остальные уставились на новый пол. Даже не смотря на то, что отец заделал дыру, я не очень то верила, что он выдержит нас, если мы встанем на него.

Блоссом подошла и встала рядом со мной, ее непослушные каштановые кудри коснулись моего подбородка.

— Ты когда-нибудь видела нечто подобное?

Я покачала головой.

— Нет, никогда.

Кругом стоял шепот, а размышления продолжались в течение завтрака и вплоть до начала тренировки, на которой Гранит положил конец всяким разговорам.

Он просунул руки в петли на ремне, с гримасой на лице. Он сказал лишь одно слово.

— Песчаники.

Эндеры, работающие с нами, все как один расплылись в улыбке.

— Вовремя, — пробормотал Эш, и я, нахмурившись, посмотрела на него. На его лице

появилась усмешка, которую никоим образом нельзя было назвать приятной.

Если он был счастлив, то это означало, что мы были в полном дерьме.

Руки Эндеров осветились зеленым, цвет распространялся по их рукам, когда они призвали много силы. Больше, чем они когда-либо призывали в моем присутствии. Зеленый потемнел до густого черного мерцания, от чего я уставилась на них, а не на то, чем они занимались. Почему цвет поменялся? Разве он не должен оставаться зеленым, не зависимо от того, что они делали?

Мои мысли рассеялись, поскольку меня поразил удар в спину, прямо между лопаток. При падении на землю я думала, что неплохо было бы иметь в руках копьё. Передо мной возвышался человек, только человеком он не был, это было подобие человека, состоящее из грязи и глины. У него были зубы, словно черепки стекла и скал, а глаза были сделаны из кусков угля. Ноги и руки были толстыми и огромными, и все это существо перемещалось со скоростью хищника.

— Песчаники — превосходные учебные инструменты, вы не можете навредить им, или убить. Они помогут вам отточить навыки, — проговорил новичкам Гранит, и многие застонали, поскольку песчаник двинулся по направлению к ним.

— Вы будете работать с ним в оставшейся половине дня. Мэл, королева хочет увидеть тебя. Иди к ней, а затем приступай к обучению.

Мэл выпрямился, и я покачала головой. Королеве нравилось иметь «своих Эндеров». Тот факт, что она проводила собеседование, уже не должен был меня удивлять. Она часто нанимала их в качестве любовников, по разным причинам. Это была общеизвестная истина.

Блоссом стояла рядом со мной, ожидая дальнейших приказаний. Ее взгляда, тем не менее, было достаточно, чтобы вырвать меня из размышлений. Ее карие глаза следовали за Мэлом до самой двери, боль в них была так очевидна, как если бы она написала это у себя на лбу. Значит, вот, что было между ними.

Я протянула руку и коснулась ее запястья.

— Эй, он ей, вероятно, даже не нравится. Он слишком худой. Ей нравятся такие, как Эш, высокие и толстые. — Я указала на Эндера, стоящего позади нас. Эш совершенно не был толстым, но я хотела успокоить Блоссом. Мне совсем не нравилось видеть боль в ее глазах.

— Ты правда так думаешь?

— Ага, Мэл не из тех, кто нравится королеве.

Эш, чувствуя наши взгляды, повернулся, и начал пристально смотреть на нас. Я помахала ему, говоря достаточно громко, что он не мог пропустить мои слова.

— Он любит королеву. Не так ли, Эш?

Его глаза так сузились, что я невольно задалась вопросом, были ли они вообще открыты.

— Он может и любит королеву, но я не думаю, что ему нравишься ты.

Со стоном я согласилась.

— Ага, это преуменьшение месяца.

Тело, только что исцелившееся от атак Гриффина, все еще болело, но я не могла позволить себе роскошь — взять выходной.

Гранит осмотрел нас.

— Сеятели, готовы?

Мы кивнули.

— Эндеры, готовы?

Эндеры усмехнулись. М-да, это будет грубо.

— Начали!

Я боролась против глыбы, которой, конечно же, управлял Эш. Я хотела уже порадоваться, когда снесла песчанику голову в первый раз, но к горлу подступил крик, так как она выросла опять.

Слева от меня Блоссом задыхалась:

— Ларк, есть другие идеи?

Я вытерла пот со лба. Смешиваясь с грязью, он обжигал мою кожу.

— Понятия не имею.

То, что я по-прежнему размышляла над визитом отца, который оставил меня без какой-либо существенной поддержки, ничуть не помогало. Конечно, он приходил, чтобы заделать дыру, не важно, я ли ее проделала или нет. Но что это было на счет восточного фронта? Не об этом ли упоминали рейнджеры, говоря, что леса погибают? Что-то происходило, неужели целитель не смог остановить болезнь?

При наступлении вечера Эндеры заставили исчезнуть песчаников, как будто их никогда и не было.

Гранит проверил каждого из нас, а затем ушел в свою комнату.

Новости о восточном фронте и очевидное беспокойство отца не оставляли меня в покое. У меня больше не было связи с Коулом, чтобы узнать у него последние сплетни, и это значило, что я должна узнать все непосредственно от источника.

Гранит знал, что произошло, и я думала, — нет, даже надеялась — что он расскажет мне, если я спрошу. Возможно, я ничем не могла помочь, но не хотела оставаться в неведении. Мне было ненавистно чувство, что знают все, кроме меня. Особенно сейчас.

Я постучала в дверь, чувствуя, как кровоточат раны и болят ушибленные места.

— Войдите, — крикнул он.

Дверь беззвучно открылась.

— Гранит, у меня есть вопрос.

— Ларк, у меня нет времени для вопросов. — Я проигнорировала его и прошла вперед, остановившись у сильно потертого деревянного стола.

— Что случилось на восточном фронте?

Он поднял глаза от бумаг перед ним, полностью исписанных. Я увидела слова «болезнь» и «смерть». Больше беспокойства вызвало «распространяется слишком быстро», это я увидела прежде, чем он успел спрятать бумаги в ящик стола. Я напряглась, чтобы увидеть больше, но только мельком заметила пачку зеленых человеческих денег, используемых Эндерами, когда они бывают в человеческом мире.

— Тебе не следует об этом беспокоиться. Твоя работа состоит в том, чтобы учиться, и учиться хорошо.

— Но...

Он быстро встал, и я приготовилась, отступая одной ногой назад, принимая более устойчивое положение, и если бы он решил нанести мне удар, я бы смогла его отразить. Его лицо на мгновение осветила улыбка.

— Ты растешь. Но еще недостаточно хороша, чтобы иметь с этим дело. Иди отдыхать и поешь.

Я вышла из комнаты расстроенная. Я не была ребенком, но меня все же воспринимали как малое дитя.

— Черт подери!

Я ударила на ходу по стене, что только вызвало противное покалывание в ладони.

Моя собственная комната была в самом дальнем конце казарм, и я внезапно не смогла выдержать мысль о том, чтобы быть там. Но куда еще я могла пойти?

Правда была в том, что никуда. Это был мой дом; это было место, где я должна была оставаться. Не было никакой возможности побега, никакого возвращения к обязанностям Сеятеля, или — я фыркнула — жизни в Спирали. Казармы были моим домом.

Я проскользнула в свою комнату, закрыв за собой дверь, и прислонилась к ней спиной.

Я осмотрела небольшое пространство, часто моргая, и задалась вопросом, где были мои вещи.

— Черт.

Моя комната была чиста и опрятна, с заправленной кроватью и сложенной одеждой. Хотя я оставила ее в беспорядке. Как будто кто — то внезапно решил, что моей комнате срочно нужна уборка. На кровати лежал какой-то конверт.

Я взяла его, покрутив пару раз прежде, чем вскрыть.

«Встреть меня в своем доме как можно скорее. Я буду ждать.»

Ферн.

Я перевернула бумагу и поднесла ее к носу, чувствуя запах. Был намек на цитрусовые, которые приятно пахли. Кассава ненавидела запах цитрусовых, таким образом, я была вполне уверена, что это была не она. Почти уверена. Хорошо, я знала, что это могла быть своего рода ловушка. Но что, если это была Ферн? Возможно, у нее было сообщение от моего отца. Или, возможно, она могла рассказать мне, что происходило на восточном фронте. Этого было достаточно, чтобы пойти.

Я спрятала конверт в мой жилет. Какого хрена Ферн было от меня нужно? Мы не были такими уж друзьями, она относилась ко мне так, будто сама была принцессой, а я скромным цветком, все годы нашего знакомства, не смотря на то, что это ее семья работала на полях, а моя в Спирали.

Мир был устроен странным образом, посылая меня на поля, а ее в руки короля.

Вне казарм несколько человек шли по главной дороге. Большинство людей были у себя дома с домашней едой, отдыхая после тяжелого дня. Те, кого я встретила по пути домой, были похожи на меня. Одиночки.

И все же взглядом со мной никто не встречался. Я высоко подняла подбородок и шагала вдоль главной улицы, ноги сокращали расстояние до моей квартиры в самом конце Рима. У подножья моего дерева, я взглянула на балкон и окно своей комнаты. Резкое движение, шторы всколыхнули потоки воздуха, исходящие от человека, скрывавшегося за ними, бледная, худая рука коснулась кончика материи. Я обошла дерево, проверяя периметр в поисках охраны. Сюрпризов не оказалось.

Похоже, Ферн не шутила.

Я поднялась наверх и скользнула в дверной проем. Она не зажгла свечей, тусклое свечение садящегося солнца было единственным освещением. Она села на кровать, скрестив руки, протирая глаза время от времени. Каждые несколько минут она вставала, подходила к окну и внимательно изучала улицу. И как она не заметила моего прихода?

Не двигаясь, я оставалась в тени.

— Ферн, что с тобой?

Она посмотрела в окно.

— Лакспер, это правда ты?

— Да, я получила твое письмо.

С такой скоростью, что я попятилась назад, она подбежала ко мне и обняла, прижимая к себе. Окажись на месте Ферн кто-то другой, я бы уже потянулась к своему копыю. Она же была просто душкой.

Рыдания сотрясали ее тело.

— О, Ларк, ты должна помочь мне. Твой отец сказал, что я должна приехать к тебе.

Я оторвала ее от себя и помогла усесться в свое любимое кресло. Мягкая кожа, казалось, укачивала туда сюда, как в колыбели. Ферн вжалась в него, и я укрыла ее дрожащие плечи мягким одеялом, несмотря на то, что ночи все еще были теплыми, и осень не вступила в свои права полностью.

— Ты нуждаешься в моей помощи? — И какого черта мой отец послал свою любовницу ко мне за помощью? Разумеется, второй вопрос я не стала задавать.

Вздохнув, она сжала свои руки на коленях.

— Кто — то пытается убить меня.

Мои брови взлетели вверх. Мне не нужно было угадывать, кого она имела ввиду.

— Кассава.

— Как ты узнала?

Я фыркнула.

— Ты это серьезно? Ты — любовница моего отца, и в то время как все мы знаем, что это допустимо, и даже поощряется в других семьях, Кассава так не считает.

Ферн покачала головой. Это движение заставило танцевать ее каштановые завитки волос на плотно затянутой в корсет груди.

— Нет, она так не считает. Но есть то, что я не сказала твоему отцу. Я... боюсь.

Волна тошноты подошла к моему горлу из — за того, что я думала о том, что она может сказать.

— Выкладывай, что там у тебя.

Она сглотнула.

— Можно сначала попить?

Закатив глаза, я прошла в кухню и налила ей чашку вина, зная, что она любила вино из яблока.

— Вино подойдет?

— Нет. Лучше простой воды.

Я поднесла стакан вина к губам и быстро выпила его до дна. Яблочное вино было сладким, и мне была нужна сила духа. Я ополоснула чашку, наполнила водой и отнесла ее Ферн.

— Ты сама мне расскажешь, или мне это сделать? — Если она не пила вино, то я могла думать только об одной возможной причине.

Слезы хлынули из ее глаз.

— Я так боюсь, Ларк. Она сказала мне ужасные вещи, угрожала мне, она угрожала, — Ферн показала рукой на живот. — она сказала, что это будет не первый раз, когда она убила конкурентку или внебрачного ребенка. — Ее глаза встретились с моими, и мы поняли, что она имела ввиду.

Меня затошнило, и я изо всех сил постаралась спокойно произнести:

— Она призналась?

Ферн покачала головой.

— Нет, она просто сказала, что не допустит, чтобы новая шлюха попыталась занять ее место снова. То, что ублюдкам, вроде нас, нет места в королевской семье.

Это было доказательством, в котором нуждалась я против Кассавы, но даже я понимала, что просто слов Кассавы против Ферн было недостаточно. Никто бы не начал сомневаться в королеве, Ферн бы не поверили.

Я расхаживала по комнате, размышляя. Я ни в коем случае не могла оставить Ферн защищаться в одиночестве. Насколько я знала, ее связь с силой земли была лишь среднего уровня. Она прошла тестирование, чтобы стать элементом четвертого уровня, но только и всего. Ей никогда не удастся увеличить свою силу. А это означало, что она ни за что не сможет дать отпор Кассаве, которая, как и мой отец, была Элементом первого уровня. Они умело владели любой формой земли и силами, хранящимися в ней: силой гор и почвы, растений и деревьев, способностью управлять любым животным, связываться с Богиней Матерью и трансформироваться. Я посмотрела по сторонам, неожиданно задавшись вопросом, какую форму могла принимать Кассава. Она могла подслушивать даже сейчас.

Мое сердце сжалось, и я схватила руку Ферн.

— Думаю, сейчас самое время уйти.

— Ты можешь помочь мне? Ты ведь сможешь помочь?

Я подумала о Гриффине, но отклонила эту идею, пока помогала Ферн спуститься. Я не знала, насколько Гриффин способен позаботиться о ребенке, моем новом брате. Моя мама в течение нескольких лет незамеченной жила в человеческом мире, пока не приехала в лес. Это был единственный шанс для Ферн.

— Встреть меня на западной границе. Теперь иди и не возвращайся к себе. Я догоню тебя по пути.

Ее глаза были огромны, как два гигантских блюдца.

— Спасибо, Ларк. Спасибо, я не забуду этого. Никогда не забуду.

Я отправила ее на запад, а сама побежала в обратном направлении.

— Пока не стоит благодарить меня.

Красться из казармы, чтобы никто не заметил, было интереснейшим занятием. Все были еще в столовых, судя по голосам, доносившимся оттуда. Я должна была действовать быстро. Оставалось мало времени до того, как все начали бы расходиться по своим комнатам.

Я пошла в свою комнату и взяла немного человеческой одежды. Джинсы, футболки и кроссовки кинула в сумку, вместе с двумя маленькими кинжалами. Хитростью было следующее.

Идя вдоль прихожей, я остановилась около комнаты Гранита и мягко постучала. Никакого ответа. Тяжело согнувшись, я проскользнула в его комнату, радуясь, что горела одна единственная свеча, стоявшая на его столе. Пламя замерцало, разбрасывая тени, которые затанцевали вокруг меня, в то время, когда я подошла.

Я открыла нижний ящик его стола и схватила пачку человеческих денег, которые они используют для торговли. Я осмотрела их. На каждой из них было написано сто, и я отсчитала сорок таких бумажек. Я могла только надеяться, что этого будет достаточно для Ферн, и недостаточно для того, чтобы Гранит мог заметить, что некоторые купюры пропали.

Рядом с деньгами лежали бумаги, которые он спрятал от меня сегодня днем.

«Назвался груздем — полезай в кузов», прошептала я себе и взяла первый лист.

«Отчет для короля Базилевса.

С восточного фронта.

Деревья умирают.

Кажется, что болезнь быстро распространяется, и по всем расчетам была умышленно запущена и поощряется к распространению. Люди, с которыми мы работаем, делают все возможное, чтобы помочь остановить поток легочных червей, или криптококков, как они их называют, но распространение не замедляется. Кажется, к личинкам применили магическое вмешательство, постоянно дует ветер. Мы пошлем делегацию в ближайшее Гнездо и к нашим кузенам сильфам за помощью.

Искренне,

Рейнджер Фе.»

Я вернула бумагу обратно в ящик. Легочные черви, принесенные ветром. Неудивительно, что Гранит был так расстроен. В прошлый раз, когда они появились, мы легко потеряли более половины нашей семьи. Я остановилась на единственном факте. Моя семья была убита легочными червями, но как мне известно, это не так, и возможно ли, что никакой болезни не было и в помине? Что, если что-то еще убило наших людей, но было скрыто под предлогом легочных червей? Мое сердце сжалось, и я знала, что это было вполне возможно.

На многие вопросы у меня не было ответа, но чем дольше я оставалась в комнате Гранита, тем больше становился риск быть пойманной.

Тихо открывая дверь, я облегченно вздохнула, никого не увидев в прихожей. Никто не поджидал меня. Я торопливо вышла, борясь со склонностью побежать.

— Эй, где ты была?

Я резко обернулась и увидела Мэла, подходящего сзади. Он широко улыбнулся, и его руки осветились зеленым сиянием. Я напряглась, пока он не изогнул руку и не подарил мне

розу.

— Решил, что тебе понравится.

Я несколько раз моргнула, уставившись на него, замечая, что на свету белки его глаз были забавного розового оттенка. Может, ему плохо.

— Что с тобой такое?

Он пожал плечами и одарил меня неким подобием скромной улыбки.

— Ты флиртуешь со мной?

Его усмешка стала еще более ехидной.

— А что, если да? Ты сделаешь с этим что-нибудь? Я слышал, что вы с Коулом расстались, и я подумал, что мог бы заменить его.

Смех вырвался из меня.

— Только если бы ты остался последним элементом на планете, Мэл. Seriously, тебе нужно поговорить с Блоссом, она расстроена.

Он нахмурился, и я уловила момент, чтобы повернуться к нему спиной и побежать к выходу из казарм. Что, черт возьми, нашло на него? Похоже, собеседование с королевой вселило в него уверенность. И откуда он узнал, что я и Коул больше не вместе? Не припомню, чтобы я всем объявляла о своем жизненном статусе. Коул, должно быть, растрепал, а если знал Мэл, то все уж точно были в курсе.

Чертов Коул со своими грязными сплетнями.

Я побежала через лес, несколько раз оборачиваясь, чтобы убедиться, что меня не преследовали. На всякий случай. Я нашла Ферн ближе к западному краю, чем ожидалось. Она ловила ртом воздух, сидя на своих тяжелых юбках.

— Ферн.

Она подскочила и обернулась, прижимая руку к сердцу.

— Лакспер, ты напугала меня.

Я встала около нее и сняла рюкзак с плеч.

— Подвинься, мы должны изменить тебя.

Вытаскивание ее из одежды было занятием трудоемким. Корсеты и юбки были не самой удобной одеждой. Джинсы и рубашка, которые я принесла, хорошо подошли ей. Я подвернула манжеты джинс, а затем использовала полоску кожи как пояс. Ферн сомнительно смотрела на одежду.

— Ты уверена, что все это необходимо?

— Конечно, ты должна вписаться в человеческую среду на некоторое время.

Она моргнула.

— Вписаться? Я думала, ты поможешь мне скрыться.

Со вздохом я отбросила ее платье назад. Ферн пискнула, и попыталась поймать его, но не смогла.

— Ферн, ты не можешь оставаться здесь. Мы должны вытащить тебя из леса, если мы собираемся обеспечить безопасность тебе — я показала на живот — и ему.

— Я понимаю, но куда мы направляемся?

Я, молча, взяла ее за руку. Не стоит ей ничего рассказывать. Насколько я помнила Ферн, она могла закатить истерику из-за «ничего». Мне хотелось верить, что она изменилась, но я сомневалась.

Мы шли молча, пока не достигли места назначения.

Человеческое шоссе, переплетающееся между береговой линией, граничило с западной

границей. Именно сюда водил меня Гранит. Я пришла в замешательство при виде проезжающих автомобилей и грузовиков, которые пронеслись вдоль странной, черной, плоской земли, усеянной бело-желтой краской.

Ферн ухватила своей липкой рукой за меня.

— Ты же не серьезно, да?

Я повернулась к ней и слегка встряхнула.

— Ферн, Кассава думает, что ты слишком слаба, чтобы выжить. Она не будет искать тебя в человеческом мире, поэтому это твой единственный шанс. Прямо сейчас Лес очень опасен для тебя, и ты прекрасно знаешь это.

Ее спина напряглась, и она уверенно кивнула.

— Ты права. Я должна быть сильной. Ты вернешься за мной, когда все будет безопасно?

Черт, было похоже, что Ферн намекала на что-то. А затем ее слова поразили меня. Она ожидала, что я решу все проблемы с Кассавой.

— Я приложу все усилия, но, вероятно, у моего отца это получится лучше. Он должен разобраться со своей сумасшедшей женой.

Ферн улыбнулась и крепко обняла меня.

— Ты будешь лучшей падчерицей в мире.

— Оу, нам нужно идти. — Я бы отпихнула ее, если бы она не была в особом положении.

Теперь нужно было действовать хитро. Мы изучали человеческий мир и знали, что их технологии существенно отличались от наших. Знание того, как иметь дело с людьми, было лишь теорией. Теперь придется применить его на практике.

— Ты была когда-нибудь вне Леса? — спросила Ферн.

Я покачала головой.

— Нет, а ты?

Она покачала головой.

— Я помню школьные книги о людях, но я никогда не хотела покидать Лес. Стыдно признаться, но я даже не интересовалась этим.

И я не интересовалась. Я глубоко вдохнула и начала медленно выдыхать. Это не было похожем на то, как Эндеры путешествовали во время Охоты.

— Я думаю, мы можем попробовать что — то типа «пешего туризма». — Взявшись за руки, мы направились к черной земле. Там было абсолютно темно, только транспортные средства светились гигантскими пылающими шарами, как глаза сов, которые нацеливались прямо на нас. Каждый раз, когда проезжал автомобиль, Ферн сжимала мою руку.

Настоящей проблемой было то, что я понятия не имела, как сделать так, чтобы один из автомобилей, которые перевозят людей, остановился.

— Как ты думаешь, покрашенные линии в середине важны? Может быть нам нужно встать на них? — Спросила Ферн, указав на середину дороги.

Я пожалала плечами, так ничего и не вспомнив из уроков об истории человечества.

— Стоит попробовать.

Наблюдая за тем, как машины проносятся мимо нас, я подождала, пока большие светящиеся шары не перестали вылетать нам на встречу, затем повела Ферн к середине, где были линии.

— Когда какая-нибудь машина будет подъезжать, маши ей, — сообщила я, вспоминая, как на пешем туризме нас обучали привлекать внимание водителей машин.

Первая пара светил выскочила из-за поворота на дороге, и в моей груди отразился гул.

— Ларк, она намного больше предыдущих.

Я стиснула зубы. «Больше» было преуменьшением. Она была в десять раз огромнее других и вся светилась. Словно небольшая гора огня, она с грохотом приближалась к нам. Но люди занимались «пешим туризмом» все время, навряд ли это опасно. Ферн вскрикнула и вцепилась в меня, когда фонари осветили нас, полностью ослепляя.

— Стой! — завопила я, догадываясь, что она сделала, потому что транспортное средство издало пронзительный рев, чем — то похожий на кряканье гуся. Если только гусь мог быть размером со слона. Визг металла, гудение гуся, ослепляющие огни — автомобили врезались в друг друга. А мы просто стояли и махали руками, поскольку мир вокруг нас сошел с ума. Я задержала дыхание, надеясь, что не совершила роковую ошибку и не угробила нас обеих.

Тишина была причиной открыть глаза, хотя руками я продолжала зажимать уши. Огромное транспортное средство было в дюймах от наших лиц, а все остальные автомобили останавливались вокруг нас. Люди, выходящие из них, спешили к водителю огромной машины, чтобы помочь ему.

Я потянула Ферн к краю дороги, кивая.

— Что ж, хорошая работа.

Она подняла на меня глаза.

— И что теперь?

Я бегло осмотрела всех людей, которые остановились, и решила подойти к тем, у которых на машине были нарисованы цветы. Это показалось мне добрым предзнаменованием.

— Идем к ним, — я потянула Ферн через растущую толпу.

Увидев нас, люди в машине опустили окна. Клубы дыма вырвались наружу, и я узнала этот запах. Я поморщилась. — Они курят травку, Ферн.

Она пожала плечом, выглянувшем из рубашки.

— Это хорошо, мой дядя выращивает ее для целителей.

— Эй, крошки, — выглянул из окна автомобиля парень с зажженной сигаретой, свисающей с губ, — вас подвезти?

— Да, вы сможете подвезти мою подругу в ближайший отсюда город?

Ферн ухватилась за меня.

— Ты не поедешь со мной?

— Мне нужно возвращаться, тебя будут разыскивать, и, если они узнают, что я помогла тебе, мы обе пропали, — орала я. Человек покачивал головой.

— Да без проблем. Мы возьмем ее до Эврика.

Я пихнула свою сумку в руки Ферн и понизила голос, чтобы только она могла меня услышать.

— Тут человеческие деньги. Не показывай их никому. Найди себе домик в пригороде, поближе к природе. Денег должно хватить на несколько недель вперед. Если все займет больше времени, чем я рассчитываю, то я приеду и заберу тебя. — Я не знала, как, черт возьми, я справлюсь со всем этим, но страха в глазах Ферн было достаточно, чтобы заставить меня пообещать ей хоть что-то.

— Как ты найдешь меня? — спросила она, садясь в квадратный автомобиль.

Я улыбнулась.

— Я — Эндер. Это наша работа.

Она улыбнулась мне в ответ.

— Будь осторожна, Ларк, пожалуйста, будь осторожна.

Послышались звуки сирен, напоминающих отдаленное торнадо, а с ними загорелись огни синего и красного цвета.

— Хорошо. Береги себя, Ферн.

Автомобиль завелся, и я увидела, как глаза Ферн расширились, когда они начали уезжать с обочины. Я отправилась в лес, оставляя позади себя человеческую дорогу.

Теперь мне нужно было выяснить, как охранять Ферн и доказать, что Кассава была сукой-убийцей.

Да без проблем, как сказал человек.

Ну, конечно.

Исчезновения Ферн практически никто не заметил. Большинство людей считало, что она позорно сбежала, когда мой отец отказался жениться на ней — слух, который, казалось, играл в нашу пользу. Я как-то мимоходом упомянула о нем одному из стражей Границы: все они были такими же сплетниками, как и Коул.

Насколько мне было известно, Гранит так и не заметил пропавшие купюры. Конечно, зачем кому-то красть человеческие деньги? Здесь мы ничего не могли сделать с ними, разве что развести огонь, да толку от этого — ноль.

Спустя три дня после «побега» Ферн, настала моя очередь сражаться с Гранитом, один на один, без свидетелей. Он использовал свою связь с землей, а мне приходилось пытаться использовать только свое оружие. Можно подумать, у меня был выбор. Я по-прежнему не могла дотянуться до того кружащегося зеленого шара, который было так просто увидеть с закрытыми глазами. Но нет же, боль пронзала меня каждый раз, и, о да, я предприняла достаточно попыток, чтобы узнать об этом больше.

Положительная сторона отсутствия моих сил заключалась в том, что чем дальше я рассматривала сигнальный знак, оставляемый Гранитом на земле, тем легче мне становилось не только замечать, но и предсказывать, что он собирался сделать. Например, когда зеленое свечение усиливалось, я знала, что он собирается устроить землетрясение, а когда оно светлело и вращалось, кругом быстро вздымались горы. Таким образом, в то время как я не могла дать ему отпор, я безошибочно предугадывала его действия и уклонялась от любых приготовленных мне неприятностей.

— Черт возьми, как ты это делаешь? — проворчал Гранит, вытирая пятнышко крови в месте, куда попал камень, который я поймала древком копья и послала обратно, как в бейсболе.

— Это будет мой маленький секрет, — улыбнулась я и протянула ему руку. Он лишь отмахнулся.

— Я не настолько слаб, чтобы быть не в состоянии самостоятельно встать. — Но встав, он начал шататься, и я положила его руку себе на плечо.

— Ты уверен в этом?

— Ха, посмотрим какой стойкой ты будешь, когда получишь камнем по черепушке.

Улыбнувшись, я сморщила нос.

— Черепушке?

Он махнул рукой.

— Иди, поешь чего-нибудь. Встретимся через час.

Ловко вращая своим копьем, я сложила его пополам, оставляя его половины свободно свисать по бокам, острием вниз. Копье висело так, будто было частью моего тела, никогда не мешая мне на пути, во время передвижений или борьбы, и всегда под рукой в нужный момент. Я сжала две половины пальцами, гадая, как часто моей матери приходилось работать с оружием. Ее копье оставалось в моей комнате, выжидая времени, когда я стану достаточно опытной, чтобы использовать его.

Гранит будто прочитал мои мысли.

— Она не была так хороша, как ты. Она никому не хотела причинять боль, постоянно колеблясь; это и сделало ее уязвимой.

Его глаза встретились с моими, и мне показалось, что он хотел еще что-то добавить. Возможно, теперь он знал больше, чем во время нашего последнего разговора о маме. Напряжение между нами возрастало: вопросы, оставшиеся без ответа, страхи, скрытые во тьме на грани просветления.

Я открыла рот, чтобы спросить его, нет, потребовать его рассказать мне все, что он знает.

— Гранит, моя мама...

В комнату вбежали три Эндера, неся на руках еще одного. Он был бледен, но я узнала Оукли.

— Что случилось?! — рявкнул Гранит, подбегая к ним.

Оукли разразился кашлем, и из его рта полилась струйка крови.

— Он с восточного фронта.

Как будто это что-то могло объяснить. Эндеры пристально посмотрели на меня. Видимо, я не должна была знать, что случилось с Оукли.

Я побежала помочь им, но Гранит движением руки остановил меня.

— Не подходи ближе, Ларк. — Его лицо становилось практически такого же цвета, что и у Оукли.

— Что случилось?

— Легочные черви.

Я затаила дыхание от изумления.

— Что?

Гранит послал долгий взгляд в мою сторону.

— Ты и так видишь слишком много. Но да, весь восточный фронт переполнен ими. Они направляются к нам, и будут тут скоро, через день, максимум два.

Они подхватили Оукли и понесли его к целителю, оставив меня посередине учебной комнаты. Мой отец отправился на восточный фронт.

Холодок паники вился вокруг меня. Если с ним что-то произойдет, то править станет Кассава, и уже ничто не сможет ее остановить.

Никакая другая мысль уже не билась в мозгу, и я бросилась к выходу, направляясь к Спирали. Двери были заперты на засов. Снэп — один из личных Эндеров королевы, охранял их.

— Тебе не позволено входить, Кукушка.

— Заткнись, Снэпдреген, — рявкнула я. Его глаза удивленно расширились. Я подошла ближе.

— Мой отец вернулся?

Он попытался оттолкнуть меня, но я твердо стояла на своем. Усмешка скользнула по его губам.

— Я не обязан тебе что-то говорить.

Я хотела схватить его и трясти до тех пор, пока он мне все не расскажет. Я отступила на несколько шагов и впиалась в него взглядом, продолжая думать, что же делать дальше. Мой отец был силен, но даже он не мог устоять против болезни. Я щелкнула пальцами и метнулась на север, побежав в лес. Коул точно знает, он всегда знал все слухи прежде, чем они достигнут центра.

Северная граница Края всегда была спокойной из-за гор, возвышающихся впереди. Я нашла Коула спящим, прикрывающим глаза рукой.

— Страж Границы, — заорала я на него, используя официальное обращение. Он подскочил с затуманенными глазами.

— Черт, Ларк. Ты напугала меня до смерти!

Он улыбнулся, но улыбка исчезла, когда он посмотрел на меня.

— Что случилось?

Задыхаясь от охватившего меня страха больше, чем от бега, я наконец выдавила:

— Ты не знаешь, вернулся ли отец с восточного фронта?

Коул покачал головой.

— Нет, он до сих пор там. Последняя смена охраны пришла с новостями: на восточной границе все еще проблемы с умирающими деревьями.

Закрыв глаза, я глубоко вдохнула и попыталась успокоиться. Кто еще мог мне помочь?

— Будь осторожен, Коул, — я повернулась к нему спиной, — пообещай мне это. Это не просто болезнь. Это — легочные черви.

— Эй, разве ты не собираешься остаться и составить мне компанию?

Я решила взглянуть на него и увидела, как он манит меня с жарко горящими глазами. Ответный прилив желания зажегся во мне, заставив дрожать от беспокойства. Последним о чем я думала, был секс, так откуда взялось это желание?

Я заставила себя подойти к нему поближе, чтобы проверить свою теорию: шок сменился желанием, хмельное гудение в крови усилилось. Он двинулся ко мне, и я покачнулась, с трудом удерживаясь, чтобы не касаться его.

— Коул, что-то не так.

Его зеленые глаза, в них был тот же розовый отблеск, который я видела в глазах Мэла, когда тот приставал ко мне.

— Еще ничто не казалось мне таким правильным, — прошептал он, поймав мою руку своей, и затем, когда его губы прижались к моим, странный туман захватил меня. Комфорт его любви, знакомое ощущение его прикосновений, запах его кожи — все это засосало меня. Мы стояли там, укутанные в это ощущение, казалось, на протяжении часов, не делая ничего, только касаясь, держа друг друга в объятьях и целуясь. Никакого секса, только жаркие объятия.

Словно мы были во власти каких-то чар.

Я отшатнулась назад, свет вокруг достаточно изменился, чтобы легко понять, как много часов прошло. Желудок громко заурчал, и я положила на него ладонь. Я была голодна и ужасно хотела пить. Нагнувшись, я схватила запас еды и воды Коула. Еда прогоркла, на ней появилась плесень. Вода, хоть и стала несвежей, была чистой и прозрачной, и я выпила ее, чему пересохшие рот и горло были благодарны.

Часы, которые я провела с ним, были не часами, а днями.

— Дерьмо на палочке, — пробормотала я и посмотрела на Коула, словно пыталась уличить его в использовании способностей. То слабое розовое свечение окутывало белки его глаз. Я бы никогда не увидела его, если бы рассвет не был так близко. Я отступила назад, с легкостью уклоняясь теперь, когда я понимала, что происходит. Дни — дни были потеряны здесь впустую.

Хмурясь, я продолжала отступать.

— Ларк, пожалуйста, не уходи.

Это меня доконало.

— Ты никогда не просил меня остаться с тобой, Коул. Ни разу за все время, что мы

были вместе.

Он слегка наклонил голову, и розовый оттенок исчез из его глаз.

— Что? Я и не просил, чтобы ты осталась.

Беспокойство начало разгораться внизу живота.

— Нет, конечно же, нет, — сказала я и отвернулась от него. Я приложила руку к голове; уж не схожу ли я с ума? Видеть горящие розовым глаза, чувствовать то, что я не должна чувствовать, слышать слова, которые Коул никогда бы не произнес...

Я поплелась обратно в казарму. Мое тело было истощено и неспособно на большее, чем вяло шагать. Я скользнула в казарму через заднюю дверь. Никто не ждал меня, никто не спросил, где я была.

Холодный порыв воздуха поднялся вверх и закружился вокруг моих ног. Он принес с собой слабый запах трав и кислый — болезни. Я последовала за ним в комнату целителей. Я только однажды была там, в самом начале тренировок, чтобы убедиться, что с моим здоровьем все в порядке.

Тогда комната была большой и просторной, мансардные окна пропускали большое количество естественного света. Все кровати были пустыми, комната редко использовалась. Бутылки и горшки с травами и целебными мазями, парочка целебных средств из Шахты тогда были расставлены вдоль стен. Все было в порядке.

Но сейчас на каждой кровати лежали Эндеры, а новобранцев клали на пол. Горшки и травы были разбросаны, кровь была размазана на простынях, а черви извивались, проделывая свои смертельные тропы в телах.

Целитель Орхидея, увидев меня, побежала в мою сторону.

— Если вы не больны, то скорее уходите отсюда. Эндер Эш единственный, у кого не обнаружены симптомы болезни.

Я сжала ее руки.

— Действительно ли мой отец болен? А Рейвен?

Сожаление в ее глазах было красноречивее любых слов.

— Да. Больны все, кроме королевы и Эша. И теперь вас.

Меня охватил озноб, быстро сменившийся жаром.

— И почему я не удивлена?

Хриплый кашель заставил меня отвести взгляд к левой стене. Гранит сидел на кровати, но едва держался. Его плечи были опущены вперед, словно он не в силах больше высоко держать голову. Я сделала движение, чтобы подойти к нему, но он поднял руку, останавливая меня.

— Не подходи ближе. Со мной все будет в порядке. Отправляйся к Эшу. Скажи, что я приказал тебе пойти с ним.

Он протянул листок бумаги целителю, когда новый приступ кашля вырвался из груди и сотряс все тело. Болезненная судорога прошла по его лицу. С осторожностью я шагнула вперед и взяла бумагу у целителя, затем быстро отступила назад, оставив максимально возможное пространство между собой и болезнью.

Я посмотрела на соседнюю с ним кровать, там лежал Оукли и едва дышал. Легочные черви были там, прямо под его кожей, размножались, и их споры выкашливались в воздух, готовые зарыться в другую пару легких.

Я кивнула и попятилась к двери, задаваясь вопросом, не вдохнула ли я червей за это время. Я сжала губы и задержала дыхание, когда бежала назад тем же путем, что и пришла,

только раз глотнув воздуха, когда была в конце коридора. Ноги дрожали, как напоминание о том, что я была поймана в ловушку какого-то заклинания без еды и воды на три дня. У меня даже не было времени остановиться поесть и отдохнуть — ни у кого из нас его не было.

Моя рука сжалась, и бумага напоминающе хрустнула. Я открыла ее, пальцы напряглись, пока я читала написанное.

«Направляйся в Шахту. Целители помогут тебе. И опасайся Эша. Кассава владеет им.»

Кассава владеет Эшем? Червивое дерьмо, тогда я была права насчет этого. И это объясняло, почему он меня так ненавидит. Мне нужно его найти, и чем быстрее, тем лучше. Я двинулась к подвалу казарм, держась рукой за стену для равновесия. Было только одно место, где он мог быть, если собирался отправиться за помощью.

Комната Путешествий.

Об этом месте я знала только то, что нам рассказывали во время обучения, и еще ни разу не видела его. Потребовались объединенные усилия всех четырех семей, чтобы создать такой мощный инструмент, с помощью которого можно перемещаться по миру и получить доступ к другим семьям, не имея необходимости иметь дело с отвратительными, громкими и грязными человеческими транспортными средствами. Лестница, которая вела в подвал казарм, была освещена светом факела. Признак того, что Эш находится в Комнате Путешествий. Я начала быстро спускаться, и, споткнувшись на последних ступеньках, врезалась в дверной проем.

Эш действительно был там, выкладывая что-то из сундука посреди комнаты. Он, конечно же, был одет в амуницию Эндеров. Но поверх нее он накинул длинный плащ, который переливался коричневым и зеленым. Материал струился на пол толстыми складками и был слишком тяжел для летнего периода. Меня не оставлял вопрос, для чего он ему? Но я промолчала, зная, что мне нужно убедить его взять меня с собой. Не хотелось тратить дыхание на такие глупые вопросы как «Почему на тебе зимний плащ?»

Мне никогда не приходилось заходить так далеко, и я, не отрываясь, рассматривала все вокруг. Комната представляла собой имитацию всей Земли. Я вошла в нее, и у меня отвисла челюсть. Пол, стены и потолок были изогнуты так, словно мы смотрели изнутри глобуса. Я сделала еще шаг, и плеск заставил меня покачать головой. Я подняла ногу, и соленая вода закапала с моего ботинка. Я стояла посреди Индийского океана.

Чувство благоговения заставляло меня двигаться, не в силах насмотреться. Естественно, это продлилось недолго.

— Что ты здесь делаешь? — Эш схватил меня за руку и начал отпихивать назад. Я уперлась каблуками в пол, и вода начала заливать мне в ботинки.

— Гранит послал меня помочь тебе, — я пристально посмотрела на него, заставив себя смотреть ему в глаза.

Его челюсть дернулась.

— Ты ничем не сможешь помочь. И даже если бы смогла, мне бы этого не хотелось. Ты будешь просто путаться под ногами, Сеятель, и в конце концов погибнешь.

Я заметила повязку чуть ниже его плеча. Гладкая, из кедра, она сияла на его коже, с гравировкой нашего народа. Основой ее было дерево, от корней до кончиков оно завивалось вокруг повязки, секвойя с крошечными, широко расставленными иголками. С серединой, окутанной туманом, каплями воды, кропотливо вырезанными с точными деталями, и огнем, жарко горящим между вершиной и корнями. Это был шедевр в миниатюре.

Символ для каждой из семей.

Повязка, которую надевали во время путешествий между домами четырех семей. Вот и все, что мне было известно.

Я вцепилась в нее рукой.

— Если идешь ты, значит, иду и я. Возражения не принимаются.

Он попытался отцепить мою руку, но я только сильнее ее сжала.

— Я не буду стоять здесь и ничего не делать, в то время как мой отец и родные братья на грани жизни и смерти. Я иду с тобой.

Застонав, он схватился за голову свободной рукой.

— Ладно. Но Шахта не место для слабонервных.

Предупреждение Гранита присматривать за Эшем никак не выходило у меня из головы.

— Расскажи мне, как это работает. Я должна знать в случае, если мы разойдемся.

Его челюсть дернулась.

— Повязка проста. Надень ее, поворот против часовой стрелки вернет тебя сюда. Поворот вперед отправит тебя в последнее место, где ее использовали. Для путешествия в новое место, ты должна находиться в комнате Путешествий и выбрать точку, вот и все.

Его глаза скользнули в сундук, откуда он достал повязку.

— Что такое?

Его голос был тихим.

— Должно быть три повязки, здесь только две.

— Мог ли кто-нибудь взять ее?

Он посмотрел мне в глаза.

— Этого-то я и боюсь. Но у меня нет времени искать ее.

Я согласно кивнула. Были более важные вещи, чем поиск отсутствующей повязки. Я смотрела, как его рука движется словно в замедленной съемке, он раскрыл ладонь, затем сложил пальцы так, словно что-то поднимал. Движение медленно изменило комнату, часть земного шара, на которую мы смотрели, стала ближе. Мир вокруг нас изменялся, растягивался, детали становились все более четкими. Он еще дважды проделал тоже самое, пока мы не увидели основание горы, лепестки цветущей вишни плыли по ветру, воздух был напоен ароматом бутонов.

— Держись за меня и не отпускай, чтобы не случилось, — сказал Эш.

Я подошла и взялась за его широкий поясной ремень.

— Нет, должен быть кожный контакт, — свободной рукой он взял мою, даже не посмотрев на меня. Но это не означало, что я перестану следить за ним. Я наблюдала за всем, за каждым его движением. Он приложил ладонь к руке с кедровой повязкой, поднял указательный палец и коснулся точки между двумя вишневыми деревьями на огромном глобусе.

Казалось, мир схлопнулся, воздух вокруг нас исчез в одно мгновение, и моей первой мыслью было, что Эш наконец нашел способ избавиться от меня. Но один взгляд на его лицо, прищуренные глаза и тяжелый пульс на шее, убедили меня в обратном. Я крепче вцепилась в него, пока мы вращались, а наши тела, казалось, трещали по швам.

Я закрыла глаза и позволила себе расслабиться. То, что должно случиться — произойдет, и я могла только ждать. И надеяться, что Эш не попытается меня убить.

— Если бы я хотел убить тебя, ты была бы уже мертва. Без вопросов. Предательница.

Я не шевелила губами, но ответила ему.

— Это ты предатель. Не я.

И затем увидела воспоминание, которое не было моим собственным, и почувствовала как, Эш пытается оградить меня от него.

— Убирайся из моей головы!

— Не могу... Я пытаюсь!

Я не знаю, что происходило, но комната Путешествий работала не так как надо. Ну или не так как предполагалось. До трех человек могли путешествовать одновременно и безопасно. Их сознания при этом не переплетались, и они внезапно не начинали видеть воспоминания друг друга.

Я глазами Эша видела воспоминание, которое знала сама, но с другой стороны.

Он был Эндером, но смотрел на меня-ребенка. В день, когда моя мама была убита.

В день, когда Брэмли был убит. Мы с Кактусом играли в прятки, а Эш мысленно скучал. Мое сердце тяжело застучало в груди, словно пытаюсь избежать того, что, я знала, должно произойти.

Я боролась с воспоминанием.

— Нет, я не хочу этого видеть!

Но у меня не было выбора. Я видела это, хотелось мне этого или нет.

Это было сущим растрачиванием таланта — посылать его приглядывать за сорванцами. Улыбка скользнула по его лицу, хотя следовало признать, что это было довольно просто. А двое детей активно развлекались, играя в прятки с использованием своих врожденных способностей, активно жульничая. Особенно малышка Ларк. Она обладала настоящим талантом, когда дело касалось использования способностей. Однажды она станет огромной силой, с которой придется считаться. Он только надеялся, что она больше будет похожа на мать, и меньше на старших сестер. От воспоминаний Эш передернулся. Белладонна была бесстыдницей, и он как мог избегал ее, хотя в последнее время ему казалось, что она чует его как собака-ищейка.

Эш шел вслед за Ларк и Кактусом, но они не замечали его. Придерживаясь тени деревьев, он с легкостью за ними следил. Дети думали, что им предоставлен весь мир, но отец Ларк никогда бы не оставил ее без защиты.

— Здравствуй, Эш, — позвал его тихий голос, и он обернулся. Белладонна стояла позади него, ее топ открывал половину пышной груди. В шестнадцать она только начала обретать самостоятельность, и с каждым днем все больше походила на мать, и все меньше на ребенка. Она была одета в темнокрасное платье, которое еле-еле держалось на ее груди и бедрах. До такой степени, что он без труда видел, что под платьем у нее ничего нет. Дерьмо. Его глаза расширились, но он ответил максимально вежливо.

— Принцесса, не ожидал увидеть вас здесь.

— Ты уже закончил следить за незаконнорожденной малявкой? — Она провела рукой по его руке и схватила за задницу. Он отступил назад, подальше от нее. Она скорчила гримасу, надув губы, словно это могло его привлечь.

Он стиснул зубы. Будь проклята эта девчонка, она только и думала как бы затащить его в постель при каждом удобном случае. Этакая маленькая сучка. А в остальном такая же, как ее мать.

— Нет, мне дежурить еще несколько часов.

Он повернулся к ней спиной, и ее руки скользнули к нему на пояс и ниже к пряжке ремня.

— Несколько минут не сыграют роли, не так ли? Уверена, у тебя есть время для принцессы, которая хочет твоего внимания.

Ловкими пальцами она за секунду сняла с него ремень.

Богиня, он хотел ударить ее. Отведя руки Беладонны прочь, Эш забрал свой ремень обратно, проявляя больше терпения, чем у него было.

— Благодарю вас за предложение, но я Эндер. Я не могу отвлекаться, даже на такую красавицу, как вы.

Слова были ложью, но она признательно захлопала ресницами. Он думал, что теперь то она уйдет и оставит его. Но она только удвоила усилия.

— Если откажешься, я скажу родителям, что ты пытался меня изнасиловать, и ты будешь изгнан.

Он развернулся и уставился на нее.

— Что вы скажете?

Она пожала плечами и выскользнула из одежды одним движением бедер, материя

рубиновой лужицей собралась у ее ног.

— Ты меня слышал. Доставь мне удовольствие. И да, Эндер, это приказ.

Он был достаточно юн, чтобы все еще опасаться ее. Не так давно стал Эндером. Что еще он мог сделать? Он не желал принцессу, она даже не нравилась ему. Ее красота омрачалась характером, жестким, холодным и недобрым. Но времени на раздумья не было.

— В другой раз я обещаю взять вас куда бы я не отправился, к вершинам наслаждения, если таково ваше желание.

Ловким движением он наклонился и легко поцеловал ее. Это должно сдержать ее. Он снова начал отступать.

Он вскинула бровь.

— О нет. Этого и близко не достаточно.

Резкое движение ее запястья и лозы вокруг них поднялись, вцепились в его одежду и сорвали ее.

То, что произошло дальше, я смогла пропустить. Не очень то хотелось видеть секс сестры с Эшем.

Я закрыла глаза, и картинки померкли. Но стоило мне их открыть, как я была в его голове. Опять.

Он стоял над моим упавшим телом, Кассава перед ним.

— Они никогда не поверят тебе, Эндер. Мой муж будет думать, что они скончались из-за болезни. Весь мир будет так думать.

Он упал на колени и приподнял маленькую меня одной рукой. Королева убила детей? Как она могла? А затем он почувствовал дыхание под его рукой, девочка была жива.

— Ты оставила ее в живых?

— Да.

Задыхающийся крик вырвался из его груди, когда он прижал Ларк к себе, и вытащил меч другой рукой, направив его на Кассаву.

— Ты убила ее мать и брата. По праву, я могу убить тебя.

Кассава приподняла пальцем его подбородок.

— Кто тебе поверит, Эндер? Никто. Даже девчонка. Я забрала ее воспоминания. И воспоминания ее приятеля. Но оставлю твои. Да, я хочу наблюдать за тем, как ты страдаешь, думаю, это доставит мне удовольствие.

Острие меча не дрогнуло, находясь чуть выше левой груди королевы.

— Я могу убить тебя.

Но он засомневался, и этого было достаточно, что бы она сделала... то, что сделала.

Поблескивающее розовое свечение окружило ее как странное Северное сияние.

— Ты не можешь меня убить.

Его руки дрожали, и он опустил мое тело.

— Я не могу убить тебя.

Королева наклонилась вперед, с отвращением отклонив клинок.

— Ты в моей власти.

Он склонил голову, вина и стыд переполняли его. Он провалился как Эндер. Он позволил своим подопечным умереть, в то время, как развлекался с этой сукой. Важно ли теперь, что Беладонна скорее всего действовала по приказу своей матери? Уже нет. Важно было то, что он потерпел неудачу, что те, кого он должен был защищать, погибли по его вине.

— Я в вашей власти.

Я резко вынырнула из воспоминаний и оказалась лежащей на траве, обхватив руками бицепс Эша, в то время как вишневые лепестки кружили вокруг нас в разноцветном вихре, унося прочь мое дыхание.

Мы лежали на боку, лицом друг к другу. Лицо Эша было расслаблено во сне, а морщинки возле глаз разгладились. Он казался моложе, чем есть на самом деле, и волна жалости захлестнула меня. Повинуясь импульсу, я наклонилась и провела рукой по его щеке.

— Мне жаль, что она и тебе причинила боль.

Его веки дрогнули, и я отдернула руку, прежде чем он узнал, что я касалась его.

— Думаю мы на месте.

Я отпустила его руку, села и начала осматривать местность, решив не обсуждать маленькое вторжение в его личное пространство. Возможно, если мы не будем об этом говорить, то сможем вести себя так, словно ничего и не было.

Мы были у основания горы, стоя среди вишневых деревьев, растущих в ровно посаженных рядах.

— Это не походит на место, которое они называли бы Шахтой.

С ворчанием Эш поднялся на ноги.

— Шахта внутри горы, Сеятель.

Он не сказал «идиотка», но это было ясно и без слов. Я глянула на него, жалость исчезла. Возможно, он не знал, что я видела его воспоминания. Возможно, так было даже лучше.

— Ну да, мы еще не проходили этого на уроках. Хочешь заполнить пробелы в моих знаниях?

Подняв глаза к небу, Эш произнес молитву, а затем дал мне знак следовать за ним.

— Шахта находится в середине горы и ведет к самому центру земли, где и возникает огонь. В остальном дом Саламандр довольно обычный. С одной стороны, он не сильно отличается от нашего, а с другой — не имеет ничего общего.

— Ничего непонятно. — пробурчала я.

— Скоро ты увидишь, что я имею в виду.

Я шла около него, играя поясным ножом.

— Ты думаешь, что они смогут нам помочь?

— Они должны.

Вот только это была неправда, и мне не нужно быть ясновидящей, чтобы знать это.

— Они будут думать, что мы заразны, не так ли? — прошептала я, видя сжатую челюсть Эша.

— Будем надеяться, что нет.

Мы подошли к большой плите из черного камня, встроенного в гору, гладкому и блестящему на солнце. Пламя было вырезано на нем наряду с мощными символами. Огонь и смерть, огонь и жизнь. Символы для всех четырех семей. Я пробежала пальцем по гладкой поверхности, пораженная теплом, исходящим от нее.

Эш отдернул мою руку от плиты.

— Не трогай, если не знаешь, что делаешь.

Я посмотрела на него, но мне все равно было интересно. Он положил руку на плиту, над изображением красного дерева. Его пальцы выпустили три зеленые искры. Затем он отступил назад.

— Сейчас мы ждем.

И мы ждали. Прошли часы. Надежда исчезла. Вишневые лепестки все еще продолжали кружиться вокруг нас.

Они цвели совсем не вовремя. Высокая температура с горы под ними создавала ложную весну круглый год. По крайней мере, так мне объяснил Эш.

— Можем ли мы войти силой? — спросила я и поднялась, чтобы посмотреть на черную плиту, наверное, уже в сотый раз.

Он фыркнул.

— И как ты собираешься это сделать? Ты бесполезна, и даже я знаю свои пределы. Я не могу торопить события.

— Я не бесполезна, — поместив руку на красное дерево, нарисованное на камне, я подумала о зеленом жаре. Закрыла глаза. Мой отец умрет, если мы не получим необходимую для него помощь. С трудом сглотнув, я медленно задышала и потихоньку достигла своей связи с властью земли.

Боль была настолько сильной, что мозг пульсировал, но я не останавливалась. Спазмы сотрясали мое тело, мне потребовались все мои силы, чтобы держать руки на гравировке и вкладывать в нее те крупицы магии, что я могла отыскать. Боль и сила сплелись тугим узлом внутри меня. Я не могла получить одно без второго. Пот тек по моим щекам, когда я пыталась добраться до той силы, найти нужные слова:

— Пожалуйста, мой отец умирает, прошу, помощи нам!

Звуковая волна врезалась в мою грудь, отбросив назад от дверного приема в Эша. Он легко поймал меня, помогая мне подняться. Его руки вокруг моей талии напряглись.

— Что ты сделала?

— Я... — Я положила руку на голову, обследуя ее, как будто ожидала там увидеть огромную трещину, — Я не знаю.

— Я думаю, что они собираются, что-то ответить тебе, — сказал он, не давая мне идти. Я заставила себя встать на ноги, хотя мне потребовалось три попытки, ноги едва держали меня.

Перед нами, мерцала черная плита; выгравированные изображения превращались в яркую раскаленную лаву. Тепло чувствовалось даже с пятнадцати футов, что заставило меня повернуть голову в сторону.

Черный камень продолжал нагреваться до тех пор, пока не стал ярко-трепещущего красного цвета. Расплавившись, дверь открыла глубокий проход в самое сердце горы. Ожидая увидеть темную, грязную дыру, пахнущую серой и смертью, я не могла поверить в то, что предстало перед моими глазами. Стены были украшены драгоценными камнями, сверкающими и блестящими. Они собирали свет снаружи и освещали наш путь. Лепестки вишни влетели через проход, принося с собой свежий запах весеннего воздуха.

Эш насмешливо поклонился.

— После вас, Принцесса.

В сознании сразу появилось изображение Беладонны, просящей доставить ей удовольствие.

— Не называй меня так. Никогда.

Он приподнял брови, когда мы ступили на блестящую лестничную площадку.

— Но разве ты не принцесса? Не ты ли пыталась доказать, что ты не просто полукровка?

Я покачала головой, волосы развевались на ветру, а лепестки вишни запутались в них.

— Нет, я сейчас Эндер.

Я думала, он улыбнется, но он просто кивнул.

— Эндер Лакспер, после вас.

Мы шли рядом, бок о бок, одновременно шагая. Когда мы прошли всего несколько шагов, пара огненных элементарей перегородила наш путь. На них были тяжелые черные шлемы, которые были пошиты из черной кожи. Мне показалось, что я мельком увидела оранжевый завиток, выглядывающий из-под шлема одного Эндера, но не была уверена до конца.

— Мэгги? Это ты?

— Здравствуй, Ларк.

Я вздохнула с облегчением. Мэгги поможет нам. Она знала, что мы не доставим неприятностей. Но вдруг Эш, стоящий позади меня, напрягся еще больше, все его тело застыло в ожидании. Два Эндера свободно держали 4-х футовые плоскоголовые дубинки, которые, казалось, были сделаны из того же камня, что и дверь.

— Нам нужны целители. Легочные черви сильно свирепствуют. Или мы можем поговорить с ними, и они пошлют нам очищающий огонь, — сказал Эш, перенося свой вес так, что он встал... в боевую стойку? Ой, плохо дело. Я подражала его действиям, все еще надеясь, что ошиблась. Мы ведь правда не собирались вступать в бой? Конечно же, Саламандры не станут вредить нам.

Элементарии поддерживают своих, так меня учили. Они сотрудничают друг с другом, в отличие от людей, которые всегда затевают войны и уничтожают себе подобных. Мы были другими, выше подобной мелочности. Мы были лучше, чем люди.

Но к такому меня не готовили.

Два огненных элементария не стали терять времени зря. Их атака заставила нас отступить на пару шагов. Они вращали длинные дубинки почти также, как крутят копье, так что черный материал приобрел неясные очертания.

— Мэгги, не делай этого! — закричала я, выдергивая свое копье и поворачивая его, с трудом успев отразить удар ее напарника.

— Вы должны уйти. Это не наше решение, но мы придерживаемся его.

— Не слишком-то вежливая просьба, — произнес Эш рядом со мной.

Было неудобно, но я все же решила не оставлять попыток:

— Пожалуйста, мой отец смертельно болен! Вы должны помочь. Ваши целители — наша единственная надежда.

Я уделяла слишком много внимания Мэгги и недостаточно Эндеру передо мной. Удар по правой коленке заставил меня отправиться на землю; вывернувшиеся кости и сухожилия порвались под закругленной дубинкой, как облезающая кора с дерева. Падая, я прикусила язык, борясь с черными пятнами, поплывшими перед глазами.

Эш шагнул вперед, и его огромный меч рассек воздух, перерубив пополам дубинку, несущуюся прямо мне в голову. Я закрыла глаза и увернулась. Лязг металла по камню с визгом ударил мне по ушам.

Прекратите это, просто прекратите. Я не хотела ничего, кроме помощи моему отцу, а так же всем, кто не заслуживает смерти. Например, Гранит, Мэл и Блоссом, даже мои братья и сестры. В особенности Рейвен и Брая, они были не такими, как остальные. Просто остановите это безумие, так много жизней стоит на кону.

Тишина, свежая и внезапная своим тихим дыханием достигла моих ушей, и я медленно подняла голову. Эш стоял передо мной, защищая. Кровь стекала по его левой руке, где зацепивший его осколок дубинки впился в мышцу.

— Что случилось? — Я потянула Эша за ногу. Он ответил мне взглядом.

— Я не знаю. Они просто... остановились.

С помощью стены я медленно встала и похромала вперед, чтобы коснуться руки Мэгги, несмотря на Эша, шипящего на меня. Я просто проигнорировала его.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мэгги? — Я осторожно сняла с нее шлем. Ее странные оранжевые глаза смотрели сквозь меня, ничего не видя.

— Мы остановились, — прошептала она, и я отшатнулась к Эшу, который поймал меня прежде, чем я бы упала на землю во второй раз.

Ее слова, они ведь не имели отношения ко мне, не так ли? Я тяжело сглотнула.

— Полагаю, теперь мы можем войти.

Эш посмотрел на меня, и я вернула взгляд.

— Что?

— Нам нужно войти и поговорить с целителями. Так? Некоторое время никто не будет знать, что мы здесь.

Он вытащил осколок камня из руки, бросив его на пол.

— Ларк, Мэгги и Матч не единственные Эндеры здесь. Их больше, и они объявят на нас охоту за агрессию при входе.

Я не могла прочесть его мысли, поэтому не могла сказать хорошо это или плохо.

— Мы должны им помочь. Отец может умереть. Хотя тебе может и нравится видеть Кассаву на троне, мне — нет. Так что пойдём со мной, или дай мне повязку, я сама найду целителей.

Я захромала вперед, используя стену в качестве опоры. Каждый шаг отдавался огненным спазмом в правой ноге. Исцеление обещает быть долгим.

Эш подбежал ко мне и обхватил меня рукой за талию, слегка приподняв и сняв напряжение с колена.

— Вот, если настаиваешь, чтобы идти, позволь мне, по крайней мере, помочь тебе.

— С чего это вдруг такая перемена в отношении?

— Думаю, ты похожа на свою мать, — он замолчал, и мы замедлили шаг, — Я слышал, что она обменивалась воспоминаниями с людьми при помощи повязок. А это значит, что ты видела воспоминание того дня, когда погибла твоя мама, так ведь?

В его голосе послышалось плохо скрытое волнение, а еще смесь скорби и боли. Это сочетание мне было хорошо знакомо.

— Да. Я не хотела ничего говорить. Я не должна была это видеть.

— И ты веришь тому, что увидела?

Его глаза были широко раскрыты, недоверие в них — ясное, словно небо в разгар лета. Чувство, которое я также знала слишком хорошо. Понимать, что твое сердце знает правду, но не иметь возможности рассказать об этом, поведать другим о том, что тебе известно.

— Мне бы тоже никто не поверил, Эш. И я убедила себя, что это просто сон, который я переживаю снова и снова.

Его рука вокруг моей талии немного ослабла.

— Тогда ты знаешь, что мне было поручено охранять тебя... — Я кивнула, и он продолжил, — Однажды я подвел тебя. Но, обещаю, этого больше не повторится... Лакспер.

Я сдержала порыв благодарности, вслед за которым последовал приступ злости.

— Тогда какого черта ты обращался со мной как с червивым дерьмом во время тренировок?

Слова вырвались сами, и Эш наградил меня кривой ухмылкой.

— Лучшим способом уберечь тебя, было убедиться, что ты не станешь Эндером. Думать, что ты не сможешь сделать этого. Это не та работа, которая позволит жить долго и не получать травм, если ты не заметила.

У меня отвисла челюсть, и я взорвалась.

— Ты пытался заставить меня сдаться?

— Да.

— Так ты поэтому был таким ублюдком?

Его смешок эхом отозвался во мне, наши ребра были прижаты друг к другу.

— И кто кого называет ублюдком?

Ох. Я отстранилась от него.

— Думаю, я буду использовать стену.

Он не извинился, и я поняла, что он все еще пытается заставить меня сдаться. Заставить свернуть с избранного пути, от того, чтобы стать Эндером. И каким-то образом, благодаря этому он стал нравится мне больше. Он может быть задницей, но своим способом он пытался заботиться обо мне. Даже спустя все эти годы.

Мы медленно прокладывали путь по проходам, пока голоса не заставили нас

остановиться.

— Это та, о ком я думаю? — прошептала я.

Эш нахмурился.

— Чертовски надеюсь, что нет.

С ее высоким сопрано, Белладонну было трудно перепутать с кем-либо еще. Она над чем-то смеялась, и тогда Эш потянул и затолкнул меня в крошечную щель вместе с собой; наши тела стиснулись так сильно, что мы могли бы сойти за сардин в консервных банках, которых так любили люди. Он накинул на нас свой плащ, оставив открытыми лишь глаза. Теперь от плаща появилась какая-то польза — отличная маскировка в темноте.

Укрывшись во тьме, мы наблюдали за приближением Белладонны.

— Поэтому видите ли, Ваше высочество, моя мама считает, что было бы лучше, если эта... — она приподняла руку, несколько раз взмахнув пальцами так, что свет отражался от ее колец, которые отличались от всего, что она надевала прежде... — болезнь пойдет своим путем, без вмешательства целителей. Она хочет увидеть, как часть нашей семьи усилит свое влияние.

Мы оба напряглись под покровом плаща. Злость обожгла внутренности, и мне потребовались все силы, чтобы не кинуться, хромя на одну ногу, избивать Белладонну, пока она все нам не расскажет.

— Спокойно, — сказал Эш, его голос был тихим и удивительно успокаивающим.

Я с легкостью догадалась, что за мужчина был с Беладонной. Королева Фиаметта, довольно расчетливая дама, правила Шахтой. Ладно, она была законченной сучкой, насколько я знала. Без сомнения это был ее наследный принц, Флинт. У него, как и у многих Саламандр, были ярко-рыжие волосы, но также была черная полоса посередине, как обугленное бревно посреди горящего пламени. Признак наличия королевской крови.

Странная парочка подошла достаточно близко, чтобы я могла видеть оранжевый свет, мерцающий в глазах Флинта. Он протянул руку и коснулся пальцем подбородка Белладонны.

— Какой позор, что семьи не признают полукровок. У нас были бы изумительно красивые дети.

Мой рот распахнулся, но Эш зажал его рукой. Он прижал губы к моему уху.

— Шшшш.

Если бы я захотела, то могла бы протянуть руку и схватить свою сводную сестру за ухо, заставив развернуться ко мне лицом. Белладонна смеялась, не замечая, как близко мы стояли.

— Моя мать предпочтет увидеть меня мертвой, чем позволит родиться полукровке, каким бы красивым он ни был, кузен.

Они продолжили путь, флиртуя друг с другом, голоса постепенно отдалялись. Эш раскутал нас из своего плаща, и мы вышли из расщелины.

— Надеюсь, он обрюхатит ее. — тихо произнесла я.

— Я тоже.

Я посмотрела на Эша. Он наблюдал за уходящими, дрожь отвращения сотрясала его тело. Нет, она ему нравилась не больше, чем мне. И у него было намного больше причин ненавидеть ее.

— Нам нужно спуститься вниз, к комнатам целителей. Я, примерно, знаю где это, но нам потребуется провожатый, чтобы нас пропустили через все пункты проверки.

Я задавалась вопросом, был ли мой друг все еще здесь, и если да, то был ли он тем

мальчиком, которого я знала или слишком изменился, чтобы помочь старому другу?

— Я думаю, есть человек, который сможет нам помочь.

Эш бросил на меня пронзительный взгляд.

— Тогда действуй.

Глубоко вздохнув, я положила руку на ближайшую стену. Это был старый трюк, один из тех, который знал каждый элементар. С тем, с кем вы были близки, но в данный момент были вдалеке друг от друга, можно связаться через землю. У каждого элементаля была связь с богиней-матерью, и подобно человеческим технологиям, мы могли сделать своего рода вызов. Но это будет означать подключение к земле и к ее силе. Страх схватил меня за горло, с легкостью сжимая так, что дыхание перехватило. Я встряхнула головой, пот стекал каплями по моему лицу, меня тошнило.

— Я не смогу, боль будет слишком сильной. Придется связаться с ним тебе, Эш.

Он положил руку на стену, не задавая вопросов.

— С кем и как?

— С Кактусом. Скажи, что хочешь поиграть в прятки в лесу.

Я была удивлена, что Эш не заартачился из-за кажущейся глупой просьбы, и также из-за того, как сильно мне хотелось увидеть Кактуса. Его увезли вскоре после того, как моя семья была убита. Мы даже не смогли попрощаться. Я прислонилась к стене, медленно дыша, и осторожно потирая колено.

— Мы попросим целителей помочь тебе с этим, — Эш указал на колено, — а когда мы вернемся, и все уляжется, то поработаем с блокировкой твоих способностей.

Я сверкнула на него глазами.

— Думаешь, ты сможешь мне помочь?

— Я видел последствия твоей силы, Ларк. — Его взгляд был отстраненным, — Ты не обязана быть Эндером, что бы стать частью семьи, но ты должна найти ключ, который выпустит твои способности. Или же не будет иметь значения какое место у тебя в семье.

— Зачем ты будешь помогать мне?

Я не понимала Эша, и его мотивы. Перед глазами все время стояли слова Гранита, небрежно написанные на бумаге: «Он во власти Кассавы».

Эш поднял руку, и я замолкла. Мы услышали звук бегущих ног, тяжелое дыхание, и тихий голос, который я слишком хорошо знала.

— Ларк?

Я обошла Эша.

— Кактус.

Взгляд зеленых глаз и густые каштановые волосы были всем, что я увидела, прежде чем он утянул меня в свои объятия и закурил.

— Богиня смилостивилась, Ларк, я думал, что больше никогда не увижу тебя снова.

Я крепко обняла его, и он опустил меня вниз. Он вытянулся лишь чуть меньше меня, высокий, как и вся его родня.

— Кактус, нам нужно добраться до целителей.

Его глаза перебежали с меня на Эша, потом снова ко мне, словно он впервые меня увидел.

— Так ты... Эндер?

Улыбка скользнула по моим губам.

— Вроде того. Сможешь помочь? Пожалуйста, на кону очень много жизней.

Его губы дрогнули.

— Это означает, что мы снова собираемся влезть в неприятности?

Во мне закипал смех, но я сдержала его, ответив максимально серьезно.

— Полагаю, что так.

Он широко улыбнулся, глаза загорелись.

— Самое время.

Так уж вышло, что Кактус не прекращал свои назойливые проделки с тех пор, как был отправлен для обучения в Шахту.

— Пойдем, у меня есть пара припрятанных вещиц, которые помогут замаскировать вас.

В своей комнате он достал два мерцающих черных плаща, которые могли принадлежать только Эндерам.

— Просто посчастливилось получить их, не так ли? — спросил Эш, меняя свой плащ на черный.

Кактус пожал плечами

— Никогда не знаешь, когда они пригодятся.

Когда мы надели плащи, Эш подхватил меня на руки, словно во мне не было шести футов роста и полных одиннадцати стоунов — ста пятидесяти фунтов веса.

— Я могу идти. — я выкручивалась в тщетной попытке заставить его поставить меня на ноги, щеки покрылись краской, — Я не слабая девчонка.

Кактус остановил меня.

— Так мы сможем двигаться быстрее, а если ты будешь выглядеть, словно раненная, то мы с легкостью доставим тебя к целителям.

С ворчанием я прекратила бороться с Эшем. Я не хотела давать ему еще причины верить в то, что я не могу быть Эндером. Что я не смогу это сделать. Потому что я знала, что даже если нам удастся освободить мою силу, я все равно буду Эндером.

Мое место было нигде иначе, как в казармах.

Кактус вел нас через шахту, что было чертовски здорово. Огненное убежище было устроено, как улей, с разделяющимися на секции коридорами и проходами. Число перекрестков и ходов было умопомрачительно огромным.

— Здесь так много Саламандр? — Я сильнее обхватила шею Эша, когда мы стали спускаться по очередному лестничному пролету.

Кактус даже не обернулся.

— Нет, это мера предосторожности. Сложно найти королеву, если ты даже не можешь найти обратный путь. К тому же, некоторые двери ведут к тем вещам, с которыми лучше не встречаться.

— Например?

— Провал прямо в сердце Шахты. Огненные демоны. Сеть, что упадет тебе на голову, прожжет кожу и расплавит кости так, что те растекутся по полу. Обычные вещи.

Я посмотрела на Эша, который слегка пожал плечами.

— Вот почему я хотел иметь провожатого. Один неверный поворот, и у нашей семьи не останется никого, кто смог бы принести им лекарство.

— Лекарство? От чего? — спросил Кактус, и я было открыла рот, чтобы ответить, но потом снова закрыла, обдумывая свои слова. Если он узнает, что легочные черви стали угрозой, вряд ли он поможет нам, даже не смотря на то, что он мой друг.

— Целители узнают. Они единственные, кто могут в этом разобраться.

Эш сильнее обхватил меня руками и только кивнул в знак одобрения. Кактус наполовину обернулся, спеша по лестнице в сторону.

— Эндерские секреты?

— Что-то вроде того. — Я одарила его слабым подобием улыбки.

Он пожал плечами.

— Все в порядке, я привык оставаться за бортом. Здесь так принято со всеми обращаться, особенно с полукровками.

Шли минуты, еще повороты, еще изгибы, дважды мы были вынуждены отступить из-за появившихся на нашем пути Элементалей. Я дышала тяжелее Эша, которому, казалось, было ни чуть не хуже от того, что он нес меня, еще и с раной в руке.

— Почти на месте, — прошептал Кактус, выглядывая из-за угла.

Мы поползли вперед, наострив уши и глаза для любого звука, который мы могли заметить. Я знала, что у нас осталось совсем немного времени, ведь Мэгги и другие Эндеры не могут оставаться замороженными вечно. А когда они очнутся... меня пробрала дрожь. Не хотела бы я оказаться рядом с Мэгги. Картинка с Мэлом в тренировочном бассейне, который начал вскипать, ясно проявилась у меня в голове. Она была беспощадна на тренировках, приходя за нами, когда только могла... Я могла лишь представить, насколько ужасно это будет.

Дверь перед нами была кроваво красная с отмеченными золотыми полосами краями. В центре двери была змея, обернувшаяся вокруг жезла, выгравированного на поверхности. Кактус низко поклонился

— Жезл Асклепия, принцесса. Целители ждут.

Кактус распахнул дверь.

Эш не сдвинулся с места.

— Сначала ты.

Подтекст был очевиден, и Кактус не был дураком, чтобы его уловить. Его глаза сузились.

— Я не подвергну Ларк опасности.

— И все же ты пойдешь первым. — Эш не опустил меня и не сделал ни шага вперед. Я начала выкручиваться.

— Я доверяю ему, Эш.

— А я нет. Я тоже его помню, а еще я помню, как королева украла его воспоминания. Мы не знаем, чем она их заменила.

Медовые глаза Эша встретились с моими.

— Она сказала, что он ей еще послужит.

Холод пробрал меня до костей, я обернулась и увидела смущение на лице Кактуса. Он выпучил глаза, его брови искривились, кончики губ опустились вниз.

— О чем вы двое разговариваете?

— Кактус, — сказала я, — пожалуйста, иди первым.

Его глаза расширились, в них застыла боль.

— Ты мне не доверяешь?

Горло сжалось, и я покачала головой.

— Я не доверяю Кассаве.

Он хмуро посмотрел на меня.

— Твои слова не имеют смысла.

— Пожалуйста, Кактус, зайди.

Он пожал плечами и шагнул в дверь, бурча под нос.

— Отлично. Чокнутые земляные паршивцы.

Он исчез в тени комнаты и затем произнес:

— Довольны?

Ни один из нас не ответил. Эш подался вперед и зашел в обрамленный золотом дверной проем. В коридоре было темно, поэтому когда мы зашли в комнату, ярко освещенную, как будто в ней было тысяч десять свечей, пришлось зажмуриться. Глаза долго не могли привыкнуть к яркому свету после тусклых коридоров.

Мы были в комнате, мало чем отличающейся от наших в казармах. Хорошо освещенная, чистая, с многочисленными кроватями, выставленными в строгий ряд. Полки были полны бутылочек и новых упаковок. Аромат трав очистил воздух от всех аспектов серы. Если бы я застряла в Шахте, то я бы точно не отходила далеко от этих комнат.

Единственной разницей между комнатой целителя в лесу и здешней было то, что все кровати были абсолютно пусты.

Целитель, в белой рубашке и в черных, как уголь, брюках, шагнул к нам.

— Положите ее на кровать.

Эш выполнил указания, положив меня на ближайшую кровать.

— Меня зовут Смит. Что вы над собой учинили, юная леди? — он мягко улыбнулся, показывая рукой на мое колено.

Я поморщилась.

— О, как обычно.

Эш присел рядом со мной.

— Смит, мы пришли из Редвуда.

— О, я подозревал об этом. Ваша кожа очень явно пахнет кедром.

Эш положил свою руку на руку Смита.

— Легочные черви вернулись. Нам нужен очистительный огонь, без него наша семья погибнет.

Смит, плавно покачиваясь с пятки на носок, внимательно посмотрел на нас.

— Такие вопросы решаются при участии королевы. Я не имею права давать кому-либо очистительный огонь.

Наклонившись вперед, я взяла его за руку, умоляя о помощи.

— Пожалуйста, наши люди умирают. Мы бы добрались сюда по тоннелям, если бы были в состоянии. Наш король болен.

Смит посмотрел на меня, потом на Эша, и снова на меня.

— Давай сначала осмотрим твою ногу. То, что я смогу сделать без последствий.

Целитель подошел к приставному столику около стены.

— Быстрая сыворотка, если я хорошо знаю вас — Эндеров. Что-то, что быстро исцеляет, даже если причиняет боль до мозга костей.

Кровь отлила от меня. Клянусь, я чувствовала как она утекает по венам на шее, но кивнула.

— Да, думаю, чем быстрее, тем лучше.

Боль не может быть хуже той, с которой я сталкивалась, когда пыталась достичь сил земли.

Смит мурлыкал под нос, напевая, пока смешивал и взбалтывал. Кактус сидел на табуретке и крутился по кругу, опустив голову. Как ребенок, которому наскучили взрослые разговоры.

— Ты никогда не повзрослеешь, не так ли?

Мой вопрос остановил его вращение.

Его глаза блестели от невысказанного смеха.

— Едва ли. Они не настолько против полукровок, и это работает на меня. Я прихожу и ухожу, когда мне захочется, и у меня не так уж много дел.

— Ты имеешь в виду никаких, кроме влезания в неприятности, — сказал Смит с улыбкой. Улыбка увяла, когда он посмотрел на меня.

— Ладно, вам двоим придется подержать ее для лечения.

Смит встал передо мной с хрустальным флаконом в руке. Дым сочился из горлышка сосуда, и запах серы наполнил мои ноздри. Я сморщила нос.

— Никто не должен меня держать.

— Вы, Эндеры, всегда считаете, что можете со всем справиться. Но есть правда, которую знают все целители. Лечение раны более болезненный процесс, чем ее получение. Когда вы лечитесь, вы знаете, что вам нужно сознательно предпринять шаги, чтобы все прошло правильно. Когда же вы получаете рану, то с ней всегда связано какое-либо сильное чувство. Страх. Гнев. Страсть. Такие эмоции скрывают боль при получении ранений; вот почему многие обращаются за помощью до того, пока рана начнет гнить. К этому времени уже тяжелее все будет исправить, — его глаза встретились с моими, и у меня появилось чувство, что он говорит не только о моих костях.

— Я могу с этим справиться, — я вздернула подбородок.

— Я не смогу держать ее, — сказал Кактус. — Меня вырвет на нее от запаха этого тоника.

Отлично, минус один друг.

И все же Эш положил руки мне на плечи.

— Мне приходилось испытывать на себе их милосердие. Поверь, ты захочешь, чтобы тебя кто-нибудь держал.

Смит поднес пузырек к моим губам, но дым, исходящий от жидкости, заставил меня крепко сжать зубы.

— Пей залпом. Если выплюнешь, мы заставим тебя выпить новую дозу.

Тухлые яйца и толстый слой древесного дыма обволокли язык, и я поперхнулась, но смогла удержать мерзкий тоник внутри. Затем он поступил в кровоток.

Никогда термин «жечь внутренности» не имел такого точно значения. Мои вены пульсировали с высокой температурой, жар которой шел вдоль нервных окончаний через мышцы и кости, как будто все мое тело макнули в кипящую воду, а сама жидкость проходила через все мои внутренности. Я боролась с желанием выгнуть спину, стараясь сохранять ее ровной, лежа на кровати, но это было очень, очень трудно. Слезы брызнули из глаз, поскольку мое колено начало восстанавливаться.

Крепко сжимая зубы, я искала на чем сосредоточиться, чтобы приземлить себя. Кактус стоял у противоположной стены, спиной ко мне, содрогаясь всем телом — трус. Смит уже отвернулся за чем-то другим.

Что оставляло Эша.

Я схватила его за предплечья, поскольку огненный спазм промчался через меня, и начала хватать ртом воздух.

— Это быстро пройдет, просто дыши.

Я уставилась на него, проследив глазами форму его лица. Темно-золотые ресницы, еле заметный шрам возле левого глаза, настолько слабый, что я не заметила его прежде; резкая

линия челюсти, уши, плотно прижатые к голове, у левого на вершине была зарубка, возможно, он получил ее вместе со шрамом около глаза. Я должна была спросить его. Глубоко вдохнув, я почувствовала жар вокруг моего больного колена. Полные губы, идеальные зубы и сильный профиль, нос с небольшой горбинкой на переносице, видно, другая рана. Со свистом выдохнув, я почувствовала, как температура начинает спадать.

Медовые глаза, у него были глаза цвета жидкого меда, которые без сомнения жарко горели, когда он занимался с кем-нибудь любовью. Мои глаза широко распахнулись, шок потряс меня. Я отцепила руки от предплечий Эша, жар все еще сжигал меня, но уже не с той интенсивностью, с которой все начиналось.

— Спасибо, думаю, худшее уже позади.

— Можешь встать?

Я скользнула в сторону, игнорируя тот факт, что мой организм все еще боролся со снадобьем, которое Смит дал мне.

— Нет, но я могу го-го-го-ворить.

Заикание совпало с особенно острой болью в колене. Я зажала его рукой.

— Смит, что мы должны сделать, чтобы убедить вас дать нам очищающий огонь?

Я массировала колени, пытаясь сосредоточиться на том, зачем мы здесь, а не на изматывающем эффекте, который оказывало на меня лечение.

Целитель вздохнул.

— Я — целитель, и вы знаете, что моим первым и наиболее важным обетом является помощь любому, кто попросит об этом.

Эш почему-то напрягся рядом со мной. Смит имел в виду то, что мы искали.

Я с усилием поднялась на ноги.

— Да, мы знаем это, и зная умоляем о помощи.

Смит улыбнулся мне мягкой, грустной улыбкой.

— Я бы помог вам, если мог, правда, вы должны этому поверить. Но есть маленькая проблема.

Я сглотнула, молясь Богине-матери, чтобы проблема действительно была маленькой, и ее было легко решить. Плата за его услуги, взаимная услуга, награда. Все что угодно.

Оранжевые глаза встретились с моими.

— Очистительный огонь забрали другие. Видимо, вы не единственные, кто страдает от эпидемии.

Я стояла, не осознавая этого.

— Кто... кто взял очистительный огонь?

Вытерев руки толстым белым полотенцем, он заткнул его за ремень.

— Сильфы прислали одного из своих Эндеров за огнем этим утром.

Сжав челюсть, я не осознавала, что подошла вплотную к Смицу, пока не посмотрела на него сверху вниз, видя его залысину на голове, которая распространялась как раковая опухоль.

— Как его звали?

На самом деле мне не было нужды спрашивать его имя; я уже знала.

Смит посмотрел на меня, потом на Эша, и снова на меня.

— Викар.

Имя Сильфа эхом пронеслось по комнате. Стояла такая тишина, что можно было услышать, как на пол падает острица.

— Ты знаешь его? — Кактус подошел ко мне, сморщив нос, когда подошел слишком близко и почувствовал запах исцеляющего тоника. Першение в горле заставило его отвернуться.

Я кивнула.

— Да, он убил Брэмли. — прошептала я правду, чувствуя, как сзади меня напрягся Эш. Кактус вымученно засмеялся.

— Ларк, я слышал о твоих бредовых идеях сразу, как попал сюда, ты попыталась все выставить в таком свете, будто Кассави убила твою мать и брата. Но я понятия не имел, что ты сочиняешь до сих пор...

— Это не ложь, полукровка. Ты был там, Кактус, — сказал Эш, его голос был тихим и убийственным, — Ты был там в тот день, и Кассави украла твои воспоминания. Она заблокировала силу Ларк, но оставила воспоминания мне, зная, что никто не поверит слову простого Эндера против королевы.

Кактус перевел взгляд с меня на Эша.

— Она и тебя убедила в этом? Черт, отчасти поэтому меня отослали. Она пыталась внушить мне, что ее сон — реальность, а не то, что произошло. Легочные черви распространились, так же как и сейчас. Люди умирают; это жизнь. Смирись с этим. — Его слова были резкими, и я осознала, что он не был мальчиком, с которым я выросла. Я больше не узнавала его. Я попятилась назад, столкнувшись с Эшем.

— Мы должны уйти. Спасибо за помощь вам обоим.

Смит откашлялся.

— Если вы собираетесь найти Эндера, который взял очистительный огонь, то я дам вам один совет. Он не возвращался к Орлиному гнезду.

Я посмотрела на целителя.

— Что ты имеешь в виду? — И как, во имя семи кругов ада, он мог знать это?

Смит покраснел.

— Он обронил записку, когда выходил, я попытался вернуть ее, я правда пытался. Но он ушел прежде, чем я успел... — Он полез в карман и достал тонкий кусок бумаги, помятый и испачканный. Я забрала его и прочла, меня охватил страх. Я передала записку Эшу.

— Сукин сын. Она хочет убить твоего отца, — прошептал Эш.

Слова в записке отпечатались у меня в памяти.

«Отнеси огонь на восточный фронт. Жди, когда черви завладеют королем. Тогда выпусти огонь».

— Разве это не исцелит его? — Кактус взял записку и прочел ее прежде, чем вернуть Смицу.

Целитель покачал головой.

— Нет, когда легочные черви проникают слишком глубоко, они слишком прочно впиваются в организм хозяина. Их все же можно уничтожить, тем самым предотвратив заражение других людей, но если они погибнут, погибнет и их хозяин. Если они используют огонь прямо сейчас, то большинство ваших людей выживут. Если нет... — Он пожал

плечами, но это был не пренебрежительный, а скорее сожалеющий жест. — Простите. Мне не дозволено вмешиваться в дела других семей.

Эш протянул руку Смигу, и они обменялись рукопожатием.

— Спасибо. Будь осторожен, мы не знаем, что еще входит в их план.

Так оно и было; то, с чем мы столкнулись, было поистине сговором. Интригой, чтобы убить моего отца, что позволит Кассаве перенять полномочия правителя и главы нашей семьи. Она меня убьет, это точно, а также Ферн и ее будущего ребенка, и любого, кто был против нее. Возможно, Найю и Гриффина тоже. Я посмотрела на Эша. Убьют ли его? Сомневаюсь. Белладонна скорее свяжет его у себя в спальне.

Звуки приближающихся шагов донеслись до нас. Это было не хорошо.

— Они знают, что мы здесь.

Эш поманил меня пальцем, я подошла к нему, и он обхватил меня левой рукой. Кактус обхватил меня сзади, останавливая.

— Если есть какие-то проблемы, я иду с тобой.

Но все, что он делал, лишь задерживало нас. Эш попытался схватить меня, но Кактус небрежно удерживал меня, одной рукой обхватив за плечи, а другой держа за левую руку.

— Кактус, отпусти меня!

Звон обнаженного оружия снаружи комнаты разрезал воздух. Эш бросился на нас.

— Отдай мне принцессу, полукровка, — прорычал он.

Я развернулась, расставив ноги, и перекинула Кактуса через бедро, отправив поверженным на пол. Он лежал, с трудом дыша открытым ртом, как рыба, выкинутая на берег. Но было слишком поздно. Кактус подставил нас, хотел он этого или нет. Я выпрямилась и повернулась лицом к четырем Эндерам, стоящих напротив. Мэгги привела подкрепление. Они в доли секунд разделили нас, лишая Эша возможности использовать наручную повязку, не бросив меня одну.

Эш отступил назад, чтобы достать свой меч.

— Мэгги, мы просто уходим.

— Не без посещения королевской темницы, мой друг.

Эш напрягся.

— Эндеры используют только оружие. Никаких способностей.

Мэгги слегка наклонила голову.

— Пусть будет так.

Я достала свое копьё, прокручивая древко в руке.

— Слева от тебя, Эш, — сказала я, перемещаясь в том направлении. Он оценивал обстановку, и напряжение возросло, когда мы шестером нависли друг над другом.

Я знала, что опытные Эндеры посоветовали бы помедлить в подобной схватке, когда нас серьезно превосходили в числе. Но времени у нас не было. Словно я наблюдала за боем со стороны, я могла видеть действия Эндеров за секунду до того, как они начнут двигаться. Почти так же, как и с использованием их способностей. Я использовала это как свое преимущество. Эндер напротив меня явно желал моей смерти, он хотел ударить меня по голове дубинкой, а затем перерезать мне горло, сделав вид, что не хотел заходить так далеко.

Без всяких мыслей, я направила копьё вперед, по нисходящей дуге вниз. Я метила в его правое плечо, ожидая, что он блокирует удар, и готовя себя к сильной отдаче. Но он не поднял свою дубинку вовремя. Даже близко не успел. Лезвие вошло глубоко, разрубив его плечо и ключицу, оставив открытую рану. Я выдернула боевое копьё быстро и безжалостно;

сердце ускорило свой ритм, кровь гудела в венах.

Что-то глубоко во мне знало, что теперь не было пути назад; мы — я — пустила кровь, нанесла смертельный удар. Поскольку Эндер передо мной упал на колени с закатившимися глазами, я вздохнула, и почувствовала, как спокойствие наполняет меня. Он хотел моей смерти, так что свою он заслужил. Я не нарушала права. Но это был первый раз, когда я кому-то причинила боль, и это было так ужасно, что какая-то часть меня свернулась в комок и захныкала.

Позади меня Смит застонал, но я не остановилась. Импульс удара развернул меня по кругу, мои волосы взметнулись вокруг лица, а лезвие копья отразило свет.

Второй Эндер, с которым я столкнулась, собирался нырнуть вправо, а затем, развернувшись, снизу ударить меня дубинкой в живот и воткнуть кинжал в правый глаз. Это — то, что я увидела так ясно, как будто рассматривала картину. Я двигалась вместе с ним, отступила назад и, сделав выпад, вонзила копьё прямо ему в живот. Я скользнула рукой по копьё и рывком выдернула его, а затем повернулась к последним двум Эндерам и Эшу. Он обезвредил одного, и теперь столкнулся с Мэгги.

Я увидела вспышку в ее глазах, и лава, горящая в них, готова была бушевать вокруг нас, поглощая целиком. Нет, я не собиралась ждать этого.

Я крутанулась позади нее и подрубила ей ноги копьем. Она упала на землю, ее голова сильно ударилась о каменный пол, глаза закатились. Я сделала паузу, задавшись вопросом, мертва она или нет.

— Что, во имя Богини и семи кругов ада, это было? — заорал Эш, и я споткнулась, оступившись назад, когда свечение, в котором я находилась исчезло.

— Что...? — Я уставилась на него, не понимая. Шум вокруг нас внезапно вернулся. Целители помогали двум Эндерам, с которыми я сражалась, пытаясь остановить кровотечение из их ран. Я тяжело сглотнула. Это я сделала. Внутренности, выпавшие из одного, и почти оторванная рука у другого.

Моя работа. Моя борьба. Мое оружие.

Меня начало трясти изнутри. Я крепко прижала руку к животу. Эш схватил меня.

— Давай, мы в глубоком дерьме.

Мы выбежали из комнаты целителей, и там рядом, на полу, Мэгги была причиной того, что мы были в глубоком дерьме.

Повязка, которую Эш надел, чтобы перенести нас в Шахту, была сломана пополам. Напуть домой был отрезан одним ударом дубинки.

Мне пришлось довериться Эшу в том, что он знает, куда мы идем, что он найдет дорогу назад в лес. Коридоры размывались, пока мы бежали, все они выглядели для меня одинаково. Эш остановился у двери, распахнул ее и заглянул внутрь. Вероятно, она была подходящей, и я вздохнула с облегчением, последовав за ним внутрь.

Комната представляла собой библиотеку: стены были покрыты книгами, стоял большой стол посередине. Но книги были не настоящими, а нарисованными на стене. Это была одна из ложных комнат, что, по крайней мере, было лучше, чем дыра вглубь Шахты.

Эш ходил по комнате, руки на бедрах, челюсть стиснута, и тишина тянулась до тех пор, пока я не попросила его высказать то, что он хотел.

— Во имя богини, о чем ты думала? Мы не убиваем других Эндеров, Лакспер!

Я закрыла дверь.

— Мы не знаем точно, мертвы ли они. И они собирались убить меня.

— Ты не знаешь этого!

— Знаю! — завопила я, гнев и страх смешивались в дурманящую смесь, — Я видела, видела то, что они собирались сделать, так же, как видела, что Мэгги собиралась вызвать лаву в Шахте, когда я снесла ей ноги.

Эш несколько раз моргнул, замешательство явно отражалось на его лице.

— Повтори.

— Они планировали убить меня. Оба. И Мэгги, в ее глазах был огонь, такой же, который я видела, когда она обучала нас, но кроме этого, я видела, что она собирается с ним делать. Она собиралась вызвать лаву, которая бы поглотила нас. От нас бы ничего не осталось. — Я провела рукой по лицу, — Я не знаю, как мне это удастся, но я просто знаю, что должно было произойти то, что они собирались сделать. Извини.

Он молчал достаточно долго, так что я осмелилась поднять глаза. Его лицо было задумчивым, но гнев прошел. И затем он действительно удивил меня.

— Я верю тебе. Я чувствовал, что что-то не так с той минуты, как мы вошли в Шахту. То, как Мэгги и Матч встретили нас, их агрессивность. Это было не похоже на них. Белладонна могла это подстроить?

Я задалась этим вопросом на доли секунды, и тут же покачала головой.

— Нет, она могла быть только инструментом; Кассава единственная, кто мог заставить произойти что-то подобное. Но я думала, что Гранит был единственным, кто знал о нашем отъезде?

— Кассава знает больше, чем следует, — Эш закрыл глаза, — Она всегда здесь, всегда видит то, что не должна. Как будто то она смотрит через мои глаза, слышит через мои уши.

И все же, ничего из этого нам не поможет. Если Эндеры, с которым я сражалась, на самом деле умерли, я в ответе за их жизни.

— То, что ты мне веришь, не поможет нам выбраться отсюда. И у меня нет способа доказать их намерения. Это означает, что если они умрут, я буду следующей.

Звук бегущих ног и крики за дверью прервали нас, и мы потянулись к оружию. Напряжение увеличилось, мои мышцы жаждали движения, адреналин с бездействием был ужасной вещью. Шаги исчезли, и я начала медленно дышать. Эш все еще был в черном плаще Эндера, который Кактус дал ему. Я оставила свой в комнате целителей. Я сомневалась, что одного плаща будет достаточно, чтобы скрыть нас обоих, и если Саламандры походили на наших Эндеров, то они знали каждый плащ. Не было способа добраться с помощью него. И главная дверь. Как бы мы открыли ее?

Идея начала формироваться, и я не была уверена, что она хорошая, но это было все, что я смогла придумать.

— У них есть Комната путешествий, как у нас? — я постучала ногой по полу.

Эш пристально посмотрел на меня, слегка прищурившись.

— Да, но она в глубине Эндерских казарм, также как наша. И хорошо защищена.

— Ты знаешь, где находятся казармы?

Он кивнул, в глазах заплясали искорки.

— Да, знаю.

— Тогда какой у нас выбор? Нам придется добраться до Комнаты путешествий, если мы собираемся остановить Викера.

Я выпрямила спину, напряжение в мышцах тянуло меня успокоится и не волноваться.

— Если мы выберемся отсюда живыми, мне понадобится день в спа.

— Если мы выберемся отсюда живыми, я сам туда тебя отведу, — пробормотал Эш, двигаясь к двери.

Я тихо хмыкнула.

— Педикюр для нас обоих?

Он криво ухмыльнулся и открыл дверь.

— Проклятье, почему бы и нет.

Педикюр с Эшем. Черт, моя жизнь становится странной.

Эш знал, куда мы шли. Казармы Саламандр находились околехода, чтобы лучше охранять Шахту. Что было, конечно, хорошо. Шахта, с бесконечными коридорами, дверьми и лестничными клетками, работала как в нашу пользу, так и против нас.

В третий раз мы забивались в темную глубину коридора, пока двое Эндеров проносились мимо, с глазами, горящими от еле сдерживаемого гнева. Их шаги затихли, и мы снова продолжили путь.

— Они убьют нас обоих, если поймают. — Я понизила голос, пока мы бежали вверх по лестнице, которая казалась бесконечной. Вверху лестничная площадка поворачивала вправо, и мы снова начали подниматься.

— Тем больше причин убраться к чертям отсюда.

Эш осторожно выглянул из-за угла перед тем, как позвать меня следовать за ним. Бег, усталость, сражение, недостаток еды и общее недомогание заставляли меня двигаться как в тумане, после первоначального всплеска адреналина. Мир вокруг нас растворялся и превращался в нескончаемую игру в кошки-мышки. Пот катился по лицу, а руки горели от того, что я изо всех сил сжимала копьё. Я хотела бросить его, но знала, что это было глупой мыслью.

Мы снова остановились, ожидая, чтобы убедиться, что в коридоре чисто, когда меня схватили сзади. Я отбивалась, пока не услышала голос Кактуса.

— Всего лишь я. Просто подумал, может вам нужна помощь.

Эш схватил меня за плечо, его глаза расширились, когда он внимательно на меня посмотрел.

— Сраный гоблин, нам нужно выбраться отсюда.

— Я могу помочь, — сказал Кактус. — Я хочу помочь, чтобы возместить то, что сделал.

Я сжала его руку.

— Спасибо.

Без лишних слов Кактус пошел впереди нас. Конечно, его бы никто не заподозрил, никто бы о не подумал о том, куда и зачем он шел.

— Можем ли мы доверять ему? — спросил Эш второй раз.

— Мы должны, — прошептала я, вытирая рукой пот с лица. Эш совсем не потел. Зато я выглядела так, как будто только что вышла из-под водопада.

Он зажал ладонью мне рот.

— Тихо.

Моргая, я пыталась стряхнуть усталость и выпрямиться. Бег привел меня в некий транс, и я стряхнула его. Прошептала губами «прости» под рукой Эша. Он убрал ее и кивнул.

Кактус остановился перед дверным проемом и указал на него пальцем. Оторопев, я узнала его. Дверь и петли были точно такими же, как и наши в лесу на входе в казармы. Не считая ручки и черного цвета двери, она была точной копией нашей.

— Кто-то любит подбирать вещи по цвету, — пробормотала я. Эш тихо хмыкнул, и мы, пробежав по коридору, проскользнули в дверь, которую открыл для нас Кактус. Он не пошел внутрь за нами.

— Будь осторожна, Ларк.

Он коснулся моей щеки, когда я проходила мимо, и на мгновение мне показалось, что

он что-то сказал. Я покачала головой, но он не повторил это, чем бы оно не было.

— Спасибо, Кактус. А теперь выбирайся отсюда, прежде чем они заметят, что ты помогаешь нам.

Он наклонился и поцеловал меня в щеку.

— Будь осторожна, подружка.

И ушел.

Теперь я ничего не могла с этим поделать. Мы здесь, и мы собираемся домой, так или иначе. Вход в казармы был сумрачным, словно мы вошли в облачную грядку. Горячую, сухую, пахнущую серой облачную грядку. Я потянулась вперед и вцепилась в Эша, схватившись сзади за его ремень, когда его тело начало исчезать в темноте. Сейчас не время разделяться.

Мы медленно крались сквозь темноту, низко пригнувшись. Вся усталость покинула меня с приходом второй волны адреналина. Мне хотелось спросить Эша, не можем ли мы раздобыть факел, свечу, или что-нибудь, что помогло бы нам понять, куда мы идем. С каждым шагом напряжение нарастало, словно веревка медленно затягивалась вокруг наших шей. К сожалению, картина слишком ярко предстала у меня в голове, и мой пульс стал ускоряться.

— Успокойся, — выдохнул Эш, и я кивнула, что было глупо, так как он не мог меня видеть. Мне хотелось глубоко вдохнуть, но воздух становился гуще от испарений. Замерев, я дернула Эша, чтобы он остановился, и потянула его назад, так, что он казался рядом со мной. И заговорила так тихо, как могла.

— Они знают, что мы должны были придти сюда, чтобы добраться до их Комнаты путешествий. Это то место, где они обучаются, так?

— Да, здесь они тренируются.

Я схватила его за руку, впившись пальцами в мышцу.

— С чем именно они тренируются?

Я знала ответ, знала его нутром. Огонь и лава — вот с чем они будут тренироваться, и они будут чертовски хороши в том, чтобы использовать их против чужаков.

Эш напрягся, и его рука задеревенела под моей.

— Бежим.

Словно связанные вместе, мы рванули вперед, пробегая сквозь испарения и дым; комната внезапно осветилась, когда огни вспыхнули вокруг тренировочной площадки. Лица были освещены, и ни одно из них не выглядело довольным. Эта картина была секундным осознанием того, что мы влипли, и нас точно по-настоящему уничтожат. Не имело значения, что те два Эндера, которых я, возможно, убила, перерезали бы мне горло и утверждали бы, что это случайность, не имело значения, что наши люди умрут, что мой отец умрет — никто не будет принимать это в расчет. Этих Эндеров это не волнует. Они не будут спрашивать, почему мы были здесь, или почему мы сделали то, что сделали. Их работой было сохранить свою семью от угроз. И впервые в жизни, именно этой угрозой была я.

Меня окутал страх, и мне захотелось зарыдать от понимания того, что сейчас произойдет, как много будет потеряно из-за жажды власти Кассавы. Из-за моей дурацкой способности предугадывать действия людей.

Лава, разлившаяся у наших ног, заставила нас притормозить. Я балансировала на одной ноге, жар жидкой смерти обрушился на меня как несущийся слон. Эш схватил меня и потянул назад.

— Мы просто хотим вернуться в лес, без какой-либо помощи ваших целителей, — голос

Эша был сильным и сдержанным. Спокойным.

Самый высокий из Эндеров шагнул вперед, его лицо было скрыто одной из этих черных масок, и пока он не заговорил, я не была уверена, что это мужчина.

— Вы убили двоих, ДВОИХ наших Эндеров. Вам известно наказание за убийство другого элементаля.

Эш наклонил голову.

— Но только если это не была самозащита.

В глубине души я знала, что Эшу никак не удастся решить конфликт переговорами. Он тянул время ради призрачного шанса, что мы как-то сумеем пробраться мимо них, что один из них утратит бдительность. Я закрыла глаза и молилась, тихо шепча губами слова:

«Богиня-мать, помоги нам попасть домой».

Никакого ответа на мою молитву не последовало, ничего такого, чтобы помогло бы мне понять, что она услышала меня или позаботится об этом. Я открыла глаза, видя комнату будто впервые. Теперь Эш умолял, достигая предела невозможного, чтобы заставить Эндеров понять его. Но они не собирались позволить нам уйти, у них было преимущество, и они знали это.

Круг черных доспехов сужался вокруг нас. Та веревка затягивалась вокруг наших шей дюйм за дюймом. За масками я могла видеть огонь, вспыхивающий в их глазах, когда они обращались к своим способностям, используя огонь как оружие.

Они бросают преступников в Шахту.

Но не сегодня. Я догадывалась, но времени объяснять это Эшу не было. Я достала копье и пронзила им Эндера, с которым он разговаривал, повалив его на пол.

Вокруг нас все запнулись в нерешительности, пытаясь осознать, что я наделала, и я воспользовалась этими секундами, как своим преимуществом. Раскрутив копье над головой, я проткнула им шею Эндера, находящегося справа. Внизу были еще двое, и как раз достаточно места, чтобы проскользнуть мимо тех, кто пытался убить нас. Эш не ждал, пока я скажу «Бежим». Мы промчались в крохотный проход, и тут же все позади нас взорвалось криками и пламенем.

Чьи-то руки вцепились в меня, таща за одежду; я пырнула в них кинжалом, отгоняя назад; пока мы спешили вниз по коридору, позади все залилось светом огненных шаров, отскакивающих от стен. Один со свистом пролетел мимо моей руки, но я не остановилась, не допустила и мысли о том, что могло бы случиться, остановись я. Если бы они поймали нас.

Мы прибежали в тупик, и мое сердце, казалось, остановилось, прежде чем я поняла, что это был не тупик, а дверной проем. Эш пинком открыл дверь, и потянул меня внутрь комнаты за собой. Взяв меч, он продел его через дверную ручку, тем самым выиграв для нас время.

Шаровидная комната была идентична нашей.

— Найди Редвуд, пока я ищу повязки.

Я сделала так, как он просил, быстро передвигая земной шар пальцами, поскольку дверь дребезжала позади нас. Редвуд привел бы Саламандр к нашему порогу. А последней вещью, в которой мы нуждались, была война между семьями. Закусив губу, я совсем немного переместила земной шар на север.

Возможно, мы бы смогли оторваться от них в таком месте, где нас не ожидали найти. Эш очутился возле меня и набросил повязку на мою руку.

— На всякий случай.

Я не понимала, что это значило, а времени на вопросы не было. Одной рукой он обнял меня за талию, когда дверь распахнулась. Мы обернулись, чтобы увидеть вломившихся в комнату Эндеров. Эш не спускал с них глаз, даже не посмотрел на глобус, когда я потянулась и коснулась места на самом севере леса. Нас окатило гневным ревом со стороны Эндеров, но они исчезли из виду, когда повязка перенесла нас на другую сторону света.

Мне не пришлось гадать увижу ли я воспоминания Эша снова: они нахлынули так резко, и были хуже, чем я ожидала.

Кассава стояла перед ним, одной рукой покачивая юбку в пыли под ногами, а другой указывая на его грудь.

— Я хочу, чтобы ты был моим личным Эндером. Ты должен будешь убедиться, что Лакспер не сможет достигнуть своих способностей, что она будет слабой. Ты понял?

Он резко выдохнул. Боль, нарастающая в груди могла сравниться лишь с его ненавистью к королеве. Он мог лишь ненавидеть ее, ведь она контролировала его, и не было никакой возможности доказать, что она сделала.

— Я понимаю.

Слова давались с трудом, и он боролся с ними. Он не хотел помогать ей, но выбирать не приходилось.

Она прищелкнула языком.

— Отныне, чем сильнее ты противишься мне, тем больнее тебе будет.

Он вздрогнул и опустил глаза, скрывая их от нее.

— Да, моя Королева. Я сделаю все, что должен, чтобы оставлять Лакспер бессильной.

Она потрепала его по голове, и тихий смешок раздался в воздухе.

— Хороший мальчик.

Воспоминание рассеялось, и мы покатались по чему-то черному и, судя по виду, мягкому. Но оно оказалось не мягким, а твердым, как кварц, измельченный и сброшенный в кучу. Он поранил мою кожу. Песок и гравий царапали руки и щеки, и скользя вниз, я болезненно приземлилась. Мои глаза были в сантиметрах от желтой полоски, которая, как я знала, указывала средину дороги. Я перевернулась на бок. Впереди были высокие здания с темными окнами и людьми внутри, которые и не догадывались, что мы неожиданно ворвались в их существование.

— Ларк, куда ты перенесла нас? — голос Эша донесся с расстояния в несколько футов. Я перевела на него взгляд, его воспоминания все еще жили в моем сознании.

— В Эврику.

— Почему, во имя Богини, ты перенесла нас в человеческий город? — прорычал он, поднимаясь на ноги.

— Потому что они — Саламандры — собирались последовать за нами, не так ли? — Я села и, поморщившись, убрала несколько осколков щебня с кожи.

Эш склонился надо мной.

— Может быть да, а может и нет. Скорее всего они пошлют гонца к королю и потребуют наши головы.

Я нахмурилась и медленно встала, все тело болело.

— Тогда я просто нас замедлила.

Он потер лицо ладонью.

— Да. Но я понимаю, почему ты это сделала. В другой ситуации, это был бы разумный выбор. Нам легче оставаться незамеченными среди людей, Саламандры слишком

выделяются.

Мир вокруг нас был тихим, пока нас не было, наступила ночь. Но тем не менее я чувствовала, как что-то готовится, что-то чудесное. Я глубоко вдохнула.

— Давай что-нибудь поедим, прежде чем отправляться.

Это остановило Эша как вкопанного.

— Ты голодна после всей этой бойни?

— Умираю с голоду. Я не ела три дня.

Я не пыталась объяснить ему, что произошло с Коулом, как я была поймана в ловушку какого-то заклинания. Я также не хотела думать о том, что, когда мы покинули дом, моя душа была чиста от злодеяний. А сейчас я убила четверых человек. Четверых.

— Ты думаешь у нас есть время, чтобы остановиться и поесть? — рявкнул он, и я резко развернулась к нему лицом, эмоции были на пределе.

— Послушай, ты, возможно, знаешь больше меня как Эндер, ты превосходишь меня в силе, но я голодна, и будь я проклята, если сделаю еще хоть один шаг, не получив еды!

Мой голос эхом разнесся по пустой улице, свет загорелся на верхнем этаже здания, и кто-то высунул голову наружу.

— Посмотри, что ты натворила. Ты разбудила человека, — гневно сказал он.

Вот только это не человек выглядывал из окна, ее длинные волосы развевались от ночного ветерка. Она помахала нам.

— Ты пришла за мной, я знала, что ты придешь!

Эш бросил взгляд на меня.

— Это Ферн?

Я пожала плечами.

— Да.

— И с чего бы ей думать, что ты пришла за ней?

Я прошла мимо него, направляясь к зданию.

— Потому что я помогла ей избежать гнева королевы.

Ферн встретила нас в дверях, одетая в длинную футболку, совершенно не скрывающую ее текущее положение. Эш вытаращил глаза, и я на мгновение почувствовала превосходство. Но это мгновение длилось не долго.

— Ты помогла женщине, вынашивающей ребенка короля, скрыться в человеческом городе? — схватив за руку, Эш развернул меня так, что мы оказались лицом к лицу.

— И мне снова придется перепрыгнуть ее, прежде чем ты побежишь и разболтаешь все своей хозяйке.

Его челюсть сжалась так, что мы услышали щелчок, и я не удивлюсь, если он сломал зуб.

— Она мне не хозяйка.

— Твои воспоминания говорят об обратном. Я не могу тебе доверять. Даже если ты не хочешь помогать ей, ты все равно по какой-то причине это делаешь. Ты в ее власти.

Гранит был прав, но я не рискнула посвятить в это Эша. На самом деле я могла доверять только Граниту.

Мы стояли в душном проходе в здание, и Ферн шикала на нас:

— Ведите себя тише, пожалуйста. Домовладелец очень раздражителен, и он выгонит меня на улицу, если будет слишком шумно.

Но я могла думать только о том, что Эш может навредить Ферн, хочет он этого или нет. Ему всего лишь надо сказать Кассаве, что Ферн беременна и скрывается в человеческом городе. Ему стоит только открыть рот, чтобы причинить вред, даже не замарав рук.

Его горло сжалось.

— Я не ее питомец.

— Я надеюсь, что ты прав. Потому что ее жизнь, — я указала на Ферн, — и жизнь ее ребенка зависят от твоего умения держать язык за зубами.

Оставив его, я последовала за Ферн в квартиру. Помещение было обставлено скудно, но у нее была пища в белой коробке, которую она называла холодильником. Ферн вытатила тарелку с едой, которая не вызвала у меня сомнений, хотя и выглядела как белые черви в красной луже грязи. Я съедала все, что она передо мной ставила, не чувствуя вкуса. Все рецепторы вкуса и запаха смешались во рту в простое топливо для тела. В какой-то момент она подала мне напиток, я выпила, и она снова наполнила стакан. В конце концов мой желудок удовлетворенно заурчал, и я откинулась на спинку стула.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Я не думала, что ты так много ешь.

Ее губы дрогнули и она посмотрела на три пустые тарелки, я пожала плечами.

— Это были тяжелые несколько дней.

Она села напротив меня, положив руки на стол.

— Теперь я могу вернуться? Я могу вернуться домой?

Я покачала головой.

— Нет, мы лишь ненадолго остановились здесь.

— Легочные черви глубоко в лесу, Ферн, — сказал Эш, шагнув в дверь и закрыв ее за собой на замок. — Там для тебя не лучше, а возможно даже более опасно.

Она прижала руку к пышной груди.

— Бэзил в безопасности?

Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать, что она говорила о моем отце, используя уменьшительное имя, как человек, который был к нему близок.

— Нет, не в безопасности.

Я не буду скрывать от нее правду. На ее месте, я бы хотела знать, что кто-то, кого я люблю, в опасности или умирает.

— Тогда я должна пойти к нему, я могу помочь ухаживать за ним.

Она встала, оттолкнув стул назад со скрипом, что вызвало крики из комнаты под нами.

Я положила свою ладонь поверх ее.

— Нет, ты ничего не сможешь сделать, чтобы помочь ему.

Ее глаза наполнились слезами, которые скатывались по щекам, оставляя мокрые полосы.

— Тогда ты должна спасти его для нас обоих.

Я кивнула.

— Я пытаюсь. Мы пытаемся.

— Так тебе поэтому нужно было поесть? Потому что ты пытаешься спасти своего отца? — Эш фыркнул, и мне ничего так не хотелось, как ударить его наотмашь. Но внезапная перемена в нем остановила меня. Из всех известных мне людей, он хорошо должен понимать необходимость быть в наилучшей форме перед тем, как встретиться с Кассавой.

— А если я рухну от усталости, не в силах вынести все, что грядет, потому что я не ела три дня, то что тогда?

Усмешка исчезла с его лица, и он кивнул, а его голос снова стал нормальным.

— Тогда, если вы закончили есть, Принцесса, полагаю, нам предстоит долгая пробежка.

Я уставилась на него, быстрая смена его отношения была в лучшем случае странной, и более убедительной, чем что-либо другое.

— Она... сейчас в твоей голове?

Он поднял ко мне глаза, медовые радужки были окружены мягким розовым сиянием — единственный признак того, что Кассава управляла им, контролировала его слова и действия.

Я сглотнула большой комок, растущий в горле. Какую бы власть она над ним не имела, сейчас та была в силе. Он больше не был Эшем, на которого я могла положиться, и я должна относиться к нему как к врагу. Он приподнял бровь.

— Нет, конечно нет. Но нам нужно идти. Нам нужно добраться до твоего отца.

Я закусила губу, быстро обдумывая ситуацию.

— Подожди меня снаружи, хочу поговорить с Ферн, прежде чем мы уйдем.

Он кивнул, поклонился нам обеим и вышел из комнаты, его шаги стихли. Дверь щелкнула за ним, и Ферн открыла рот, приготовившись говорить. Я поднесла палец к губам и опустила на пол. Склонившись головой к холодному, странно пахнущему материалу, я уставилась на основание двери. Затемненный свет, просачивавшийся снизу, говорил о том, что Эш не ушел, тень от его ног разделялась на две полосы.

Я встала и откашлялась, громко заговорив.

— Ферн, я думаю, тебе, возможно, лучше пойти с нами. Давай я помогу тебе одеться.

— Хорошо, Ларк, — ее глаза встретились с моими, и я покачала головой. Ферн, понимая, что я говорила все наоборот, быстро оделась. Шуршание ее одежды было

единственным звуком в квартире. Я подошла к двери и прислонилась к ней, желая, чтобы мне не пришлось обманывать Эша. На секунду или две мне показалось, что мы бы могли сработаться. Возможно, даже стать друзьями. Но только если бы я могла ему верить. Если бы Кассавя не контролировала его. У ее способностей должен был быть предел, потому что когда мы были в Шахте, он был в своем уме. Словно он мог думать самостоятельно.

Я закрыла глаза и сосредоточилась на том, что конкретно говорил Эш о повязке. Поворот против часовой стрелки вернет нас к месту принадлежности повязки, то есть обратно в Шахту. Я провела пальцами по гладкой черной поверхности, в первый раз рассмотрев ее. Языки пламени были вырезаны на прохладном камне в качестве основной темы, еще одно напоминание о том, откуда мы выбрались. Хотя остальные символы тоже находились в пламени. Я прикоснулась к дереву, словно одно оно могло перенести нас домой.

Из Комнаты путешествий в Шахте мы могли бы отправиться в лес. Опасно? Да, но так будет намного быстрее. Я понятия не имела, как пользоваться человеческими транспортными средствами. Эш, вероятно, знал как, но я не могла позволить ему сопровождать нас.

Я боялась, что мы уже опоздали, и отправится в Шахту было нашим единственным шансом выиграть время.

Ферн подошла ко мне, милое зеленое платье с высокой талией в стиле ампира помогало скрыть ее живот.

— Что-то не так?

— Эш работает на королеву, — я понизила голос, но видимо этого было недостаточно.

Дверь распахнулась, там стоял Эш с кинжалами в руках, и я схватила Ферн.

— Держись за меня.

Она обвила меня руками, и я повернула повязку против часовой стрелки. Последним, что я увидела, был Эш, метнувшийся вперед, и кинжалы, просвистевшие мимо, а потом мы отправились в путешествие. Я ожидала увидеть воспоминания Ферн, также как я видела воспоминания Эша.

Я не ожидала, что она увидит мои.

Она видела смерть моей матери. Видела смерть Брэмли. Видела, как украли мои воспоминания, и обман королевы.

А затем мы оказались лежащими в Комнате путешествий в Шахте. Я села, прежде чем прекратилось головокружение.

Снаружи послышался топот ног.

— Вы это слышали? — спросил мужской голос.

Я встала и протянула руки к карте, пока Ферн, лежащую у моих ног, тошнило. Я вращала глобус, увеличивая изображение до тех пор, пока передо мной не оказался дом. Но куда направиться?

Восточный фронт кишил легочными червями, и ни один Эндер не мог мне помочь. Кому же я могу доверять?

Гриффин.

Я скользнула рукой к южной границе, нагнулась и схватила руку Ферн.

— Не отпускай.

Дверь распахнулась, и я потянулась, чтобы коснуться южной границы леса. Стрела вонзилась в мою ладонь. Я закричала, и еще две стрелы попали в меня. Закрыв глаза, я

прижала руку к карте.

Боль обожгла правое бедро и руку. Если в этот раз и был обмен воспоминаниями, я их не видела. Или, возможно, мы были слишком отвлечены, чтобы беспокоиться об этом.

Я первой пришла в себя, боль в бедре вырвала меня из дымки путешествия. Я попыталась сесть, постанывая от боли. Теплая и влажная кровь просачивалась сквозь штаны, стекая по ноге. С быстрым поворотом я выдернула древко здоровой рукой, рывок отозвался в кости. Застонав, я осторожно встала на колени и подтянула правую руку к груди. Наконечник стрелы вошел прямо в ладонь, но мне была нужна помощь, чтобы вытащить его, древко торчало с другой стороны на добрых шесть дюймов.

— Ферн, — прошептала я и натолкнулась на обмякшее тело рядом со мной. В нее попала стрела? Я видела три, но меня задела только две. Трудно было единственной здоровой рукой осторожно перевернуть ее. Она плюхнулась, обмякшая, и я приложила руку к ее горлу. Пульс стабилен, хороший признак, и стрелы нигде не торчало.

Я потрясла ее.

— Ферн, пора вставать. Мне нужна твоя помощь.

— Она довольно долго пробудет в отключке.

Позади меня из-за кустов показался Гриффин, крадясь сквозь туман, будто волк, которым он и был.

— Нет времени, помоги мне с этими острьями. — я протянула ему руку.

— Уже попала в неприятность? — Он взял мою руку, обломал перистый наконечник стрелы и медленно потянул древко из раны. Боль не была такой уж сильной, или по крайней мере не такой сильной, какой я ее представляла. Или я начинала привыкать. Или, возможно, меня так сильно поранили накануне, что уже ничто не могло быть хуже.

Он оторвал с краю юбки Ферн кусок ткани и обернул им мою руку.

— Ты собираешься рассказать мне, что произошло?

Я покачала головой.

— Нет. Не хочу, чтобы кому-то еще приходилось вмешиваться в это без надобности.

— Вмешиваться во что?

Я откинула голову назад, обдумывая, как ответить ему. Как объяснить, что я убила других Эндеров, что Эш был под неким заклинанием, и что легочные черви убьют моего отца, как бы я не поступила.

Гриффин положил руку на мое бедро.

— Все в порядке, можешь не отвечать, мне не нужны подробности.

Он стянул расстегнутый ремень и запихнул кожу мне в рот.

— Прикуси, — я даже не сопротивлялась, хотя кожа отдавала потом и запахом волка.

Он выдернул стрелу, широкий наконечник выскользнул из плоти с такой же болью, как и вошел. Я сильно закусила ремень и смогла не закричать, с большим трудом сдерживаясь. Вторая полоса от платья Ферн послужила отличной цветной повязкой для моей ноги.

— Кассава сотворила все это. — Я махнула здоровой рукой над головой.

Гриффин приподнял бровь.

— Это не многое объясняет, если только ты не пытаешься сказать, что она создала лес, а мы оба знаем, что это неправда.

Я согнулась пополам, затем быстро выпрямилась.

— Она принесла легочных червей, и она знает, что если подождет до определенного момента с освобождением очистительного огня, мой отец умрет. Что сделает ее

единовластной правительницей.

Гриффин кивнул.

— Подозревал что-то вроде этого. Ты собираешься предпринять меры по этому поводу, не так ли?

— Что я могу сделать? Ты, возможно, прав на счет моих заблокированных способностей, но это мне не поможет. Я не могу встретиться с ней лицом к лицу, я не могу остановить ее.

Он преувеличенно выпятил нижнюю губу.

— Ты думала, что это будет легко? Что она просто ляжет и позволит тебе поставить ногу на ее грудь и провозгласить победу?

— Нет, конечно нет. — Хотя картинка была довольно привлекательной. — Я хочу оставить тебе Ферн, чтобы ты обеспечил ей безопасность.

— И что ты собираешься делать?

Я сглотнула, комок в горле увеличивался.

— Я собираюсь спасти отца.

— Тогда тебе понадобится это.

Нахмурившись, я пристально смотрела, как он нагнулся и поднял маленькую сумку у ног. Открыв ее, он немного покопался и затем бросил мне сверток размером с яблоко. Я не глядя поймала его в воздухе.

— Давай, открой его, — он махнул мне обоими руками и сел на бревно.

Я покрутила сверток в руках. Он был сделан из кожи и перевязан сухожилием какого-то животного, кажется оленя. Развязав узел, я открыла сверток. Внутри лежало ожерелье из каменных бусинок с подвеской в виде большого клыка хищного животного. Ослепительно белый, с идеальными изгибами, он был около четырех дюймов в длину. Я провела пальцем по гладкой поверхности, чувствуя тепло, исходящее от него.

— Что это?

Он улыбнулся во весь рот.

— Мой тезка. В зубе грифона заключена большая защитная сила.

Я подняла глаза.

— Зачем ты даешь мне это?

— Надень ожерелье, Принцесса. Оно уберет тебя от червей.

— Я должна отдать его тому, кому он действительно нужен. Например, моему отцу.

Глаза Гриффина погрузнели.

— Слишком поздно, черви к тому времени проникнут слишком глубоко, и ты это знаешь. Сейчас наша задача как можно скорее отправиться за огнем. Ожерелье помогло бы ему на первых порах, если бы мы доставили его в сохранности от королевы.

Сердце дрогнуло, когда я сжала ожерелье в руках.

— Тогда почему ты не отдал его моему отцу? Он находится под угрозой, не я.

— Он всегда будет под угрозой. Ему всегда придется быть осторожным со своими чувствами, с теми, кого он любит, — и он указал на спящую Ферн. Да, я все отлично понимала. За любовь к моему отцу приходилось платить высочайшую цену. Ставить на кон свою жизнь. Как это сделала моя мама. А теперь Ферн пойдет той же дорогой.

Гриффин встал и подошел ко мне, взял ожерелье и надел через голову.

— Драгоценного времени осталось совсем мало, если ты хочешь спасти тех, кто презирает тебя и того, кто заботится о тебе.

Он положил руки на мои плечи.

— Когда закончишь, верни мне ожерелье. Это услуга.

Я развернулась по направлению к дому, остановившись, чтобы оглянуться.

Гриффин сильно содрогнулся, его кожа и мышцы дрожали, пока он превращался в волка. Серебряно-черный мех переливался при легком дуновении ветра, когда он встряхнулся. Откинув голову назад, он издал долгий вой, который отразился эхом в моем сердце. Слова без слов.

«Беги, дитя земли, беги, чтобы спасти тех, кого любишь.»

Это было нереальной задачей, по крайней мере, для меня. Мне нужно добраться туда, где был Викар, и использовать очистительный огонь.

Правда, сначала нужно было его найти.

Спираль была лучшим источником информации. Пока я бежала трусцой, мой пульс стабилизировался, но нога гудела от боли, и я приложила все усилия, чтобы проигнорировать ее. Во время бега страх начал медленно исчезать, что позволило сделать мою связь с землей более обостренной. Ее сила скользила по моему телу, излечивая раны, и зажигая мое сердце надеждой.

Я бежала ради всего, что ценила, сила руководила мною, давая мне нужную скорость и мощь. Ту возможность, в которой я нуждалась.

Деревья размывались приглушенно-красным цветом коры и зеленью иголок, когда ноги понесли меня быстрее, чем в первый раз, когда я смогла также подключиться. Быстрее и быстрее. Необходимость и надежда руководили мной, я должна это сделать не для себя, а для своей семьи.

Ради отца и Ферн. Ради всех, кому могла навредить Кассава для того, чтобы занять место на троне. Я должна была верить, что я смогу остановить ее, что придет конец этому безумию.

Минуты спустя я резко остановилась перед Спиралью, легкие и ноги требовали отдыха. Я упала на колени и вдыхала воздух большими глотками. Тело полностью исцелилось во время бега, сила земли полностью смыла остатки боли.

На дежурстве стоял Эндер Снэп, один из любимчиков Кассавы, глядевший на меня с явным отвращением.

— Иди отсюда, Бесплезная.

— Мой отец, — выдохнула я, согнувшись пополам, — мне нужно поговорить с ним.

Я искренне надеялась, что успею добраться до отца и одеть на него ожерелье. Возможно, Гриффин был неправ, и ожерелье защитит моего отца, если я все успею вовремя.

— Его здесь нет.

— Где он? — я выплевывала слова, желая пнуть Снэпа по яйцам за то, что он вел себя как кусок червивого дерьма.

— Все еще на восточном фронте. Но это не должно волновать тебя. Почему ты не на поле с остальными?

Он отвел взгляд всего лишь на одно мгновение, но я все поняла. Снэп лгал мне, отец был где-то здесь. Только вот где? Я простонала и побежала от Спирали к казармам Эндеров, игнорируя крики Снэпа, доносившиеся мне вслед.

Мои шаги отзывались эхом в просторной пустой комнате. Вся эта опустошенность охладила мой пыл. Тут не было никого, ни единой души. Разумеется, я пробежалась по всем коридорам и спальням. Никого. Я с трудом сглотнула. Снэп что-то спрашивал о том, почему

я не с остальными. Действительно ли было место, где собрали всех?

Я побежала в комнату целителей. Также пуста. Мое горло сжалось. Неужели они все умерли? Я уже опоздала?

Я бросилась назад к месту, откуда пришла, и увидела то, что заставило меня резко затормозить. Кора молодой секвойи зашевелилась передо мной. Новый побег деформировался, когда большой червь начал вгрызаться глубже, пока рябь не прекратилась. Дерево на мгновение задрожало, и мне показалось, что я услышала крик боли.

Черви действительно были здесь. А раз их было так много, никто не сможет спастись. Я коснулась ожерелья, надеясь, что Гриффин был прав, и оно меня защитит.

Добираясь до поля, я петляла между домами, заглядывая в окна и ища хоть какие-нибудь признаки жизни.

Ничего.

Внезапно рука, появившаяся между двумя домами, схватила меня. Я завизжала, и Коул прижал меня к себе.

— Тише. Слушай меня внимательно. Твой отец очень слаб, и теперь вся власть принадлежит Кассаве. С ней Сильф, высокий. Я помню, как ты рассказывала о Сильфе с шрамом в твоих видениях. Мне так жаль, что я тебе не поверил... — внезапно его глаза потускнели, а сам он выглядел так, как будто ему отключили энергию. Я заставила его посмотреть на меня. Его белки были проклятого розового оттенка.

— Коул, что ты делаешь? — я потрясла его, но он просто стоял. Я толкнула его так, что он резко ударился о стену и упал. Я не смогла его поднять, поэтому заставила сесть. Я не хотела быть с ним вместе, но это не означало, что я перестала заботиться о нем.

В отдалении я услышала шум большой толпы. Ровный и монотонный гул тянулся ко мне по земле, как прерывистое сердцебиение. Я последовала за ним, завернув за последнее большое дерево, и не смогла поверить тому, что оказалось передо мной.

Все люди стояли на площади, которую мы использовали для больших собраний. Они кашляли и стонали, их дыхание сопровождалось булькающими звуками, а черви постепенно съедали их органы.

В центре стояла Кассав, с поднятыми руками. Розовое свечение искрилось вокруг ее тела, что было подтверждением того, что она управляла всей нашей семьей.

Но мое внимание привлекли остальные. Как и у Коула, в их глазах не осталось жизни. Они умерли для всех желаний и надежд. Хотя я знала, что они живы, видела, как поднимаются и опускаются их грудные клетки, слышала бульканье в их легких, сопровождающее дыхание.

Я вонзила пальцы в рядом стоящее дерево, чувствуя, как червь ползет под моей ладонью. Что, черт возьми, я могла сделать? Что?

Гранит был здесь, стоя за Кассавой. Эш, Блоссом, Мэл и другие Эндеры были в нескольких футах от нее. Почему же Снэпа оставили в Спирали? Видно, он был должен что-то охранять.

Моего отца. На меня обрушилась горькая правда. Мой отец был в Спирали, и Снэп охранял его. Но я не могла сдвинуться с места, вид передо мной был столь же гипнотизирующим, как и смертельный танец кобры.

Что делала Кассав? Розовое свечение жужжало как рой пчел, пульсирующий вокруг всех присутствующих. Как это заставляло их перемещаться, когда они были так больны, что большинство из них не должно было и на ногах стоять?

— Где же ты, Лакспер? — позвала Кассав, и у меня появилось желание повиноваться ее голосу, но, быстро подавив его, я осталась стоять прижатой к дереву, впившись ногтями в кору.

— Лакспееееер, — ее голос разнесся над людьми, моей семьей, и они... с жутким стоном повторили мое имя так, что меня сразу замутило. — Найдите ее и приведите ко мне.

Ох. Дерьмо.

Сердце подскочило к горлу, и я не стала терять времени. Мне нужно попасть в Спираль. Когда я проходила мимо Коула, он схватил меня за лодыжку так, что я упала. В долю секунды он оказался на мне, и хотя я знала, что мешкать нельзя, я остановилась. Мне не хотелось причинять ему боль.

Но Коул не мешкал, и дернув меня за лодыжку потащил к Кассаве и толпе. Я дотянулась до своего кинжала и метнула в его руку. Кровь полилась из раны, капая на меня, слои мышц и плоти колебались с каждым шагом Коула.

Но он не отпускал меня, и я зарыдала. Ужас за себя, за Коула, за всю семью окутал меня с ног до головы. Копье было единственным шансом освободиться.

— Коул, отпусти меня, иначе я отрублю тебе руку! — завопила я, надеясь достучаться до него, разорвать чары.

Он мне не ответил, и продолжил так же уверенно двигаться вперед.

Глаза налились слезами, когда я вытащила копье. Угол для метания был неудобным, но я знала, что смогу справиться. Просто я не хотела. Приближение к толпе отрезвило меня и придало мне сил сделать это, спасти свою жизнь. Я сильно полоснула копьем по запястью Коула. Лезвие разрезало кость, словно та была молодым побегом папоротника, с легкостью разрубив руку пополам. Он не закричал, но кровь хлынула из его ампутированной руки, и я знала, что он не переживет этого, если не доберется до целителей. Его кисть все еще сжимала мою лодыжку, когда я вскочила и побежала, рыдая. Я не остановилась, чтобы взглянуть, что будет дальше: упадет ли он или будет продолжать идти. Я сбросила его все еще теплую, вздрагивающую руку и рванула вперед.

Я должна попасть в Спираль прежде, чем кто-нибудь еще меня схватит.

И с одним шансом на тысячу, удача мне не улыбалась.

Совсем не улыбалась.

Я побежала к Спирали, но ноги замедлили темп по мере приближения, разум убеждал меня в уже известной правде.

Я не могла избежать этого. Гриффин был прав, и я это знала. Мой отец был одним из первых инфицированных, и я не могла зависеть от его благополучия ради всех нас.

Даже если мне удастся выжить, Кассава все так же будет преследовать меня, она продолжит попытки убить моего отца. Тяжело дыша, скорее из-за эмоций, чем из-за бега, я резко развернулась, мозг кипел. Затем, запрокинув голову, я посмотрела наверх. Деревья были высокими и густыми, ветви во многих местах соприкасались. Многие дети играют на ветвях, страхуя себя уверенностью, что если упадут, то смогут смягчить землю при посадке. Я в эти игры никогда не играла, не после того, что Кассава сотворила с моей семьей.

— Давай, Ларк, ты справишься, — уверила я себя.

Дети использовали свою связь с землей, чтобы цепляться за деревья, как обезьяны. У меня не было более удобного шанса, чем сейчас, чтобы узнать, могла ли так и я.

Я побежала прямо к ближайшему стволу, впиваясь руками и ботинками в кору. По крайней мере, это то, что я пыталась сделать.

— И куда, скажи на милость, ты собралась? — сказал Эш так властно, что я поняла, это не он, — Разве ты не хочешь посмотреть, что мы для тебя приготовили?

Я не взглянула вниз, не сказала и слова, просто пыталась найти точку опоры на стволе; с моих губ сорвался крик, когда он схватил меня за лодыжку.

— Пожалуйста, — взмолилась я, надеясь, что Мать Природа услышит меня и ответит. Ничего.

Он с силой дернул меня, и я тяжело свалилась вниз, ударяясь о землю, воздух покинул легкие, не оставив внутри кислорода.

Я перевернулась на спину, чтобы посмотреть на него. Глаза его, конечно же, светились розовым, как и у остальных.

— Эш, она управляет тобой, ты знаешь, что это она! Ты можешь бороться с ней.

Его челюсть дернулась, и он встряхнул головой.

— Ты не знаешь; ты неуязвима для нее.

Он упал на колени, и я схватила его за обнаженные плечи, чувствуя, насколько холодной была его кожа. И липкой, как будто он был болен.

— Что ты говоришь? Почему я неуязвима?

— В тебе есть что-то, удерживающее ее заклинания, которые находятся в ее кольце, Ларк. Кольцо наделяет ее силой, способной управлять людьми. Она не может контролировать тебя так же, как остальных. Вот почему она сохраняет тебе жизнь, она пытается выяснить...

Он закашлял, и червь выскользнул из его рта, вязкий и извивающийся. Червь был длиною в два дюйма и раздутый после вкусной закуски из плоти и крови Эша, его изгибающееся тело покраснело, отчего меня затошнило.

— Эш, — я прошептала его имя, сжав руки, — ты болен, мы должны отправиться к целителю.

Даже при том, что я знала, что целитель ничего не сможет сделать, это была хоть какая-то помощь.

— Ты должна остановить ее, — его глаза, которые были нормального цвета, встретились с моими, — ты — единственная, кто может противостоять ей.

Я опустила руки, и его глаза вновь обрели розовый оттенок. Он нанес мне удар слева, попав по голове так сильно, что казалось, он выломает мне челюсть. Наклонившись, он схватил меня за лодыжки, так же как и Коул, и потащил в казармы Эндеров.

— Думаю, пришло время тебе покаяться в своем непослушании. Время тебе уяснить свое место, Бесплезная. Думаю, мы повременим с твоим убийством, чтобы показать тебе разруху, когда закончим.

Он сильно толкнул меня, и я ударились головой о выступавший камень, получив сотрясение.

В казармах Эндеров он потащил меня по тренировочной площадке, и я вцепилась ногтями в грязь, извиваясь и крутясь всем телом. Пытаясь освободиться. Но даже зараженным, Эш был слишком силен, а я потеряла все оружие. Он спустил меня на нижний уровень, где находилась темница, грязная дыра, полная пыли и ржавчины. На занятиях она служила наглядным примером, но никто не использовал ее иначе еще до врем моего отца. Не было надобности. Камеры были сделаны наподобие человеческих, это была тюрьма, где невозможно было прикоснуться к земле или выбраться через нее. Камеры были местом небытия. Куда преступника могли забросить и забыть о нем на многие годы.

Он схватил меня, и начал запихивать в клетку. Я всеми силами уперлась руками в косяк.

— Эш, пожалуйста, прекрати!

— Он не может. Она держит его в плену. Сейчас особенно сильно, — проговорил голос, который я хорошо знала, очень хорошо знала. Во всем этом я была не одна; Гранит поможет мне.

Шок заставил ослабить мою хватку, и Эш втолкнул меня в клетку. Я сильно ударилась о противоположную стену. Гранит шагнул, и я увидела его сильное стройное тело, на нем не было никаких признаков болезни.

— Гранит, ты должен остановить ее, — сказала я, встав на ноги, как только лязгнула дверь. Из моих губ вырвался стон. Теперь мы оба были в ловушке.

— Ларк, знаешь, что она хочет убить тебя? Понимаешь, что происходит? — он присел передо мной, его глаза выражали сострадание.

Я покачала головой.

— Эш сказал, что она не может подчинить меня себе, как остальных.

Он скривил губы, ухмыляясь.

— Ну, это с одной стороны.

Он достал из-за спины несколько предметов и разместил их перед собой на полу. Он попросил меня подойти ближе, что я и сделала, гадая, что он задумал.

Он поставил перед маленькую, пустую, бледно-красную миску, небольшую сумку и фляжку. Он медленно смешивал ингредиенты из сумки с содержимым фляжки, продолжая говорить.

— Ты одна из последних, Ларк. Ты одна из единственных элементарей в мире, которые могут контролировать не один, а два одинаковых элемента сразу. Ты — полукровка, но не такая, как твой друг Кактус. Он едва ли может достичь единства с землей, и я сомневаюсь, что ему будет по силам посеять росток.

Я кивнула. Я знала это. Знала, что именно поэтому не одобрялись отношения между выходцами из разных семей. Так происходило смешение крови, и способности сводились до

минимума. Кактус, для полукровки, был силен, его умение связываться с землей было чуть лучше моего. Но в мире полукровок это могло сойти за хорошее достижение.

Гранит медленно перемешивал порошковидную смесь.

— Ты можешь достигнуть этого, и это делает тебя очень опасной. Вот почему королева заблокировала твою связь с землей.

— Ты... знал?

— Да, я пытался заставить тебя прорваться через блок, который она поставила. Но я не смог, не смотря на то, что намного усложнил твоё обучение.

— Ты попытался, и это хоть что-то, в отличие от действий других людей, — я судорожно выдохнула, — но я все еще должна найти способ остановить ее. Она собирается убить моего отца.

Он одарил меня нежной улыбкой.

— Не шевелись.

Я сделала, как он просил. Опустив два пальца в миску, он размазал содержимое по моему лбу. Смесь была теплой, и казалось, что впитывалась сквозь кожу и кости. Во рту пересохло, когда он убрал руку от моего лба.

— Для чего это?

— Чтобы убедиться, что ты не разрушишь блок, который она поставила на тебя.

Я хлопнула рукой по лбу, но ничего не почувствовала.

— Гранит, почему?

Встав, он пожал плечами.

— Потому что твоя мать любила и меня. Но твой отец убедил ее, что он лучше. И это убило ее. Я пообещал себе, что не позволю тебе пострадать, когда придет время. Я сделал так, чтобы королева отправила тебя далеко, в тот момент, когда вторглись черви, и это все, что я смог сделать. Это был единственный способ, Ларк.

Внезапно, я поняла, чем было вызвано мое трехдневное пребывание с Коулом у границы. Это сделала королева.

— Ты никогда не был болен, не так ли?

Он покачал головой.

Слезы жгли глаза.

— Эш не принадлежал ей. Это был ты. Ты ее питомец.

Он повернулся ко мне спиной, и постучал по решетке.

— Эш, выпусти меня.

Дверь, скрипя, открылась, а я сидела, тупо уставившись на Гранита.

— Я доверяла тебе! Ты был моим другом!

Он обернулся через плечо.

— И это твой промах, Ларк. Ты не должна никому доверять в этом мире. Все будут использовать тебя, точно так же, как король использовал твою мать. Возможно, ты усвоишь этот урок лучше, чем она. Если сделаешь это, то сможешь выжить. Но я сомневаюсь в этом.

Дверь захлопнулась, и я уронила голову на колени, пытаюсь распутать клубок мыслей. Гранит помогал Кассаве. Он заставил меня не доверять Эшу. Почему?

Возможно, из-за того, что Эш был единственным, кому я должна была доверять. Единственный, не считая меня, кто понял зло, которое сеет королева.

Я подошла ближе, прижимаясь лицом к прутьям. По ту сторону, довольно близко к решетке, был Эш. Опускаясь вниз, я, чуть помешкав, потянулась к нему через прутья.

Достаточно было коснуться его голых плеч. Если бы я подчинила себе обе родословные, тогда мне бы удалось контролировать и Душу тоже. Если бы только мне удалось разрушить внутренний барьер. Когда я касалась его раньше, розовое свечение в его глазах исчезало, и он был самим собой. Червивое дерьмо! Можно подумать, это было так просто? Сработает ли это вообще после того, как Гранит намазал эту чертовщину мне на лоб?

— Эш, пожалуйста, ты должен прислушаться ко мне. Мне нужна твоя помощь. Я знаю, что ты не хочешь, чтобы она лезла в твою голову. Я видела твои воспоминания. Я видела твою ненависть к ней. Ты должен бороться с ней, знаю, ты можешь, ты достаточно силен.

Я положила руку на его колено и сжала его. Он мгновенно одернул ногу. Не такой реакции я ожидала. Но затем он схватился за мои пальцы, так крепко, что суставы хрустнули. При прикосновении его глаза стали нормального цвета.

Мать Богиня, это, кажется, сработало. Эш резко упал, и если его высокая температура была признаком лихорадки, то он был в беде. С мучительной медлительностью он посмотрел на меня.

— Ларк, как ты смогла заблокировать ее?

— Мне кажется, мои прикосновения лишают ее контроля. Пока я не позволяю ей захватить меня, я могу сохранять твое сознание, — прошептала я. Голова начинала болеть, давление усилилось. Аромат корицы ударил в нос, и я встряхнула головой, немедленно об этом пожалев.

— Ты должна бороться со смесью, которую дал тебе Гранит. Ты должна пробраться через нее, — закашлялся Эш, не отпуская меня.

Я покачнулась, когда моя голова ударилась о прутья.

— Как? — Линии нарисованные на моей голове, казалось соединились воедино, стягивая и защемляя мою кожу, а боль эхом отразилась в мозге. Стон вырвался из меня, и рука Эша сжала мое плечо.

— Не уверен, но тебе нужно использовать свои способности. Это все, что я знаю.

Много же помощи от него было. Но хоть что-то. Я сфокусировалась на боли, что было вполне легко. Мое тело сотрясалось от спазмов в голове, и представление о том, как вытеснить блок, сложилось в четкую картинку: я на поле, выдирающая противные сорняки, которые убивали жизнь в семенах. Мысленно, я могла представить, как края смеси обволакивают меня, словно те семена. Я сконцентрировалась на ней, затем поднесла пальцы ко лбу, куда Гранит нанес густую мазь.

— Уходи! — прошептала я, всеми силами выталкивая ее. Пот струился по лбу. Аромат корицы снова заполнил воздух, когда я убедилась смесь покинуть меня. Я начала вытирать ее, так как она выходила через кожу.

— Вытри вот этим, — проговорил Эш, протянув мне влажную ткань. Я стерла остатки мази, задыхаясь, будто после длительной пробежки, но боль исчезла, как и запах корицы. Я заставила себя сесть, одной рукой держась за Эша.

— Эш, освободи меня, мы должны добраться до Кассавы. Мы должны остановить ее.

Он покачал головой.

— Нет, я должен оставаться в клетке. Если она попытается позвать меня через землю, она тогда не сможет добраться до меня. Там она не сможет коснуться меня. — Он вытащил связку ключей и свободной рукой открыл дверь камеры. Он закашлялся, отдергивая руку от меня. Я высвободилась и усадила его на кресло, положив руки ему на лицо.

— Жаль, что я не могу вылечить тебя, — прошептала я, — но ты болен не так давно. Я

выпущу очистительный огонь, и ты обязательно поправишься.

Он кивнул. Я помогла ему зайти в клетку и уложить на пол. Он тяжело дышал, кожа была невероятно сухой. Если ему так быстро стало плохо, в каком же состоянии находился мой отец?

— Ларк. Кольцо. Сними кольцо с ее руки, и ты очистишь общие умы.

Я кивнула, ничего не сказав.

Я старалась не думать о том что может произойти, когда покинула Эша, бросившись в коридор. Я остановилась возле тренировочного зала. На противоположной стороне был сложен мундир Эндера. Коричневый, кожаный, достаточно толстый, чтобы принять удар от оружия, стянутый пряжками и заклепками, отполированный до блеска. У меня, возможно, никогда не будет шанса носить его.

— К черту все. — Я побежала через комнату, скидывая одежду, в которой была. Если я умру, то буду честной сама с собой, да и была высока вероятность появиться эффектно. Нет, серьезно, я знала, что это было мое время, чтобы быть Эндером. И обмундирование принесет мне больше защиты, чем мой тренировочный наряд. Кожа отдавала прохладой, когда я проскользнула в нее, темно-зеленый шелк уменьшал трение до минимума. Затянув пряжки, я почувствовала себя лучше. Более подготовленной.

Я затянула пояс с разнообразным оружием. В основном, с клинками. Но у меня было собственное копьё. Мамино копьё. Если мне выпадет шанс убить Кассаву, то я убью ее копьём моей матери.

Я пошла в комнату и вытащила его из-под кровати. Древесина почернела, словно прошла через огонь, но сталь была отполирована до блеска. Я повернула оружие к свету, лезвие ловило и отправляло мерцающий свет по острию оружия.

— Будьте со мной, мама, Брэм. Помогите мне сразиться с ней. Помогите мне вернуть воспоминания. — Я приложила оружие ко лбу, а затем повернула в руке. Решительным разворотом я разрешила воздух, на этот раз зная, что я была единственной, кто сможет спасти нашу семью. Я была единственной, кто сможет остановить это безумие. Но в действительности это было не для них, то насколько я любила отца и то, на сколько была опустошена, если бы его убили, в данный момент имело больше значения, чем все остальное.

Я открыла дверь, направив копьё вперед. У меня было множество причин убить королеву, но только одна имела значение.

За тебя, мам. За тебя и Брэмли.

Моим планом было пробраться небольшими перебежками через Край, прячась от тех, кто мог меня схватить. Но когда я выглянула из-за казарм эндеров, я поняла, что этому не суждено сбыться.

— Я рискую стать кормом для червей, — пробормотала я себе. Все те, кто еще был в состоянии передвигаться, блуждали по главной дороге, их глаза светились совсем нездоровым розовым сиянием, словно это было страшное заболевание «розовых глаз» на пике своего развития. Если бы все было так просто.

В казармах не было запасного выхода, и, следовательно, если я попадусь им на глаза в дверях, то меня просто зашибут. И тут до меня дошло. Они искали меня, а длинные светлые волосы сильно выделялись в толпе. Я вбежала внутрь, схватила шлем и спрятала волосы под ним, затем закрыла лицо верхней темно-коричневой частью шлема, оставив на виду одни лишь глаза. Если кто-то подойдет достаточно близко, то он меня узнает, так как я — единственная, у кого один глаз золотой, а второй зеленый. Но я была уверена, что они не будут вглядываться. Или, по крайней мере, я очень надеялась на это.

Быстро передвигаясь, я, как можно увереннее, вышла из казарм, обойдя первых встречных без проблем. Они даже не оборачивались в мою сторону. Ни на секунду. Сердце бешено колотилось, словно стадо диких лошадей, испуганных грозой, но, тем не менее, мне удавалось идти размеренно.

— Кто ты, черт побери?

Я знала, что это был Снэп, и знала, что у меня не было выбора. Я повернулась к нему блокирующим ударом, и, вытянув копьё, рубанула его по шее. Голова откатилась в сторону, глаза и рот были раскрыты, когда жизнь покинула его.

Все как один повернулись ко мне.

— Здравствуй, малышка Лакспер, — произнесли они хором, но не совсем синхронно, что заставляло их звучать странным эхом одного голоса. Я не могла всех их убить, да и не хотела — это было не их рук дело. Мой выбор был прост. Я могла попытаться пробиться, к чему я была не готова. Или я могла дать Кассаве то, чего она хочет.

— Я пришла к тебе, стерва. Ты все еще на площади?

Все откинули головы назад, и смех начал сотрясать их истерзанные тела, черви вываливались изо ртов, кровь стекала по лицам. Глаза защипало от слез. Это был наш народ, наша семья. Как она могла так поступить с ними?

Смех резко прекратился, и каждый повернул голову в мою сторону.

— Тогда иди, мыльшка Лакспер. Позволь мне увидеть тебя... увидеть тебя... тебя.

Упираясь торцом копья в землю, я двинулась вперед. Поход к полю для собраний был странным и волновал меня. Окруженная со всех сторон, я не могла сбежать. Почему Кассави не приказала им просто напасть на меня?

Я знала ответ, она жаждала внимания и, без сомнения, хотела, чтобы я увидела ее гениальный план.

Как, черт возьми, я должна сделать свое дело? С Кассавой были Гранит и Викар. Как минимум. Что если с ней были и другие элементали? И что насчет моих братьев и сестер, они будут сражаться с ней, или против нее?

Я вздрогнула, когда представила себе саламандру. Как Мегги. С пересохшим ртом я

вступила на край поля для собраний, наш народ остался позади меня. Я предпочла считать, что они были там, чтобы поддержать меня, притворяясь, что они подбодрят меня.

Кассава сидела на импровизированном троне на возвышении посередине площади. Гранит стоял справа от нее, Викар — слева. У ног Викара лежал глиняный горшок, размером с большую тыкву. Я не сомневалась, что в нем был очистительный огонь.

— Освободи огонь, Кассава. Я знаю, он у тебя, — прокричала я через поле.

Она указала на меня пальцем, подзывая подойти поближе.

— Что ты сделала с моим Эшем? Я больше его не чувствую.

— А чувствуешь Снэпдрегена? — Я твердо стояла на своем.

Ее глаза сузились.

— Нет.

— Я убила обоих.

Она рассмеялась, и толпа засмеялась вместе с ней, они выстроились в прямую линию, сцепив руки вместе, и начали подталкивать меня вперед. Черви переползали с них на меня, но когда они касались моей кожи — падали, корчась.

Спасибо, Гриффин.

Чтож, Кассава хотела, чтобы я подошла ближе, и это совпадало с моими планами. Я отошла от подталкивающих рук и двинулась по травянистому полю.

— О, вы только посмотрите на нее. Сначала она думает, как будто я поверю, что она убила двух Эндеров, а теперь пришла, считая, что может меня ранить. Глупая девчонка. Гранит, она твоя.

Я замерла.

— Не делай этого. Не надо, Гранит. Ты не в ее власти, я вижу это по твоему лицу.

Собственно, вокруг него не было свечения, когда он вытащил парные клинки из ножен по бокам.

— Ты права, я не под ее властью. Я делаю это по своей воле. Наш король слаб; Кассава — королева, которая нам так нужна. Она та, кто спасет наш народ от того, чтобы быть придверным ковриком у других элементарей.

Его глаза были суровы, и он взмахнул лезвиями передо мной, прокручивая их по дуге. Я пригнулась и полоснула его ноги краем копья, из-за чего он оступился. Не останавливаясь, я пырнула его толстым концом в грудь так, что он приземлился на задницу.

— Гранит, я не хочу делать тебе больно. Ты мой наставник, мой друг. Ты спас мне жизнь!

— Тогда ты мне ее должна, не так ли? — прорычал он, прежде чем прыгнуть на меня.

Я заблокировала его удары, с трудом увернувшись от его кулака, когда он замахнулся на меня.

— Даже сейчас, ты стараешься не причинить мне боль.

Он замедлился, и его глаза наполнились почти осязаемой печалью.

— Ты недостаточно сильна, чтобы быть здесь, Улани. Тебе придется уйти.

Кассава зарычала:

— Она — не Улани. Это Лакспер, и ты самостоятельно убьешь ее, либо я заставлю тебя!

Тело Гранита напряглось, и я струдом удержала руки спокойными, а оружие опущенным.

— Если ты любил ее, тогда ты должен желать смерти той, кто убила ее. Ее погубили не легочные черви, Гранит. Это была Кассава. Она убила мою маму и брата.

Гранит покачал головой.

— Не жди, что я поверю тебе.

Я указала копьем на Кассаву.

— Спроси ее. Узнай правду, прежде чем убить меня.

Прежде чем он обернулся, Кассава разразилась смехом.

— О, Богиня, это так забавно. Гранит, я убила Улани и ее ублюдка, с улыбкой глядя на их смерть. И вот, ты дал мне клятву, нерушимую клятву. Так что делай, как я приказала, и убей последнее дитя Улани. Сотри ее с лица матери-земли.

Лицо Гранита побледнело с тревожной скоростью.

— Ты... — Он упал на колени, мотая головой. — Но я помню Улани и червей.

Кассава фыркнула и розовое свечение охватило ее руку с кольцом, прежде чем она щелкнула пальцами.

— Вот, получи обратно свои глупые воспоминания. Все до единого. Все те, что ты просил меня забрать, чтобы не чувствовать больше боли.

Гранит упал на землю, словно придавленный валуном, содрогаясь. Я пробежала мимо него вверх по земляной насыпи.

— Я так рада, что ты решила подойти по собственной воле, Лакспер. Что же у тебя за способность, позволяющая избегать мои приказы? Хмм? Твоя мать была полукровкой, неспособной коснуться сил земли. Так-так. Какое оправдание у тебя есть для того, чтобы противостоять мне?

— Эш противостоял тебе. — Я остановилась в пятнадцати футах от нее.

Она отмахнулась от меня.

— Ба, он упрям, как никто другой. Он по-прежнему делал все, что я захочу. Но я позволяла ему думать, что он может сражаться со мной. Это держало его в узде.

Моя челюсть напряглась.

— Освободи огонь, Кассава, и я позволю тебе уйти.

Ее брови взлетели.

— Ты. Позволишь мне. Уйти?

Я кивнула.

— Да. Уйти. Иными словами, я не буду препятствовать твоему уходу. Просто освободи огонь, позволь нашему народу исцелиться.

Она хитро усмехнулась.

— Победи Викера в рукопашную, и я освобожу огонь.

Она поманила Викера пальцем, и тот обошел ее. Он широко улыбался, скаля зубы.

— Я подумал, что вижу призрака, когда первый раз заметил тебя на тренировке. Зная, что я собираюсь убить ту, что скрывалась от меня все эти годы, так приятно будет завершить начатое.

— Ты слишком много болтаешь, — проговорила я, прыгнув на него, зная, что он не ожидал такого. Ну, я надеялась на это.

Он уклонился от удара, и я упала на колени. Он пнул меня в бок, но я уже сдвинулась с места, так что это был лишь скользкий удар, едва задевший ребра. И все же, ему удалось хорошенько отбросить меня в сторону. Прямо туда, где стоял горшок с огнем, совсем один, без охраны. Я схватила его и подняла над головой.

— Нет, маленькая сволочь!

Яркие голубые искры появились вокруг Викера и пробежали по его пальцам, когда я бросила горшок вниз. Сильнейший порыв ветра пронесся передо мной, подхватил горшок в

воздух, где тот завис.

— Ты нарушаешь правила, Лакспер, — проворковала Кассави.

— Полагаю, я вступила в твой клуб, — огрызнулась я. Пот скатывался крупными каплями по спине, я нервничала. Черт побери, я думала, что победила ее. Думала, что спасла свою семью.

— Ну, раз уж мы обе нарушаем правила, как на счет этого? Викар, прикончи ее. Пусть воздух покинет ее легкие.

Вот черт. Я догадывалась, что произойдет. Он выбьет воздух из моих легких, разрушая их, пока обезумевшее сердце не перестанет биться. Как это было с моей мамой и Брэмли.

Я закрыла рот и уставилась на него, зная, что если и существовал тот момент, когда мне нужно связаться с землей, это был именно он. Сейчас, или мне придется умереть очень, очень мучительной смертью.

Сомнений не было — никто меня уже не спасет. Я опустилась на землю, зарывая руки в почву и склонив голову.

— О, Викар, погляди-ка. Она пытается призвать силу. Но ей не удастся, пока я не сниму блок. Да и Гранит придал блоку еще большей «силы» своей смесью.

Викар рассмеялся.

— Я собираюсь вдоволь насладиться этим зрелищем. Ты знаешь, что ее мать умоляла убить ее быстро?

Я злилась из-за их слов, и там, за пределами моей досягаемости, я почувствовала, как нарастает сила земли. Тянется на мой призыв, подчиняется моей воле.

— О нет, ты не посмеешь, — прошептала Кассави, ее голос доносился сквозь гул ветра. Мои глаза заслонило густой пеленой из розовой пыли, которая вонзалась в меня, словно острые шипы, и та зарождающаяся связь с землей отступала.

— О, ты будешь мне подчиняться, по своей воле или потому, что я сломаю тебя.

— Нет! — вскрикнула я и начала сопротивляться, но она была так сильна, что меня одолевало желание просто сдаться и позволить ей победить. Но это все было из-за кольца. Я была уверена. Я яростно брыкалась под тяжелой горой внутри меня, не зная как выбраться. Оставалось только кричать.

Ветер ревел у меня в ушах, и меня подняло в водовороте мусора. Воздух начал медленно покидать меня, и не имело значения, как крепко я зажимала рот, вдох за вдохом он покидал мои легкие. Было ли это так же, как с мамой? Делали ли они это так долго или специально растянули процесс? Я не закрывала глаза, всматриваясь в клубящийся ветер. Ненавижу Кассаву.

Ненавижу Викара.

Ненавижу свою слабость.

Голос Гриффина нашел меня в той тьме, куда провалилось мое сердце. «Дитя земли. Ты словами остановила Эндеров. Сделай это сейчас».

Воздух покинул меня, я силилась вдохнуть, легкие горели, мышцы и сердце нуждались в кислороде.

Я не могла говорить, поэтому беззвучно шевелила губами:

— Викар, остановись.

Я рухнула на землю, сильно ударившись, и вдохнула полной грудью. словно посеянный политый после засухи, я дышала запоем.

Послышался резкий звук пощечины.

— Почему ты остановился? Разве я приказала тебе остановиться?

— Я... я не знаю. Я услышал, что кто-то приказал остановиться.

Кассава фыркнула, и я посмотрела на нее, встав на четвереньки.

— Я приказала ему остановиться.

Ее глаза расширились от нахлынувшего понимания.

— Нет. Нет, твоя мать была полукровкой.

Я медленно поднялась.

— Она была ребенком Духа. Как и я.

Большой черный волк неторопливо поднялся на возвышение и через долю секунды обратился в Гриффина.

— Да, была. А теперь ее дочь займет надлежащее место принцессы.

Кассава закричала и подхватила горшок с огнем. Викир стоял, дрожа.

— Я не могу пошевелиться. Я не могу пошевелиться. Что ты со мной сделала?

Я с трудом сплотнула и отменила, точнее, попыталась отменить, что бы я там не сделала. Словно, у меня был шанс.

Меч вонзился ему в живот, а второй выскочил из груди. У него в горле забулькало, когда он устался на свое пронзенное тело, касаясь руками лезвий и глядя широко раскрытыми глазами.

— Мама всегда говорила, что я умру как и жил. Прости, мама.

Он скользнул вперед, и лезвия, вращаясь вырвались из его тела. За ним стоял Гранит.

— Это за Улани, летающий кусок дерьма.

Я кивнула.

— Спасибо.

Его взгляд ожесточился, когда он посмотрел на меня.

— Не стоит благодарности. Ты умрешь следующей.

— Гранит, ты не находишься под ее влиянием, — я выставила копье вперед, отойдя от него, — тогда почему ты слушаешься ее?

— Некоторые клятвы не могут быть нарушены, Ларк. Помни об этом, когда будешь давать свои.

Он рванулся, и зеленое мерцание вокруг его пальцев предупредило меня. Я отскочила в сторону, и земля позади меня провалилась.

— Будь ты проклята, — прорычал он, набросившись на меня с такой яростью, что мне оставалось только отбиваться. Я не могла победить его, он был слишком хорош, слишком опытен. И его вела боль, то, с чем я сама была хорошо знакома.

— Любая клятва может быть отменена богиней-матерью, призови ее. — Я выдохнула слова, пока пыталась удержаться от падения под его ударами. Он зацепил мое левое плечо, и я ударила его торцом копья в правое бедро, достаточно сильно, чтобы он упал на одно колено. Но я не могла заставить себя его убить. Мне хотелось верить, что он был под властью Кассавы, не смотря на то, что он сказал. Не смотря на то, что его глаза были чистыми.

Он улыбнулся устало и грустно.

— Ты слишком мягкая для этой жизни, совсем как твоя мать, Ларк. Я сделаю тебе одолжение, убив сейчас, вместо того, чтобы позволить тебе бороться против неизбежного в течение многих лет.

— Что бы ни позволяло тебе спать по ночам, действуй и верь, — гневно выкрикнула я,

расставляя ноги, одну вперед, другую назад, приготовившись к следующей атаке.

Он взмахнул рукой, зеленое свечение вспыхнуло импульсом, который я смогла опознать слишком поздно. Плющ, растущий по краю возвышения, зазмеился по траве и обвил мои ноги. Я рубанула копьем, перерезая его, но недостаточно быстро.

Гранит крестообразно взмахнул двумя мечами — удар, предназначенный для отрубания головы. Я знала. Я видела, как он делал это с манекенами в тренировочном зале. Я откинулась назад, не в силах отвести взгляд от мечей, которые разрубили воздух перед моим лицом, их концы оцарапали подбородок.

Я вскрикнула и попыталась перекатиться, но лозы опутали меня, усилив хватку на руках и ногах, не давая мне ничего сделать, чтобы спасти свою задницу. Паника подняла свою уродливую голову, заставляя меня лепетать:

— Гранит, не делай этого. Я могу ее остановить. Ты будешь свободен от своей клятвы, если она умрет.

Он горько усмехнулся.

— Нет, не буду. Клятва остается в силе до самой смерти человека, давшего ее, Ларк, а не смерти человека, которому она дана. Я дал ей клятву, которую не могу нарушить.

Паника захватила меня, когда он встал рядом со мной, расставив ноги и подняв меч.

— Прощай, Лакспер.

Я посмотрела по сторонам и увидела Гриффина.

— Помоги мне!

— Я говорил тебе, что если не можешь дотянуться до способностей, когда тебе это действительно необходимо, тебе не следует жить. Спаси себя сама.

Казалось, что все замедлилось, капля пота падающая с лица Гранита по зигзагообразной траектории, меч, летящий прямо мне в лицо, с острием сверкающим в лучах солнца из-за деревьев.

Времени на раздумья не было, я просто дотянулась до силы, не смотря на боль, прорвалась сквозь блок и овладела ей. Единственная вещь, которую я помнила, как делать и самая агрессивная тактика, которую я когда-либо применяла.

Под ногами Гранита взорвалась земля, кувыркком отправив его в воздух, оружие выпало у него из рук. Он упал на землю, перекатился и вскочил на ноги, глядя на меня огромными глазами.

— Невозможно.

Я взмахнула руками насколько смогла, привязанная к земле плющом, и деревья вокруг согнулись назад, дрожа от напряжения, словно натянутые гигантской резинкой.

Наши глаза встретились, и он выпрямился.

— Я ошибался на счет тебя. Ты сильнее. Ты не такая, как твоя мать.

Слезы покатались из глаз.

— Прощай, друг.

И я освободила деревья. Ветер, пронесшийся сквозь их листья и иголки, издал свистящий звук, и я закрыла глаза за секунду до того, как они обрушились на него.

Гриффин шагнул ко мне, нагнулся и обрезал лозы. Я подняла руки и, взмахнув пальцами, послала лозы прочь, прежде чем он смог закончить. Он слегка склонил голову ко мне.

— Оправляйся за королевой. Тебе нужно освободить огонь, и у тебя менее пяти минут, прежде чем станет слишком поздно для твоего отца и многих из твоей семьи.

Пять минут. Я села и я отодвинула печаль из сердца прочь. Гриффин был прав. Кассава ускользнула, пока я разбиралась с Гранитом. Моей работой, как Эндера, было выслеживать и казнить предателей.

И в лесу остался всего один предатель.

Я считала, пока бежала, пять минут — это триста секунд. Если у меня и были какие-то мысленные надежды, что Кассава перестала контролировать людей, то они быстро расстались. Едва я сбежала с возвышения, как группа из нескольких человек устремила ко мне и попыталась окружить, их глаза остекленели, а грудные клетки вздымались из-за червей. Я с легкостью уклонилась то них, так как их движения были, мягко говоря, вялыми. Не имело значения, как сильно Кассава принуждала их, тела отказывались им повиноваться. Они умирали.

Мне нужно было добраться до очищающего огня и освободить его. И как можно быстрее.

Двести двадцать девять.

На бегу я увернулась от первой группы, крепко прижимая копьё к боку и маша только одной рукой в такт бегу. Мне трижды пришлось отступить, чтобы обойти большие группы людей. Я не хотела ранить еще кого-нибудь, и знала, что в любом случае, это не их вина. Но все-таки они меня тормозили, и я проклинала их за это.

Сто восемьдесят четыре.

Спираль возвышалась передо мною, призывая меня. Я вбежала по ступеням прямоком в главный зал, не задерживаясь, чтобы посмотреть вокруг. Я знала, где будет Кассава. Без сомнения, в тронном зале — месте силы, месте, которое она хотела сделать своим.

Сто десять. Я рванула в том направлении, отшвырнув троих людей, стоящих у меня на пути.

Семьдесят один. Я чувствовала себя ужасно и надеялась, что не навредила им; но я уже видела, что любой, кем управляла Кассава, становился врагом. Это подразумевало абсолютно всех.

Я остановилась на краю тронного зала, сердце колотилось где-то в районе горла.

Сорок четыре. Кассава сидела на троне, держа горшок в руках. Мой отец лежал у ее ног, распластавшись вниз лицом. Ее окружали дети, стоя по старшинству. Вика, Белладонна, Кида и Брая — близнецы — и Рейвен. Брая и Рейвен единственные выглядели испуганными, щеки Брайи заливали слезы, она цеплялась за руку Рейвена, а тот был бледен от шока. Остальные улыбались, и в их глазах была та же злая тьма, что и у их матери. Как-никак они были ее детьми. Они не помогут мне сразиться с ней.

Рейвен слегка покачал головой. Не смотря на это, я услышала невысказанные слова. Они не могли уйти, даже если бы захотели. Но я все еще могла.

— Я не бросаю тех, кого люблю.

Его подбородок дрогнул, и он притянул Брайю поближе к себе и подальше от остальных так, что их отделение от всех стало явным. Кассава взглянула на него.

— Я разберусь с вами двоими позже.

Затем она обернулась ко мне.

— Ты хочешь, чтобы я освободила очищающий огонь, Лакспер? Думаю, я так и поступлю.

Восемь.

Она высоко подбросила горшок, занеся его над головой.

Шесть. К тому времени, когда он коснется земли, время выйдет, будет уже слишком

поздно.

Я пробежала три шага и бросила копьё.

Два. Глиняный горшок с огнем завис в высшей точке траектории, копьё вдребезги раскололо его в воздухе. Огонь освободился взрывной волной, которая отбросила меня назад. Я с такой силой врезалась в стену, что затрещали ребра, надламываясь от удара. Невыносимый жар последовал за взрывом, обжигая кожу, проникая внутрь в поисках червей. Стоя на коленях, я смотрела, как мой отец дернулся и начал извергать червей из носа и рта, они, скукожившись, умирали перед ним.

Я поползла по полу, пот стекал по голым рукам, оставляя маленькие капельки влаги, которые держались не более двух секунд на раскаленном полу. Я подобралась к отцу и приподняла его торс. Его веки задрожали, а дыхание стало легче. Он был жив. Я справилась вовремя.

Но как он узнает, что Кассава коварная стерва? Что она хотела его смерти? Его глаза открылись, и я покачала головой.

Идея пришла внезапно, словно вспышка молнии в мозгу, и я ухватилась за нее. Я слегка потрясла отца, убедившись, что он видит мои глаза.

— Нет, нет! Ты убила его!

Он чуть наклонил голову, со стороны могло показаться, что это от того, что я его трясю. И затем снова закрыл глаза.

Кассава рассмеялась.

— Конечно я убила его, таков был план, маленькая идиотка. Как мило, что это единственный раз, когда тебе приходится держать того, кто больше всех тебя презирал.

Я охнула от боли в теле и сердце от того, что она может говорить правду.

— Он не презирал меня.

Ее улыбка стала шире, когда она подходила ко мне, трое ее старших детей следовали за ней, держась на расстоянии.

— Ты напоминаешь ему Улани. Очень сильно. А она обманывала его с Гранитом. Ты знала об этом?

Сияние вокруг ее руки пульсировало, розовый огонь разрастался, пока не охватил все ее тело. Я опустила отца на пол и встала.

— Он не презирал меня. И моя мать никогда бы не обманула его. Я знаю, она не смогла бы.

Кассава уставилась на меня.

— Черт побери, верь мне!

Ее вопль, похожий на звуковую волну колоссального масштаба, поразил меня, я согнулась, и мои волосы взметнулись вверх. Ее голос обвился вокруг меня и сдавил, словно удав, затягиваясь до тех пор, пока я едва смогла выдавить единственное необходимое слово:

— Лгунья.

Сила вокруг меня перешла в пульсирующее крещендо, вдалбливая, чтобы я впустила ее, что все будет хорошо, как только я ее послушаю. Я сопротивлялась, словно пыталась вытащить завязшие руки из густой грязи. Сила подмяла меня, и я задержала дыхание... словно это могло помочь. Все, что я знала — я не должна впустить ее. Если я сделаю это, я проиграю.

Мои ботинки зарывались в утрамбованный пол, и зов силы прошел от земли сквозь меня, начинаясь у ног и поднимаясь выше, отталкивая колдовство от меня. Заставляя ее

уходить дюйм за дюймом, пока... я не освободилась. Я с трудом вдохнула и очутилась на коленях, глядя на нее. Она запустила руку мне в волосы и вывернула голову под неудобным углом. Ее глаза сверкали от ненависти, которую она даже не скрывала.

— Твоя мать тоже мне не повиновалась. Мне всегда было интересно, насколько сильна генетика. Пришло время умереть, Лакспер, ты — ублюдок, рожденный потаскухой.

Она подняла руку, и зеленая вспышка осветила ее пальцы. Она собиралась сбросить меня в яму и раздавить.

— Скажи, почему ты хотела его смерти? По крайней мере, скажи мне правду, прежде чем убьешь.

Я пыталась посмотреть на отца, но она крепко держала мою голову.

Она расхохоталась, практически сложившись пополам.

— Лакспер, ты действительно наивна или просто самая тупая из ныне живущих элементарей. Не то, чтобы причина теперь имеет значение. Мы никуда не торопимся.

Свободной рукой, той, с темно-розовым бриллиантом, она погладила мои волосы.

— Твой отец был слаб. Слишком слаб, чтобы делать то, что должен. Он был хорош для производства на свет сильных детей. Ты знаешь, что остальные элементарии смеялись над нами? Они знают, что у нас нет их магической силы или количества. Нам нужно занять место среди элиты. Мы должны быть правителями мира, Лакспер. Ты знаешь, как это должно быть? Та глупая рассказчица не ошиблась в этой части. Мы были предназначены, чтобы управлять людьми, направлять и принимать их поклонение. И я не единственная, кто так думает. Есть и другие, например, твой наставник.

Казалась, мысль поразила ее. Она сощурилась.

— Где мой генерал? Что ты с ним сделала?

Я согнулась вперед, вплотную прижавшись лицом к ее руке, выдирая волосы с корнем. Кольцо оказалось как раз в зоне моей досягаемости.

— Я убила его, а сейчас убью тебя.

Я схватила ее за руку и рванула к себе, дергая за кольцо и удерживая ее руку под своей. Мне нужно было действовать быстро, в другой раз это не сработает. Ребра в груди горели от огненного извержения, сломанные концы расходились дальше, но я ее не отпускала. Не могла. Другого шанса не будет.

Она закричала: «Ко мне!», и тронный зал наполнился людьми. Они брели, с трудом вдыхая, но были уже исцелены. Их кожа приятно розовела, черви больше не сыпались с губ. И они двигались быстро.

Хотя и не так быстро, как ее старшие дети. Они тоже кинулись к нам — Вика со своим мечом над головой, Белладонна и Кида с поднятыми руками, призывающие силу земли. Если они достанут меня, все будет кончено.

Две стрелы пролетели верно в цель. Одна прямо в плечо Вике, другая в землю у ног Белладонны. Они обернулись и увидели улыбающегося Гриффина.

— Прямо сейчас это честная битва между этими двумя. Давайте так это и оставим, детки.

Вика рванулась к Гриффину, и я потеряла их из виду, так как крутилась по кругу с Кассавой, используя ее тело, чтобы оградить себя от цепких рук ее бездумных последователей.

Пока я боролась с Кассавой, самым краем глаза заметила мелькнувшую зеленую юбку. Ферн?

Я больше не смотрела в ее сторону. Пока Кассави не знает, что она здесь, возможно, Ферн будет защищена от контроля королевы.

— Маленькая дрянь, я разрублю тебя и съем твое сердце! — крикнула Кассави, а кольцо застряло у нее на костяшке пальца. Мы крутились и крутились, тело сдавало, из-за ребер было невероятно тяжело дышать.

Я дотянулась до пояса и схватила последний оставшийся кинжал.

— Тебе будет куда больнее, чем мне.

Она закричала, когда я прижала клинок к ее среднему пальцу, стиснула зубы и надавила. Удивительно, но клинок прошел сквозь ее кожу и кость с легкостью, издав тихий хруст, когда палец был отрезан. Крик Кассави перешел в пронзительный вопль, когда палец упал на пол.

Руки, тянувшиеся к нам, упали, и толпа медленно осела на пол, над ними повисла жуткая тишина. Палец у моих ног дернулся, розовый бриллиант засверкал, и земля издала небольшой гул перед тем, как разом поглотить оба предмета. Кого-то позади нас вырвало, и плеск рвоты об землю долетел до моих ушей.

Я все еще держала Кассаву за руку, и было ясно видно, что кровоточащий обрубок пальца вместе с остальными пылает ядовито-зеленым цветом. Ее кисть и рука начали сжиматься, пока не осталось ничего, кроме когтей, за вычетом одного, черных и чешуйчатых. Крылья били меня по голове, черные перья застилали глаза, так как я сражалась не с женщиной, а с гигантским вороном. Развернувшись, я упала на колени, когда злой острый клюв ударил в сторону правого глаза. Я повернула голову, и ее клюв врезался мне в висок. Снова и снова она клевала меня, и я не могла ее отогнать. Голова раскалывалась, я знала, что еще один удар, и она раскроит мне череп.

И доберется до мозга.

Но моя семья была в безопасности, и мой отец жив.

Как Эндер я выполнила свою работу.

— Довольно! — Единственное слово разнеслось по воздуху, отбросив нас обеих назад.

Кажется, я неоднократно ударилась головой о камень и лежала на полу, с трудом пытаюсь сфокусировать взгляд.

Отец стоял, поддерживаемый Ферн, дети находились рядом с ним. Словно они всегда стояли рядом с ним. Он вытянул руку, открытая ладонь ожила зеленым огнем. Позади вскрикнула Кассави. Трижды хлопнули ее крылья, а потом просвистел порыв ветра, и она упала на землю, вынужденная принять свою человеческую форму.

— Бэзил, Ларк пыталась тебя убить, — крикнула она. Вот трюк, который она хотела проверить. Но поверит ли ей мой отец?

— Лживая тварь, за это ты будешь изгнана, если не казнена, — выругался он, и облегчение нахлынуло на меня, как водопад в жаркий день.

Она прикоснулась ладонью к своей левой руке под длинным рукавом. И, даже не глядя, я знала, что у нее там украденная повязка. С улыбкой и насмешливым поклоном она повернула повязку.

— Не сегодня, любимый.

Ее тело закружилось и втянулось в себя, после чего она исчезла с хлопком воздуха.

Я попыталась сесть, чтобы убедиться, что это в самом деле мой отец. Что он в порядке. Но я не была уверена, что смогу сделать даже это.

— Лакспер, я ожидал большего от тебя, — сказал отец, и я уставилась на него в шоке.

Его глаза были туманными, и выглядел он растерянным. Но это не облегчало острую боль от его слов.

— Я пыталась ее остановить, — прошептала я, а он покачал головой, брови опустились, в глазах мелькнуло тяжелое разочарование.

Я закрыла глаза, закапавшие слезы жгли порезы на моем лице, вызывая жгучую боль в местах, где Кассава долбила клювом в мой череп. Что еще я могла сделать? Я когда-нибудь заставлю его гордиться мной?

Был простой и болезненный ответ. Он никогда не будет мной гордиться. Я — незаконнорожденная полукровка.

— Бэзил, не могу поверить, что ты говоришь ей это! Ты сошел с ума? Она только что спасла тебя и наш народ, а ты унижаешь ее? — резко произнесла Ферн. — Так ты будешь относиться к нашему ребенку? Потому что если это так, то я вернусь в Эврику и буду там жить с людьми.

Я распахнула глаза и увидела, что Ферн стоит рядом со мной, скрестив руки на груди, что только подчеркивало ее выпирающий живот. Отец уставился на нее.

— Наш ребенок не будет полукровкой, incapable даже прикоснуться к силе.

Пара рук помогла мне сесть, мускусный запах волка окружил и успокоил меня. Гриффин усмехнулся.

— Она слишком глубоко запустила в него когти, даже сейчас правда в его глазах преплетается с ложью. Пройдет время, прежде чем он отделит одно от другого.

Я кивнула, но это все еще причиняло боль.

— Ферн, твое место там, рядом с ним.

Она повернулась и опустилась на колени.

— Ты спасла меня от нее, Ларк. Я не позволю ему так с тобой обращаться.

Сердце мое сжалось в комочек, и я поняла — возможно, только возможно, у меня были здесь некоторые друзья. Рейвен и Брайя обошли вокруг, и присели рядом со мной.

— Ларк, нас ты тоже спасла. Мы были следующими, она так сказала.

Я посмотрела вверх их голов на отца, его глаза затуманились сомнением и чем-то, чего я никогда не видела у него.

Страхом.

Он не понимал. Или, может быть, он понимал слишком хорошо.

Гриффин помог мне встать, а Рейвен обнял рукой за талию.

— Мы должны отвести тебя к целителю.

Рядом со мной фыркнул Гриффин.

— Держи, у меня немного осталось.

И прежде, чем я смогла сказать «да» или «нет», он прижал флягу к моим губам и влил содержимое в рот. Я судорожно сглотнула. Исцеление было болезненным, как и раньше, тело извивалось, пока кости срастались обратно. Я упала на колени, в ушах гудело от криков, поднявшихся в зале.

Все кричали.

Но все это не имело отношения ко мне.

Я встала и подошла к отцу.

— Ты слышал ее признание, не так ли?

Его челюсть дрогнула, и крики затихли. Я настаивала на ответе.

— Так ты слышал или нет ее признание?

Он медленно выдохнул.

— Я слышал ее.

— И кольца нет, так что она не может тобой управлять.

Он вскинул голову, глаза засверкали зеленым огнем.

— Она никогда не управляла мной, я — король.

— Ты глупец, если в это веришь.

Я отвернулась от него, ноги понесли меня прочь из Спирали. Меня не волновало, кто последует за мной, не волновало, что случится. Кассава была остановлена. Семья, в основном, уцелела.

Запах волка опередил Гриффина, и я подвинулась, чтобы он мог прислониться к секвойе рядом со мной.

— Твой отец не прав, ты хорошо справилась. Более чем хорошо. Ты их всех спасла.

Я кивнула.

— Тогда почему я чувствую себя хуже, чем червивое дерьмо?

— Потому что наши родители, не важно сколько нам лет, имеют над нами такую власть.

Спотыкающаяся фигура сползла на землю, едва видимая между двух домов. Темная голова, одежда пропитанная кровью и единственная рука.

Его зеленые глаза встретились с моими.

— Ларк, помоги мне.

— Коул! — Его имя сорвалось с губ, и я побежала к нему. Упав на землю рядом с ним, я обняла его.

— Ты жив!

— Что случилось? — Его слова были невнятные, как будто он был пьян.

— Ты потерял много крови.

Я вытащила ремень и обернула его чуть выше культи его правой руки, быстро затянув. Он наложил на руку импровизированный жгут, но это не дало эффекта.

— Нам нужно доставить тебя к целителю.

— Кто сделал это со мной? — прошептал он. — Я убью их. Я недомужчина. Не смогу делать свою работу. Я теперь бесполезный.

Он бормотал всю дорогу до комнаты целителей, где я оставила его в надежных руках тех, кто знал лучше меня, как ему помочь. Не то, чтобы он захотел видеть меня снова, только не тогда, когда правда выплывет наружу.

Богиня, помоги мне, пусть Коул никогда не узнает, что это я отрубила ему руку. Не было способа объяснить, как и почему это случилось. Он никогда не поймет.

Я медленно дошла до казарм Эндеров. Блоссом сидела на полу, вокруг нее повсюду валялись мертвые черви. Я присела рядом с ней.

— Эй, как ты?

Она взглянула на меня.

— Мэл умер. Огонь пришел слишком поздно для него.

Затем она начала плакать.

— Я не хочу быть Эндером, это слишком тяжело. Тут слишком много боли.

— Это случилось бы, и неважно, проходила бы ты тренировку Эндера или нет. — Я нахмурилась, пытаюсь подобрать правильные слова. — Быть Эндером означает всего лишь, что нас учат бороться с подобными вещами, так что у нас есть шанс спасти тех, кого мы любим.

— Но я не смогла его спасти.

Ее рыдания разрывали меня, заставляя глаза наполняться слезами. Я знала это чувство слишком хорошо.

— Но, возможно, в следующий раз ты сможешь спасти кого-нибудь еще.

Я осторожно положила руку ей на плечо, не желая ускорять события. Так или иначе, ей придется принять решение.

И потом я вспомнила.

Камеры внизу, Эш был там. И заблокирован от внешнего мира.

— Богиня-мать, огонь не достиг бы его!

Я припустила в сторону нижнего уровня, где оставила Эша. Дверь в его камеру была закрыта и, схватив ключи, висящие на стене, я сунула их в замок.

— Давай, давай!

Я не могла найти нужный ключ, не могла отрыть. Наконец, последний ключ, естественно, открыл замок, и я распахнула дверь. Он был бледен, живые черви на полу рядом с ним свидетельствовали, что он все еще заражен.

— Одень на него ожерелье.

— Гриффин, ты уверен? Ты говорил, что это не работает, когда я хотела одеть ожерелье на моего отца.

Старый волк подошел ко мне.

— Это его единственный шанс, все произойдет довольно скоро. Вот и выясним.

Я побежала в комнату и упала на колени рядом с Эшем, сняла ожерелье через голову и положила его ему на грудь. Пальцы Эша сжали ожерелье.

— Ты... ты остановила ее?

— Да, но ты пропустил все представление.

Он схватил ожерелье, и черви посыпались у него изо рта белой шевелящейся массой, что заставило меня отскочить назад так быстро, как только возможно. Он перекатился на бок, и его сильно вырвало, извергая умирающих червей.

— Он поправится. Я присмотрю за ним, — сказал Гриффин, а я продолжила отступать, сдерживая рвотные позывы.

— Ты не заболеешь?

— Нет, у волков иммунитет к такому дерьму. — Он ткнул пальцем в сторону Эша, которого все еще рвало.

— Тогда да, присмотри за ним, — я, спотыкаясь, пошла прочь. Эш и я не смогли бы стать друзьями, но он помог мне так, как смог, находясь под властью Кассавы, и я не хотела, чтобы он умер.

В казармах на собрание пришли оставшиеся Эндеры. Если трое могут называться «собранием».

— Вот и все, Ларк. — Блоссом указала на себя, и другого сеятеля — парня, по имени Три, едва ли достаточно взрослого, чтобы отрастить бороду. Он склонил голову, на лице ясно читалась печаль.

— Что ты имеешь в виду под «вот и все?» — Я переводила взгляд с одного на другого.

— Мы трое — последние Эндеры, остальные убиты. Кто-то убил нескольких Эндеров. И это не только легочные черви, — ее глаза наполнились слезами, и я задалась вопросом, долго ли теперь она продержится на обучении. Особенно, если узнает, что двоих Эндеров убила я. Гранита и Снэпдрегена нет из-за меня.

Я размышляла, качаясь с пятки на носок, пока чей-то кашель не заставил нас обернуться.

Он был бледен, глаза затуманены болью, но у него не было никаких червей, что давало надежду, что с ним будет все хорошо.

— Нас больше, чем трое, — тихо сказала я.

Эш посмотрел на нас.

— Что, серьезно? Три сеятеля и я, чтобы достойно защитить Край?

Блоссом кивнула.

— Да, — и разрыдалась пуще прежнего.

— Тогда, мне кажется, мы улучшим тренировки, — сказал он, естественно беря на себя обязанности Гранита. Занимая место нашего наставника.

Он отправил нас помочь тем, кто в этом нуждался — очистить тела, отвести слишком слабых по домам. День угасал, а мы все еще таскали тела и живых, и мертвых.

В меркнувшем свете я отправилась на поле для собраний, насыпь из земли, на которой стояла Кассава, все еще была там в неизменном виде. Куски валунов лежали тут и там, несколько людей указывали на них, интересуюсь, кто это сделал.

Я подходила ближе, пока не увидела углубление, где лежало тело Гранита.

Его не было. Я схватила за рукав одного из мужчин, помогающих с телами.

— Кто-то перемещал его?

Он остановился и посмотрел туда, куда я указывала.

— Перемещали кого?

Сжав челюсть, я побежала к месту, где лежал Гранит. Ни тела, ни крови. Но вокруг были отметки, похожие на следы когтей птицы, выкапывающей свою добычу.

Я подавила внезапный приступ желчи. Они оба были живы. Правда, некая часть меня была счастлива — я не желала смерти Граниту. Он был моим другом на протяжении некоторого времени, и я не хотела ему зла.

С другой стороны, Кассава...

На мое плечо опустилась рука, и мне даже не нужно было оборачиваться, чтобы знать, что это Гриффин.

— Ты же знаешь, что она не сдастся.

— Я знаю. Мне просто жаль, что кто-то не верил мне, — легкие порывы ветра витали между кронами деревьев, забирая с собой запах болезни и смерти, взамен принося аромат приближающейся осени.

Вторая рука приземлилась на мое плечо.

— Я верю тебе.

Я повернула голову. Эш смотрел на меня, в его глазах не было ни капли ненависти.

— Ты — единственная, Лакспер, кто видел сквозь ложь Кассавы. Никто из нас не справился бы без тебя.

Я подумала о кольце, о том, как земля поглотила его. Если его найдет кто-нибудь другой, как бы нам не стало хуже. Перед мысленным взором предстала Белладонна, надевающая кольцо на палец и продолжающая то, что начала ее мать. Отвращение возросло. Я покинула обоих мужчин.

— Спасибо, но мне нужно идти.

Без лишних слов, я направилась в сторону посевных полей, взяла единственный инструмент и отправилась в Спираль. При мысли о том, что кто-нибудь еще завладеет кольцом, какой бы силой оно не обладало над нашими людьми, меня начинало тошнить. Желудок сжимался от беспокойства, я с легкостью нашла место, где земля поглотила ее палец. Кровь впиталась, но темное пятно было все еще различимо.

Я воткнула совок в землю и подняла горсть почвы. Три полных совка земли — и ничего.

— Что ты делаешь?

Я продолжала рыть, даже не смотря на Рейвена.

— Уйди.

— Ты ищешь ее палец, да?

Я остановилась и, наконец, посмотрела на него.

— Да, теперь уходи.

— Зачем?

— Рейвен, — я опять взялась за совок, — Я должна спрятать его.

— Ее палец?

Если ему будет так легче, то пусть верит в это.

— Да, я должна спрятать ее палец.

— Ммм. И все-таки зачем?

Я все еще пыталась выяснить, кто всосал палец в землю. Мой отец? Кто-то из родных? Слишком трудно, чтобы сказать точно, у меня не было времени следить за их руками, пока я боролась с Кассавой.

— Ладно, не бери в голову.

Еще один совок земли, и я стояла над ямой почти трехфутовой глубины. Палец лежал там, все еще подергиваясь, словно жил собственной жизнью.

Рейвен пригнулся, чтобы посмотреть, но я покачала лопатой, останавливая его.

— Нет, Рейвен, я не хочу, чтобы ты видел это, — честно говоря, я не хотела, чтобы он узнал, что кольцо давало его матери такую власть. Он был достаточно умен, чтобы при виде кольца сложить два и два.

Наклонившись к отверстию, я сняла кольцо, погладив его, а затем достала палец. Рейвен дал мне маленький кусок шелка, и я обвернула в него палец.

— Рейвен, я сожалею о твоей матери.

Он пожал плечами.

— Она не была хорошей матерью, она даже не любила меня. И говорила это несколько раз. Знаешь, я помню твою маму, но никогда не мог сказать тебе об этом. Когда я был маленьким, то упал и расшиб губу, — его глаза затуманились призрачной дымкой воспоминаний, — она подняла меня и прижимала к себе, при этом мягко пела, пока я не перестал рыдать. Это был единственный раз, когда меня кто-то успокаивал. Она пахла как экзотические цветы, аромат которых я не смогу назвать даже сейчас.

Я кивнула, горло внезапно перехватило. Проходя мимо, я слегка задела его.

— Рейвен, закопаешь это за меня?

— Конечно.

Затем я вышла из Спирали и направилась к южной границе леса. Я шла, не в силах делать ничего больше. Не имело значения, сколько времени это займет, спешить больше было не куда. Поэтому я вдыхала запахи леса и пыталась оставить все, что со мной произошло, позади. По крайней мере, на некоторое время.

Я прошла мимо дома Гриффина и подошла к краю оврага. Я бросила палец вниз и смотрела, как он кувыркается по камням и исчезает в осыпях.

В одиночестве, я вытаскила кольцо из кармана и катала его по ладонке. Искушение надеть его и, в конце концов, обрести собственную силу, взывало ко мне. Но я слишком явно видела, что оно сделало с Кассавой, как она причиняла боль тем, о ком должна была заботиться.

— Что же мне с тобой делать?

Но я никому не могла доверить это оружие. Я поразилась, когда четко поняла, что кольцо — это оружие.

Опасное, вызывающее привыкание, оружие, которое было слишком мощным для любого человека. Мне нужно было место, чтобы спрятать его, убрать из этого мира. Единственный вопрос, куда?

Я долго просидела на утесе, свесив ноги, словно мне снова десять лет, прежде чем придумала подходящее место. Улыбка скользнула по губам. Оно было превосходным, никто никогда и не подумает там искать.

Я встала, отряхнула одежду и направилась в центральную часть Края. Мне придется подождать, пока наступит ночь, но это было хорошо. Я могла с этим справиться. Страх ночной темноты не шел ни в какое сравнение с тем, что мне пришлось повидать.

— Никто не найдет тебя снова, — прошептала я, сжимая в ладони драгоценный камень.
Пожалуйста, мать-богиня, пусть это будет так.

Торжественный ужин был устроен по высшему разряду, запоминающееся событие по всеобщему признанию. Прославление жизни, новых начинаний и возможности начать все с чистого листа. Хотя легочные черви погубили практически всех Эндеров, большая часть населения выжила. Всем объявили, что Кассава погибла. Ложь, которая станет явной в момент ее возвращения с возмездием.

Но на данный момент они были счастливы, и мой отец был в безопасности. Он слегка придерживал Ферн за талию, а она счастливо улыбалась ему. Конечно, ведь он только что прилюдно сделал ей предложение выйти за него замуж. Она, естественно, сказала "да", и все люди были очень взволнованы. Свадьба — огромное событие в Крае.

Я наблюдала с кромки поля для собраний. Как и прежде, меня не пригласили, не смотря на протесты Ферн. Она даже раздобыла для меня платье по последней человеческой моде: обтягивающее и блестящее, темно-золотого цвета, который подходил к моим глазам и волосам. Хотя она была далека от идеала, она будет куда лучшей королевой, чем Кассава. И я сказала ей об этом. Она разрыдалась и стала меня обнимать.

— Если бы только твой отец изменил свое мнение, ты лучшая из всех его детей.

Еще одна причина, по которой я отказывалась присутствовать, даже не смотря на то, что она меня уговаривала. Ветч, Белладонна и Кида все еще жили в Спирали. Они утверждали, что Кассава управляла ими также, как и всеми остальными. Но я с легкостью видела, что они лгут.

Меня они не обманут, даже если им и удалось обмануть отца и остальных. Кассава не умерла, и я не сомневаюсь, что она будет использовать троих старших детей для претворения в жизнь своих планов.

И вот я сидела, так сказать, затаившись на крыше ближайшего дома, и наблюдала. Следила за тем, чтобы никто не вышел за рамки дозволенного.

Я защищала их, хотя они и не видели меня, тем более большинство из них все еще считали меня бесполезной. Ирония происходящего не ускользнула от меня.

— Эй, красотка, тебе не мешает компания?

Снизу на меня глядел Коул, и я протянула ему руку, устроив рядом с собой. Он притянул меня к себе, но я осторожно оттолкнула его и продолжила смотреть на поле, мерцающие огни, светлячков и покачивающихся танцоров.

— Я на дежурстве, Коул.

— Посмотри-ка, такая правильная. — он коснулся рукой моей щеки, проводя пальцами по лицу. — Пройдут годы, прежде чем ты станешь полноценным Эндером. — вина съедала изнутри. Я так и не рассказала ему, что это я покалечила его. Как бы я смогла?

И эта самая вина позволила ему вернуться в мою жизнь и в мою постель. Я не переставала осматриваться, выискивая признаки того, что что-то идет не так.

— Ты знаешь, что когда наш народ только пришел сюда, Эндеров тренировали меньше времени, их испытывали посылая в бой: если они выживали, их допускали к главному испытанию.

— Это было тогда, Ларк. Сейчас все по-другому.

Послышался характерный звук шагов.

— Эш.

— Лакспер, Коул подежурит за тебя сегодня.

Коул подавился.

— Я?

— Да, у нас мало народу и ты знаешь это.

Эш шагнул в поле зрения, его медовые глаза мерцали в полумраке, словно у большого камышового кота.

— Мне нужно, чтобы Лакспер пошла со мной.

— Что-то случилось? — я спрыгнула с края крыши, терзаясь от страха. Тон Эша подсказывал мне, что чтобы там не случилось, это было серьезно.

— Нет, но ты должна пойти со мной, — он развернулся и пошел, прежде чем я успела спросить еще что-нибудь.

Я посмотрела на Коула, но он пожал плечами.

— Он главный.

И это было правдой. Эш теперь был главным — мой отец предложил ему официально возглавить Эндеров. Тренировать тех, кто придет, чтобы стать последними защитниками нашего народа. После ликвидации последствий, несколько стражей границы предложили встать на замену и тренироваться. Мы пополнили наши ряды, но жизнь довольно быстро покажется Эшу не сладкой, так как он — единственный настоящий Эндер, которому придется справляться со всеми свалившимися проблемами. Но только не Коулу, ему повезло, что он все еще был стражем границы, потеряв руку. И он осознавал это.

Эш шел большими шагами из всех направлений выбрав Спираль.

— Что-то случилось, что-то с отцом?

Он покачал головой.

— Все в порядке, Ларк. Успокойся.

Груз с моих плеч немного спал.

— Легко сказать. Тебя не в обвинили практически во всем случившемся.

Я потёрла обнажённые руки, кожаного жилета было недостаточно для холодного летнего вечера. С тех пор, как всё стихло, я оказывалась в беде каждый день. Во-первых, прибыл посол из Шахты.

— Тебе повезло, что отец смог очистить твою репутацию, — сказал Эш, — уже это говорит о его чувствах.

Я ничего не сказала. Мой отец избавил меня от проблем, сказав, что я была под влиянием Кассавы и, таким образом, мне не нужно было нести ответственности. Я была благодарна, но часть меня ненавидела то, что приходилось прикрываться ложью. В какой-то степени Кассавой.

Прошло три недели с тех пор, как она практически убила моего отца, три недели, и всё же казалось, словно лето было длинной в жизнь. Чуть более чем за два месяца я превратилась из бесполезного сеятеля в натренированного Эндера, сразившегося с королевой, спасшего отца и семью, и вот теперь со мной вновь обращались как со слабачкой. Неудачницей, которую Кассавы «использовала», согласно всем отчётам. И никто мне не верил. Кроме Эша и моего отца. И Ферн. Я не могла исключить её из этой маленькой группы.

Я вернулась к началу, и это, мягко говоря, раздражало.

Мы быстро шли по главному зданию Спирали, а затем спустились по узкой лестнице к горячим источникам.

— Эш, ты скажешь мне, что происходит?

— Нет. Мое дело маленькое.

Звучало это нехорошо, не смотря на его уверения. Внутри всё сжалось, и меня пробил беспокойная дрожь. Он распахнул последнюю дверь, которая вела к горячим источникам, и жестом указал мне путь.

Песок был всё таким же белым и чистым, как и в последний раз, когда я приходила сюда, будучи ребёнком. Перед тем как Кассава изгнала меня из Спирали. Но теперь всё было по-другому.

Ярко горящие факелы были воткнуты в песок, отмечая идеальный путь к воде. Она больше не была того яркого, контрастно-синего цвета, в которой я плавала ребенком. Теперь она была темно-синей и мягко касалась белого песка, дно источника светилось ярким светом, который манил меня.

Один из наших испытателей стоял в начале дорожки.

— Лакспер, меня зовут Дуглас, сегодня я буду тебя испытывать.

Я была в замешательстве.

— Что происходит?

Эш встал передо мной, скрестив руки на груди, и посмотрел в глаза.

— Ты здесь для прохождения финального испытания, Ларк. То, что ты сказала Коулу, верно. В прошлом, во времена большой необходимости, Эндеров тренировали и посылали в бой для испытания. Тех, кто его прошел, приводили сюда для финального шага. Хочешь его пройти?

Горло перехватило, и я кивнула. Я стану Эндером. Больше не буду бесполезной для отца или народа. А затем на дорожку перед Эшем шагнул мой отец.

Он мягко мне улыбнулся.

— Иди сюда, малышка. Тебе нужно кое-что узнать.

Я помнила своего отца именно таким. Где он был все эти годы? Я шагнула к нему, и он поймал меня и сжал в объятьях. Отец обнял меня еще крепче, и я вдохнула его запах. Чувствуя, словно мне снова десять лет, и отец все в мире сделает правильным.

— Тише, я не думаю, что Эндерам положено плакать.

Я рассмеялась и выпрямилась, вытирая глаза.

— Отец.

— Я должен вернуться на праздник, но я хотел быть здесь в этот момент. Ради тебя. Ради твоей матери.

Он протянул мне сложенную кипу бумаг.

— Это твоя родословная по материнской линии. Ее генеалогическое древо многое расскажет тебе. То, что я не мог рассказать сам.

Я взяла пачку бумаг и прижала их к груди, вопрос сжигал мне сердце, тот, который долгие годы не мог сорваться с губ.

— Почему ты отвернулся от меня? Все эти годы...

Он закрыл глаза, и скатившаяся по щеке слеза затерялась в бороде.

— Я знал, что Кассава будет рассматривать тебя как угрозу. Это был единственный способ, которым я мог обеспечить твою безопасность, чтобы ты смогла вырасти такой женщиной. Только заставив ее думать, что ты ничего для меня не значишь, ты была ограждена от ее ревности.

Он открыл глаза и взял мои руки в свои.

— Все мои дети ценны для меня, все до последнего. Ларк, дочь моя, ты можешь быть сильнее их всех. Поэтому я отдалил тебя. Поэтому вел себя так безразлично. Как думаешь, что произошло бы, если бы ты была рядом, если бы я на самом деле нашел кого-нибудь, чтобы снять твой блок, пока Кассави все еще была здесь?

— Она бы использовала и меня тоже.

Он кивнул.

— И тогда не осталось бы никого, чтобы спасти нас.

Я выпалила следующий вопрос:

— Тогда какого черта ты не выгнал ее взащей из леса?

Он не закричал, не разозлился; он рассмеялся, но это был усталый смех.

— Ах, если бы все было так легко. К тому времени, как я понял, что она делает, у нее было больше половины моих Эндеров, и она также манипулировала другими семьями. Я выжидал удобного случая. Не похоже, чтобы у нас их было много.

— Не для моей мамы.

— Ларк, поговорим об этом в другой раз. О твоей маме, о Брэмли и обо всем том, чего ты не видела. Я обещаю. — он нежно сжал мои плечи руками. — Но сейчас важный момент. Ты должна решить, такой ли жизни ты хочешь? Стать Эндером? Променять дом и очаг на сталь и кровь?

Я сделала полшага назад.

— Пока с Кассави не покончено, для мирной жизни нет ни единого шанса. Никто из нас не в безопасности. И уж, конечно, никто из тех, кого я люблю, или любой ребенок, которого я рожу.

— Тогда отправляйся с моим благословением. И знай, что я люблю тебя, дочь моя, даже если всему миру кажется, что это не так.

Он повернулся и пошел прочь, выскользнув в дверь, которая вела обратно на праздник к публике.

— Раздевайся, — сказал Эш.

— Совсем?

— До последней нитки.

Я не была стеснительной, но все же крайне неприятно было стягивать с себя одежду перед Эшем и Дугласом. Любой другой не беспокоил бы меня, но Эш видел меня насквозь. Видел больше, чем мне бы хотелось.

Обнаженная с покалывающей от ветра в пещере кожей, я пыталась не скрещивать руки на груди.

— Я готова.

Глядя мне в глаза, он произнес:

— Удачи.

Дуглас вышел вперед.

— Лакспер из Редвуда, ты вызываешься на битву за тех, кого любишь. Ты принимаешь вызов?

— Да.

— Ты призвана защищать лес и все, что он содержит. Будешь ли ты твердо противостоять всем, кто приходит со злом в сердце?

— Да.

— Ты обнажаешься перед Богиней-матерью, чтобы она увидела твое сердце и его

искренность. Позволь ей принять тебя, и она укажет тебе путь.

Песок скользил между пальцами, когда я с пересохшим ртом и замирающим сердцем шла по дорожке между факелами. Прогулка была недолгой, но все же достаточной, чтобы мысленно пробежаться по всем возможностям. Что случится, когда я зайду в воду? Что я увижу?

Я коснулась ногами кромки теплой воды, и небольшая волна набежала на мои ступни. Зазвонил колокол, и я огляделась. Эша не было, и пещера исчезла. Я стояла на краю длинного белого пляжа под полной луной. Грохотал океан, притяжение земли наполняло мои чувства, легкий теплый бриз щекотал мои икры.

По направлению ко мне шла женщина, одетая в струящуюся юбку, такую длинную, что ее подол стелился сзади по ветру на добрых десять футов. У нее были волосы цвета земли, темные и густые, хотя и с проблесками серебра. С каждым шагом она становилась ближе, пока я не смогла рассмотреть черты ее лица. Форма ее подбородка и слегка раскосые глаза наводили на мысль о каком-то крупном звере, запертом в ее оболочке. У нее были полные губы и крошечный нос. Она встретилась со мной взглядом, и я попала в ловушку: золото и зелень и затем каждый цвет, который когда-либо появлялся в лесу.

Я медленно опустилась на колени.

— Матушка.

Она провела ладонью по моей щеке.

— Лакспер, я долго ждала, когда же ты придешь ко мне. Теперь нам нужно многое обсудить за короткий срок. Тебя ожидает долгий, трудный путь, пока ты научишься использовать свои способности. И у тебя будет больше испытаний, чем у любого другого из моих детей.

Я подняла на нее глаза.

— И Кассава является одним из этих испытаний.

— Да, дитя мое. С ней еще не покончено, и ты еще не готова столкнуться с разрушениями, которые она приносит. Но ты будешь готова. — она провела рукой по моей голове, приглаживая волосы. — Ты будешь готова.

Я встала, и она поманила меня следовать за собой. Я оглянулась и увидела мигающие факелы и песчаный пляж, где Эш ожидал окончания моего испытания.

— Идем, Лакспер, — позвала меня Богиня-мать. — Пришло время увидеть, как ты сменишь путь. Начнем.

— Да, — прошептала я. — Начнем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net